

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО»
(БГУ)

На правах рукописи

Потворов Артем Иванович

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВИЗАЦИЯ УЧАЩИХСЯ
РОССИЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

доцент

Алферова Ирина Викторовна

Брянск 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. РОССИЙСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА «СТАРОГО ТОЛКА» И «НОВЫЙ КУРС» В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	24
<i>1.1. Российское среднее образование накануне Первой мировой войны</i>	24
<i>1.2. Реформа российской средней школы в условиях Первой мировой войны</i>	47
ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	73
<i>2.1. Государственная, общественная и частная инициативы в организации воспитательного процесса накануне и в годы Первой мировой войны</i>	73
<i>2.2. Проявление «социального патриотизма» учащимися средних школ Российской империи в деле оказания поддержки армии и в помощи пострадавшим от войны</i>	99
<i>2.3. Программа «мобилизация спорта» в средних учебных заведениях Российской империи 1916 – весна 1917 гг.</i>	121
ГЛАВА III. УЧАЩИЕСЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УЧАСТИИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ТЫЛА В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	143
<i>3.1. Сельскохозяйственные дружины учащихся средней школы как элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны</i>	143
<i>3.2. Активизация учащихся в практической деятельности на нужды фронта в сфере промышленного производства</i>	175
<i>3.3. Участие учащихся средних школ Российской империи в решении социальных проблем, вызванных войной</i>	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Первая мировая война, являясь военным конфликтом тотального типа, повлекла за собой не только жертвы в невиданных прежде масштабах, но и сформировала «вызовы», повлекшие принципиальные и качественные изменения в общественно-экономической жизни стран-участниц.

При этом одним из необходимых условий существования общества в новых исторических условиях являлась система среднего образования, в рамках которой реализовалась подготовка основных производителей и потребителей как материальных, так и духовных благ. Интерпретация российской средней школы с целью выявления ее потенциальных возможностей адекватно реагировать на «вызовы» военного времени имеет очевидную актуальность.

Изучение теоретических основ, практики активизации учащихся в экстремальные периоды отечественной истории позволяет сегодня разрабатывать оптимальные формы и методы воспитательной работы с подрастающим поколением. Знание истории различных молодежных организаций и движений как инициированных государственной властью, так и возникавших спонтанно, предоставляет возможность извлекать исторические уроки при разработке государственных стратегий и тактики в области молодежной политики.

Способность системы среднего образования противостоять «вызовам» времени, обеспечить процесс трансляции знаний и воспитания подрастающего поколения в любых, в том числе в экстремальных условиях, обеспечивает не только необходимый уровень грамотности и образованности населения, но и предопределяет сохранность в перспективе социума как такового. В этой связи обобщение и научная интерпретация разноплановых «ответов» российской средней школы на «вызовы» Первой мировой войны является вкладом в копилку общечеловеческого опыта обеспечения самосохранения.

Несмотря на оценки значимости мирового конфликта и существующие фундаментальные исследовательские наработки, выявившие его влияние на

многие стороны жизнедеятельности, еще сохраняются некоторые пробелы в освещении ряда проблем. Специфика функционирования средней школы, шире – образовательной среды с точки зрения проявления адекватности по отношению к сложившейся ситуации, порожденной военным временем, способности к функционированию и последующему развитию, является одним из них.

На фоне нараставших в условиях войны экономических и социально-политических кризисных явлений образовательная сфера оставалась чуть ли не единственным направлением развития, не подверженным процессу развала и упадка, сохранившим ресурсы для самосовершенствования. Определенный парадокс заключался в том, что война вызвала к жизни процессы реформирования образования, во многом не получившие реального воплощения в мирное время.

Актуальность исследования также связана с изучением влияния неправительственной сферы на систему образования, особую роль активизации учащихся средней школы в условиях военного кризиса.

Объектом исследования явилась учащаяся молодежь средних учебных заведений Российской империи кануна и в годы Первой мировой войны.

Предметом исследования – общественно-педагогические практики, направленные на активизацию учащихся средних школ Российской империи в годы Первой мировой войны, анализ проявленных ими собственных инициатив.

Степень разработанности темы исследования в научной литературе позволяет говорить о том, что с конца XIX в. и до начала Первой мировой войны проблемы, связанные с функционированием российской школы, неоднократно привлекали внимание исследователей, однако, интерпретация многих из них так и не получила реального воплощения. Начиная с 1890-х гг. и заканчивая 1913 г. публикации были посвящены главным образом выявлению недостатков образовательного процесса в рамках классической гимназии, а

также обсуждению проектов создания единой системы среднего образования¹. Начало Первой мировой войны вызвало новый всплеск интереса к российской средней школе. Это происходило по многим причинам, но на первом месте был дефицит квалифицированных специалистов. При этом поступление в специальные, прежде всего, высшие учебные заведения было затруднено по причине отсутствия в стране преемственности между различными ступенями школы и недостатка числа средних заведений. Эти факторы обусловили актуализацию проблемы реформирования российской школы, а также излишне критическое отношение к ней².

Новым явлением в практике школьного среднего образования в условиях войны явилась активизация воспитательного процесса, основанного на идее «национального воспитания». Одним из теоретиков этого направления в деятельности школы был теоретик образования, приват-доцент П.П. Блонский³.

Однако с момента начала войны и до октября 1917 г. основная масса опубликованных работ была посвящена главным образом отражению негативных последствий войны на сферу российского образования. Определенным исключением являлись публикации в педагогических журналах того времени, содержащих попытки определить конкретное влияние войны на систему отечественного образования. Журнал «Вестник воспитания» регулярно публиковал статьи под общим названием «Война и дети»⁴. Подобные материалы

¹ См.: *Вахтеров В.П.* Спорные вопросы образования. М., 1907; *Григорьев С.* Средняя школа по нашим законам. (Исторический очерк). СПб., 1900; *Мусин-Пушкин А.А.* Сборник статей по вопросам школьного образования на Западе и в России. (По личным наблюдениям). В двух томах. СПб., 1912; *Чем должна быть наша среднеобразовательная школа.* СПб., 1902; *Сперанский Н.* Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. М., 1910.

² *Граф Игнатьев и развал школы.* Саратов, 1916; *Мусин-Пушкин А.А.* Среднеобразовательная школа в России и ее значение. Пг., 1915; *Павлов А.П.* Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. М., 1916.

³ *Блонский П.* О национальном воспитании. М., 1915; *Мусин-Пушкин А.А.* О необходимости национального направления нашей школы. Пг., 1915.

⁴ *Горный Владимир.* Война и дети // Народный учитель. 1916. № 14. С. 5–6; *Егоров Т.Г.* Что думают дети о войне // Народный учитель. 1915. № 7. С. 5–8; *Чистяков В.* Война в переживаниях деревенских детей // Народный учитель. 1915. № 8. С. 4–7; *Левитин С.* Дети и война // Русская школа. 1915. № 5–6. С. 82–101; *Левитин С.* Крестьянские дети и война // Русская

нашли отражение на страницах журналов «Русская школа», «Народный учитель», «Школа и жизнь», «Народное образование», «Свободное воспитание», «Учитель и школа» и др. Журнальные статьи носили публицистический характер, но хронологически отражали изменения, происходившие в системе образования. Ряд журнальных публикаций воспроизводились в виде отдельных изданий¹ При этом практически не предпринимались попытки осуществления обобщающих исследований по вопросам народного образования, определения его места в условиях сложных общественно-экономических и политических трансформаций.

Приход к власти большевиков принес кардинальные изменения в систему средней школы. Первый нарком просвещения А.В. Луначарский, за короткий промежуток времени с ноября 1917 г. по июнь 1918 г. инициировал свыше 30 декретов, постановлений и циркуляров, которые явились основой для создания новой школы в стране. При этом А.В. Луначарский демонстрировал однозначно критическое отношение к школьной системе в царской России, оценивал ее в качестве орудия «развращения масс» на протяжении всего периода существования, не акцентируя внимания на особенностях ее бытования в годы Первой мировой войны. Негативная оценка распространялась и на средние образовательные учреждения. «Количество сведений, которые выносились из гимназии, – по мнению А.В. Луначарского, – было "ничтожно", и университеты и технические школы приходили в ужас от неподготовленного материала»². «Классовой школе», существовавшей в Российской империи и состоявшей из начальной и низшей он противопоставлял «единую трудовую

школа. 1915. № 9–10. С. 68–97; *Учительница*. Отражение войны в жизни школы // Русская школа. 1915. № 11. С. 42–53; № 12. С. 1–16; *Зенов Ф.* Война и дети // Народное образование. 1914. Кн. 12. С. 481–496; *Егоров Т.* Деревенские дети о войне (Из опыта одной анкеты) // Народный учитель. 1916. № 11. С. 3–5; *Звягинцев Е.* Война и школьники. Анкета // Народный учитель. 1914. № 22–23. С. 9; Война и дети // Народный учитель. 1914. № 24. С. 1; Война и школьная жизнь // Народное образование. 1914. Т. II. Кн. 9. С. 135–138 и др.

¹ *Блонский П.* Как мыслить среднюю школу? М., 1916.

² *Луначарский А.В.* О классовой школе. Буржуазная и коммунистическая трудовая школа. (лекция, прочитанная 26/IV 1920 года в секции Наркомпроса при Свердловском университете) // *Луначарский А.* Проблемы народного образования. Сборник статей. М., 1925. С. 63.

школу»¹, если и апеллируя частично к буржуазному опыту, то главным образом к учебной практике американской школы. Был А.В. Луначарский, как сторонник воспитания «интернационального», категоричным противником преподавания истории в школе, указывая, что она «должна быть искоренена полностью», в том числе и как дисциплина, воспитывающая в учениках «здоровую любовь к родине»².

Если в начале 1920-х гг. отдельные исследователи еще предпринимали попытки выявить преемственность между дореволюционной и советской школами³, то к середине 1930-х гг. они прекратились. Показательна в этом плане судьба книги И. Кулешова, изданной в 1931 г., в которой он отразил историю участия учащихся средних учебных заведений в общественной деятельности. В предисловии к изданию издательство посчитало необходимым указать на его слабые стороны, связанные с недостаточным социально-классовым анализом. «Гимназическому движению» ставились в вину оборончество в годы войны и контрреволюционность во время пролетарской революции. Дореволюционная средняя школа обвинялась в «буржуазной природе», в «бездушном, тираническом коверканье людей»⁴.

Очевидным отступлением от оценок, сложившихся к 1930-м гг. в СССР явилась книга, опубликованная в Лондоне фондом Карнеги в 1929 г. Она вышла в группе публикаций, под общим названием «Экономическая и социальная история мировой войны. Русская серия». Это был практически документальный рассказ о реформе системы образования, осуществленной в начале 1915 г.

¹ Луначарский А.В. О классовой школе. Буржуазная и коммунистическая трудовая школа. С. 67.

² Луначарский А. О преподавании истории в коммунистической школе. (Лекция, прочитанная на сентябрьских педагогических курсах в Петербурге в 1918 г.) // Луначарский А. Проблемы народного образования. Сборник статей. М., 1925. С. 107.

³ Чехов Н.В. Типы русской школы в их историческом развитии. М.: Издательство Т-ва «Мир», 1923.

⁴ Кулешов И. Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х годов по октябрь 1917 г.). М.: ОГИЗ. Молодая гвардия, 1931. С. 6. (136 с.)

Три автора монографии, среди которых был бывший министр народного просвещения Павел Николаевич Игнатьев, написавший введение к книге, являлись свидетелями и непосредственными участниками происходивших событий. Анализ истории российской средней школы периода мировой войны, был подкреплен в издании собственными воспоминаниями и большим количеством документальных свидетельств, неофициальных, но авторитетных суждений. Автором исследования о начальной и средней школе являлся Д.М. Одинец, сюжет об университетах и высших технических школах написал П.Я. Новгородцев¹.

С середины 1930-х и во второй половине 1950-х гг. в Советского Союзе были защищены диссертации, опубликовано несколько работ, непосредственно посвященных реформе П.Н. Игнатьева периода Первой мировой войны². Их отличала идеологическая заданность, стремление подвергнуть критике всё, что было связано с попытками самодержавной власти осуществить модернизацию системы образования в России. Реформа в них оценивалась исключительно как буржуазная, поскольку предусматривала сохранение

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. New Haven: London: Yale University Press, 1929.

² *Иванов А.Г.* Проект реформы средней школы министра народного просвещения Игнатьева: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1936; *Чувашев Е.П.* История реальных училищ в России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1938; *Медынский Е.Н.* История русской педагогики до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1938; *Бендриков К.* Школьная система России перед Февральской революцией // Народное образование. 1947. № 3. С. 41–60; *Козырев А.В.* Народное образование в России в годы подъема революционного движения перед первой империалистической войной и в период империалистической войны до победы в буржуазно-демократической революции в России. Ставрополь, 1948; *Королев Ф.Ф.* Народное образование в России накануне Февральской революции 1917 г. // Советская педагогика. 1951. № 12. С. 41–67; выдержавшая два издания монография: *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы: (гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г.). М., 1947; 1956; *Парникель В.М.* История коммерческой и средней школы в дореволюционной России: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1954; *Кузьмин Н.Н.* Вопросы реформы средней общеобразовательной школы Министерства народного просвещения в период нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 – февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1958.

платы за получение образования, хотя некоторые ее ключевые положения, связанные, например, с трудовым обучением, воспитательной работой и т. д., получили реализацию в жизни советской школы.

Несмотря на некоторую относительную активизацию изучения проблем реформирования дореволюционной школы, речь не шла об объективной обобщенной оценке процессов, происходивших в сфере образования, в том числе и тех, которые были порождены Первой мировой войной. Даже появление в более поздний период 1970-х – начала 1990-х гг. коллективных монографий, содержащих общую картину развития системы образования в пореформенной России, не привело к кардинальному изменению обозначенных оценок¹.

При этом следует отметить особый вклад Э.Д. Днепров, академика Российской академии образования, министра образования России в 1990–1992 гг., автора Закона Российской Федерации «Об образовании» 1992 г. В его работах впервые на фоне общественно-политических изменений в стране дается общая картина развития системы народного образования в пореформенной России, отражены особенности изучения проблем российского образования в отечественной историографии, среди которых выделена недостаточность исследования вопросов истории российской школы в годы Первой мировой войны. В 2017 г. под его редакцией было впервые в отечественной литературе подготовлено собрание российских законодательных актов в сфере образования XIX – начала XX в.²

Определенным обобщающим итогом работы над проблемами образования в условиях Первой мировой войны можно считать защищенную в 1999 г. И.В. Фомичёвым докторскую диссертацию «Проблемы народного образования в России в условиях Первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917 г.)». В ней нашли отражение правительственные мероприятия по адаптации

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Под ред. А.И. Пискунова. М., 1976; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1991.

² Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: сб. документов в 3 т. / ред.-сост., Э.Д. Днепров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

учебных заведений к условиям военного времени, проблемы правового и материального положения школьных учителей и преподавателей вузов, изменения национальной школьной политики учебного ведомства, совершенствование формы культурно-просветительной работы среди взрослых. В 2001 г. автором на основе диссертации было опубликовано монографическое исследование¹, в 2003 г. совместно с В.П. Минаковой была издана еще одна монография².

Оценивая достижения, полученные в результате исследования проблем, связанных с положением отечественного образования в условиях мировой войны, И.В. Фомичев отмечал, что на тот период назрела необходимость в критическом переосмыслении историографии темы, расширении её проблематики, издании комплексных исследований. Справедливые для начала 2000-х гг. оценки, несмотря на определенный вклад науки в расширение проблематики исследований, сохранили свою актуальность и на сегодняшний день.

Применительно к мировому конфликту 1914–1918 гг. шаги в этом направлении уже предпринимаются, выступая в качестве одного из важных направлений в современной истории Первой мировой войны. Так, появилась даже новая терминология: «духовная мобилизация» интеллектуалов (*geistige Mobilmachung*). В данном случае в исследовании немецкого историка философии Курта Флаша (*Kurt Flasch*)³ речь идет не только о философах, вовлеченных в милитаристскую пропаганду, но и об ученых других направлений, о политизации самой науки, мобилизации ресурсов общественности на нужды фронта. Условия войны породили отличные от общепризнанных новые принципы и обязанности, приведшие к активизации общественной деятельности,

¹ *Фомичёв И.В.* Школы и просвещение в России в условиях войны и революции. Воронеж, 2001

² *Минакова В.П., Фомичёв И.В.* Общественное педагогическое движение в России в годы Первой мировой войны. Воронеж, 2003 (В.П. Минакова в 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию: «Общественно-педагогическое движение в России в условиях войны и революции, август 1914 г. – октябрь 1917 г.»).

³ *Flasch Kurt.* Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Berlin: Alexander Fest Verlag, 2000. 448 s.

становлению новых отношений, ставших важной составной частью патриотической военной кампании. Определенное место в этих новых явлениях принадлежало системе среднего образования в воевавших странах.

На фоне этих проблем обретают особое звучание конкретные изменения, внесенные в деятельность учебных заведений в условиях военной действительности. Предметом исследования стала общественная и частная инициативы в организации воспитательного процесса¹, показаны элементы трудовой мобилизации школьников в годы Первой мировой войны в сфере промышленности и сельского хозяйства². Важное место отводится отражению особенностей в физической подготовке выпускников российской школы³.

¹ *Кучин В.Л.* Скауты России. XX век. Воспоминания старших поколений. М.: Издательство «ИСТЕК», 2003. 320 с.; *Степченков Л.Л.* «Потешные роты» в Смоленской губернии // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 69–71; *Сейку Е.Ю.* Детские и юношеские организации в России в начале XX века (военно-патриотический и культурно-просветительский аспект): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Гефнер О.В.* Военное и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 162–172.

² Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы Первой мировой войны // Материалы третьей международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы», г. Пинск, 23–25 апреля 2009 г. Пинск, 2009. Ч. 2. С. 27–28; *Сулимов В.С.* Трудовые дружины учащихся школ Алтайского края в 1916 г. // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 5 (30). С. 282–284; *Карпова В.В., Семёнова Л.Н.* Молодёжные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2014. Вып. 5. С. 148–157; *Букалова С.В.* Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодёжной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 141–147; *Карпова В.В.* К вопросу об организационных особенностях формирования ученических трудовых дружин в 1915 г. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2016. СПб., 2016. С. 61–67; *Горлова Н.И.* История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ТГПУ. 2018. № 5 (194). С. 123–128; *Карпова В.В.* К вопросу о формах поощрения участников ученических сельскохозяйственных дружин в годы Первой мировой войны // XXIII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор А.А. Беляева. 2019. С. 187–191.

³ *Райт Д.* Подготовка граждан: царский режим и военное обучение молодежи // Последняя война императорской России. Сб. ст. под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 43–64; *Поляков С.П.* О подготовке российской молодежи к военной службе в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 50–54; *Белюков Д.А.* Физическая культура и спорт в уездных городах России в конце XIX – начале XX века (на примере Великих Лук)

Столетие с начала Первой мировой войны вызвало активизацию исследовательских усилий. Состоялись разного уровня научные конференции, на которых происходило определенное обобщение научных результатов, полученных в предыдущие годы в ходе изучения проблем, связанных с войной. Необходимым элементом исследования является изучение как государственных, так и частных инициатив в решении при помощи школы некоторых из социальных проблем, вызванных войной¹. Рассматривались вопросы изменения школьной жизни в новых условиях, участие в помощи армии и фронту со стороны детей, проблемы повседневной жизни населения².

Первая мировая война впервые полностью подчинила науку и образование оборонным и наступательным целям воевавших государств. Ученые и деятели системы образования представляли довольно узкий, хотя и важный, круг людей, вовлеченных в новую систему отношений, вызванных войной. В вопросах мобилизации возможностей средней школы существовали свои особенности, связанные с моделью воспитания, осуществлявшейся в рамках реформы П.Н. Игнатьева.

Интерпретация многоаспектного процесса активизации системы среднего образования в условиях военного конфликта выступает в качестве важ-

// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 26–28; *Смирнов М.А.* Роль физического воспитания и организация подготовки молодежи к военной службе в Вятской губернии в период первой мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 3 (1) С. 63–66; *Смирнов М.А.* Сокольская гимнастика как феномен развития физической культуры на территории Российской империи в начале XX века // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2013. № 4. С. 178–182; *Князев М.А.* Государственная деятельность В.Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 43–45.

¹ *Кальсина А.А.* Реформирование школьного образования в условиях Первой мировой войны. Школьная реформа графа П.Н. Игнатьева (1915 г.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V Международной научно-практической конференции. М., Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 468–472.

² *Семёнова Л.Н.* Влияние Первой мировой войны на школьную жизнь, сознание детей и народных учителей. // Первая мировая война и проблемы российского общества. Материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г. СПб.: Изд-во ГПА, 2014. С. 88–91.

ной исследовательской задачи. Увлечение воинственной риторикой, изменение привычного образа жизни привело к возрастанию травмирующего влияния на детскую психику, к разрушению привычных семейных и общественных отношений. Внимание исследователей привлекают вопросы бегства детей на фронт¹.

Однако, несмотря на значительные успехи в изучении обозначенных проблем, новая интерпретация основных направлений общественно-педагогического воздействия на воспитание учащихся средней школы под воздействием обстоятельств военного времени на общероссийском и региональном уровне открывает дополнительные возможности для осмысления вопросов, связанных с формированием их гражданской идентичности. Необходимо исследовать потенциальные возможности системы среднего образования Российской империи в противостоянии вызовам военного времени. Реформирование средней школы, осуществленное в военное время, до сих пор не рассмат-

¹ Щербинин П.П. Социокультурные аспекты формирования военного опыта детей в России и Германии (результаты и последствия Первой мировой войны 1914–1918 гг.) // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): Матер. междунар. науч. конф. 11–12 нояб. 2008 г. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2009. С. 34–38; Сальникова А.А. «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей современников // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 134–150; Пархоменко В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию»: юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. 2013. № 8. С. 142–145; Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 2 (22). С. 108–116; Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): Матер. междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2014. С. 19–23; Ватник Н.С. Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 94–102; Самович А.Л. Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 29–38; Щербинин П.П. Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов: б/и, 2015. 256 с. Щербинин П.П. Юные тамбовские герои (дети-солдаты в период войн начала XX века). Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, посвящённой 100-летию событий гражданской войны в России: трагедии и драмы выбора исторического пути развития. 2018. С. 174–179.

ривалось с точки зрения заложенных в нем интенций преодоления последствий, вызванных войной. До сих пор не существует исследований, посвященных преемственности опыта организации образовательной сферы в этих экстремальных условиях.

Целью диссертационного исследования является изучение особенностей активизации учащихся российской средней школы в условиях Первой мировой войны.

Поставленная цель предполагает решение следующих практических **задач**:

- проанализировать особенности развития российской средней школы «старого толка», т. е. функционировавшей до начала Первой мировой войны;
- изучить особенности практических мер, направленных Министерством народного просвещения на реорганизацию учебной и воспитательной работы в условиях Первой мировой войны;
- выявить особенности реформирования системы образования в условиях войны с учетом необходимости активизации учащихся;
- показать специфику практической организации учебного и воспитательного процесса в военных условиях;
- дать оценку государственным, общественным и частным инициативам в решении некоторых из социальных проблем, вызванных войной, с привлечением учащихся средней школы;
- исследовать особенности трудовой мобилизации школьников в годы Первой мировой войны в сфере промышленности и сельского хозяйства;
- интерпретировать особенности освещения процессов активизации учащихся средней школы на страницах периодической печати;
- ввести в научный оборот новые архивные документы, отражающие участие учащихся средней школы в решении военных проблем;
- показать практическую значимость и достигнутые результаты в ходе активизации учащихся, оценить реакцию общества на эти начинания.

Хронологические рамки в основном определяются целью диссертационного исследования, а именно августом 1914 – серединой 1917 гг. Нижняя

граница исследования определяется началом Первой мировой войны. Решение конкретных исследовательских задач по отдельным сюжетам потребовало отнесение нижней хронологической рамки к началу XX в. Верхняя хронологическая граница отображает завершение процессов активизации учащихся средней школы, происходивших под влиянием Первой мировой войны. Последующие революционные потрясения во многом изменили ход наметившихся тенденций и нуждаются в особом изучении.

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных письменных источников.

К *нормативным* документам, используемым в исследовании относятся многочисленные законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, регламентировавшие деятельность средних учебных заведений, отражающие состояние российского образования в рассматриваемый период. Кроме этого привлекались материалы «Особых журналов Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.», которые отражают процесс рассмотрения правительством самого разного рода вопросов, относящихся к сфере образования, для подготовки последующего их представления императору¹.

Особый интерес для проведения исследования представляли *делопроизводственные* документы Министерства народного просвещения и других центральных государственных учреждений.

¹ Высочайше утверждённые устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 30 июля 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 46 (1871). Ч. 2. № 49860; Высочайше утверждённое положение: 1) о городских училищах и 2) об учительских институтах. 31 мая 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 47 (1872). №. 50909; Именной высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах об обществах и союзах». 4 марта 1906 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 26 (1906). Ч. 1. № 27479; Декрет об обязательном обучении военному искусству, принятый в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. Том II. С. 151–153; Об образовании Верховного совета по призрению семей, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 224. Ст. 2239; Положение о мобилизации спорта. 8 декабря 1915 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел первый. 1915. 20 декабря. № 365; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

Интерпретированные архивные документы содержат обширную переписку Министерства народного просвещения (Российский государственный исторический архив. Ф. 733) по разным вопросам образования, в том числе связанным с переустройством учебного и воспитательного процессов, мобилизацией преподавательского состава, использованием помещений учебных заведений под лечебные учреждения и размещение резервистов, эвакуацией школ и училищ, организацией процесса обучения и пр. Здесь же отложились документы, связанные с подготовкой, обсуждением и реализацией школьной реформы, проведение которой было активизировано в ходе Первой мировой войны. Представляют интерес подготовительные материалы к готовившимся нормативным актам: приказам, циркулярам, инструкциям и т. д., выработанным в процессе активного обсуждения¹.

Материалы, связанные с трудовым участием учащихся средних учебных заведений, были выявлены в фонде Департамента земледелия Министерства земледелия и землепользования, который с 1915 г. состоял из 15 отделений (РГИА. Ф. 398).

В диссертационном исследовании были также использованы отчеты гимназий и реальных училищ как опубликованные, так и хранящиеся в фонде

¹ Всеподданнейший Отчет министра народного просвещения за 1912 год. Пг., 1915; Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. Пг., 1916; Собрание по реформе средней школы в апреле 1915 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206; Об учреждении мужских гимназий и реальных училищ в составе только старших классов без четырех младших // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1277а. Д. 1595; Об организации детских потешных полков // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460; Переписка по реформе средних учебных заведений // РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1202; Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. министра народного просвещения. Пг.: Сенатская типография, 1915; Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. Пг., 1916; Циркуляр Министерства народного просвещения № 3952 «О трудовых дружинах» от 17.02.1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 62. (№ 4). Апрель. С. 80; Циркуляр Министерства народного просвещения № 1350 «О трудовых дружинах» от 27.04.1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 64. (№ 7). Июль. С. 22–23; Материалы по обсуждению проекта правил о порядке организации и деятельности местных совещаний по делам профессионального образования, присланные на заключение // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 421 и др.

Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 733). При написании работы было задействовано свыше 50 таких дел, отражающих экономическое положение, особенности образовательного и воспитательного процесса в системе среднего образования периода Первой мировой войны. Отчеты учебных заведений активно использовались Министерством народного просвещения для определения дальнейших направлений своей деятельности.

Для освещения особенностей спортивной мобилизации и военной подготовки для учащихся средних учебных заведений были задействованы документы Штаба Верховного главнокомандующего (Ф. 2003), хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

Интерес представляют также документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). В работе были использованы материалы Канцелярии министра-председателя Временного правительства (Ф. 1778), позволившие проследить особенности развития образования в условиях изменений в общественно-политическом устройстве Российского государства.

В исследовании нашли отражение делопроизводственные документы местных органов учебного ведомства. В основном они дублируют указания вышестоящих инстанций, но в то же время позволяют более отчетливо воспроизвести деятельность местных органов просвещения. Такого рода изданиями являлись выходившие в учебных округах собрания циркуляров, подготовленных местными попечителями¹, а также документы, относящиеся к народному образованию, хранящиеся в местных архивах. Так, документы Государственного архива Брянской области (ГАБО) позволили выяснить причину назначения уездного Брянского технического училища координатором по производственной деятельности учебных заведений в двух губерниях – Орловской и Смоленской².

¹ Циркуляр по Петроградскому учебному округу; Циркуляр по Московскому учебному округу; Циркуляр Одесского учебного округа; Циркуляр по Виленскому учебному округу; Циркуляр по Рижскому учебному округу; Циркуляр по Харьковскому учебному округу.

² Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 337. Оп. 1. Д. 239; Ф. 337. Оп. 1. Д. 240; Ф. 337. Оп. 1. Д. 255; Ф. 337. Оп. 1. Д. 265.

Важной составляющей делопроизводственных документов исследования явились *статистические документы*¹, в которых были зафиксированы целенаправленно собираемые количественные сведения, относившиеся к разным аспектам функционирования системы среднего российского образования.

Содержательным для решения исследовательских задач стало изучение общественного мнения относительно происходивших в сфере среднего образования процессов. Для его интерпретации использовалась *периодическая печать* заявленного периода. Так, в фонде Министерства народного просвещения были выявлены дела, с подборкой вырезок из периодических изданий, на основании анализа контента которых происходило знакомство с точкой зрения определенных социальных групп в отношении реформы среднего образования².

Помимо этого, автором исследования был выявлен интересный материал, содержащийся в периодических изданиях: «Русское слово», «Новое время», «Вечернее время» и «Прибавление к Вечернему времени», «Петроградский листок», «Биржевые ведомости», «Речь», «Петроградские ведомости», «Газета-копейка», «Дело», «Сельский вестник», «Орловский вестник», «Минский голос», «Вестник Русского сокольства», «Киевлянин», «Гимназист».

Наряду с общественно-политическими периодическими изданиями, в диссертационном исследовании были широко представлены материалы педагогических журналов, отражавших развитие педагогической мысли в интересующий нас период³.

¹ Статистический ежегодник России. 1915 г. (Год двенадцатый). Издание Центрального статистического комитета МВД. Пг., 1916; Смета доходов, расходов и специальных средств Министерства народного просвещения на 1914 год. СПб., 1913; Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. Пг., 1916; Доклады Комитету Ее императорского высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий за 1914 год. Петроград: Государственная типография, 1914 и др.

² Газетные вырезки по вопросам деятельности МНП // Ф. 733. Оп. 228. Д. 155; Газетные вырезки // Ф. 733. Оп. 186. Д. 2462; Вырезки из газет // Ф. 733. Оп. 182. Д. 140; По газетным вырезкам // Ф. 733. Оп. 186. Д. 2420.

³ «Голос средней школы». Петроград, 1915 г.; «Вестник воспитания». Москва, 1915–1917 гг.; «Для народного учителя». Москва, 1915 г.; «Журнал Министерства народного Просвещения». Петроград, 1914–1917 гг.; «Народный учитель». Москва, 1915–1916; «Русская

Издания отличались широкой осведомлённостью, поскольку в состав их сотрудников входили известные педагоги. Это позволяло педагогическим журналам раньше и вполне профессионально отзываться на каждый вновь возникавший вопрос, связанный с развитием системы среднего образования. В изданиях содержалось наиболее полное освещение работы педагогических и учительских съездов, рассматривались особенности развития западной школы, предлагались различные средства в решении возникавших острых педагогических вопросов. В официальных разделах журналов печатались нормативные документы Министерства народного просвещения, определявшие жизнь современной на тот период школы.

В ходе диссертационного исследования активно привлекались *источники личного происхождения*. Полезная информация содержится в мемуарной литературе, которая позволила более рельефно представить особенности ситуации, сложившейся в системе народного образования в предвоенных и военных условиях¹. Особое место среди источников личного происхождения принадлежит уже упомянутому изданию, опубликованному в эмиграции в 1929 г.², к эпистолярным источникам можно отнести хранящееся в Российском

школа». Петроград, 1914–1917 гг.; «Трудовая помощь». Петроград, 1915 г.; «Школа и жизнь». Петроград, 1914–1917 гг.; «Народное образование». Петроград, 1915–1916; «Педагогический журнал». Полтава, 1915 г.; «Свободное воспитание». Москва, 1914–1916 гг.; «Учитель и школа». Петроград, 1915 г.; «Известия Петроградского родительского кружка». Петроград, 1915 г.; «Известия по народному образованию». Петроград, 1915 г.; «Педагогический Вестник Московского учебного округа». Москва, 1916 г.

¹ *Лебедевский С.Н.* Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875-1915. Тихвин: Типография Е.П. Благовещенской, 1915; *Вельяминов-Зернов А.В.* К вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в Минской губернии. М., 1916; *Войков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; *Кучин В.Л.* Скауты России. XX век. Воспоминания старших поколений. М., 2003; *Лодыженский А.А.* Воспоминания. Париж: [Б. и.], 1984; *Луцкевич А.А.* Бахмутские «потешные»: (Автобиограф. очерк организатора «потешных» А.А. Луцкевича). Бахмут, 1912; *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. М., 1999. Т. 2; *Цытович Э.П.* Русский скаут. Екатеринодар; Армавир, 1919.

² Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. New Haven: London: Yale University Press, 1929. 239 p.

историческом архиве дело с личной перепиской министра народного просвещения П.Н. Игнатьева, в письмах которого отражен взгляд на реформирование средней школы, показано отношение общества к системе образования в условиях войны¹.

Таким образом, объем, разнообразие источников, позволяют провести исследование особенностей государственной политики в отношении средней школы в условиях Первой мировой войны, показать специфику отражения активности учащихся в новых реалиях, их участие в происходивших событиях. Тем самым открываются возможности в расширении уже устоявшихся представлений, сформированных в предыдущих исследованиях, возникает перспектива выработки новых подходов к проблеме роли российской средней школы в военных условиях.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности. Для решения поставленных задач был использован разнообразный методологический инструментарий. Прежде всего, это проблемно-хронологический и историко-системные методы, которые дают возможность проследить логику процесса активизации учащейся молодежи и дать максимально целостную картину изучаемого феномена.

Ретроспективный метод (моделирования) позволяет восстановить особенности участия учащихся в оказании различного рода помощи в поддержку находившихся на фронте, пострадавших от войны. На основе исторических источников происходило обобщение этих материалов, выявлялись типологические особенности.

Значительное внимание в работе уделено анализу деятельности властных структур Российского государства кануна и периода Первой мировой войны. Одновременно был задействован метод (case-study) или метод конкретных ситуаций, используемый для анализа примеров из практики российской

¹ Личная переписка министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева // РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 97. Л. 56.

школы этого периода. Его использование позволило обобщить рассматриваемую проблему активизации учащихся в условиях войны, на основании анализа ситуаций, не всегда доступных для исследователей и выйти на новый уровень обобщения.

Новизна исследования. Сама формулировка проблемы, а также предложенный подход к ее решению: выявление потенциальных возможностей системы среднего образования Российской империи противостоять вызовам военного времени, определяет научную новизну исследования. Изучение направлений пересмотра учебного и воспитательного процесса в указанный период с одной стороны дает возможность приращения знаний по истории российского образования, с другой – раскрывает факторы, обеспечивавшие трансляцию знаний учащимся в экстремальной обстановке военного конфликта. Важным также представляется выявление тех элементов среднего образования, которые продемонстрировали свою актуальность на протяжении военного времени.

На основе введения в научный оборот новых документов из 10 фондов, хранящихся в 4 центральных (РГИА, ГА РФ, РГВИА, РГВА) и одном местном (ГАБО) архивах, рассмотрена ключевая проблема адаптации учебных заведений к военной обстановке, активизации учащихся средних учебных заведений в решении социальных и экономических проблем, вызванных войной.

Таким образом, исследование дополняет существующие подходы, используемые при изучении истории средней школы периода Первой мировой войны. Некоторые аспекты заявленной темы практически не рассматривались в рамках отечественной и зарубежной историографии.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности использования научных результатов, полученных в итоге введения в оборот новых источников, при составлении лекционных курсов, учебно-методических пособий по социально-политической истории России. Кроме этого, исследование дополняет историю российского молодежного движения,

содержит информацию, свидетельствующую о формировании важных элементов российского гражданского общества. Материалы диссертации могут быть использованы при оформлении экспозиций музеев и при подготовке выставок по социальной и политической истории, истории молодежных движений.

Положения, выносимые на защиту:

– Участие Российской империи в военных конфликтах начала XX в. с удвоенной силой обозначило дефицит в квалифицированных кадрах как в системе управления, так и в сфере производства, т. е. специалистов, имевших специальное образование. Необходимость решения этой проблемы обусловила проведение реформирования в первую очередь системы среднего образования.

– Главные направления реформы средней школы имели своей целью ликвидацию препятствий к созданию в России единой преемственной школы. Осуществление этой задачи мыслилось идеологами реформы с обязательным отказом от формализма, господствовавшего в образовании, с раскрепощением и активизацией творческого потенциала учителей и учащихся.

– В условиях Первой мировой войны система российского среднего образования, несмотря на сбои в различных сферах социальной и экономической жизни, сохраняла свой потенциал, способный обеспечить не только адаптацию к новым экстремальным условиям, но и к комплексному самореформированию за счет внутренних резервов.

– Военные реалии с необходимостью изменили взгляды на воспитательный контент в среднем звене образовательной школы. Актуальным становилось внедрение так называемого «национального воспитания», которое в современном понимании сочетало в себе элементы патриотического и гражданского воспитания.

– В условиях войны актуализировалась проблема пересмотра внутреннего содержания учебного процесса. По замыслу участников подготовки школьной реформы, решение этой задачи было возможным за счет увеличения

учебных часов на преподавание русского языка, отечественной истории и географии.

– Участие школьников в различных акциях в помощь фронту и по оказанию поддержки пострадавшим от войны приняло массовый характер. Школа популяризировала такую активность, однако, допускала ее только в свободное от учебных занятий время, на добровольных началах и с согласия родителей.

– Трудовая деятельность учащихся средних школ в годы войны, имея определенную экономическую пользу, заключала в себе и большой воспитательный потенциал, способствовала активизации в вопросах выработки и у них гражданской позиции, приобщала к единению, охватившему население страны.

– Министерство народного просвещения на протяжении всех военных лет регламентировало и, по возможности, контролировало социальную активность учащихся, стараясь направить их устремления в созидательное русло для решения проблем фронта в тылу, в то же время пытаясь сохранить качественный процесс передачи знаний.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были изложены в докладе на международной конференции, а также в 5 публикациях автора, общим объемом 2,5 п.л., из которых 4 статьи опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационного исследования соответствует обозначенным целям и задачам и состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и использованной литературы.

ГЛАВА I

РОССИЙСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА «СТАРОГО ТОЛКА» И «НОВЫЙ КУРС» В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1.1. Российское среднее образование накануне Первой мировой войны

Среднее образование, по определению педагогического сообщества начала XX в., являлось «самым важным во всякой культурной стране; от правильной постановки его зависит всё образование»¹. Между тем характерной особенностью исторического развития российской школы являлось к этому времени необычайное разнообразие типов средних учебных заведений, затруднявшее введение общих начал, способных обеспечить динамичное развитие образования в стране.

Так, к средним учебным заведениям относились гимназии, мужские и женские прогимназии*, реальные, общеобразовательные, педагогические, профессиональные и специальные училища. В средних учебных заведениях, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, не допускалось совместное обучение мальчиков и девочек.

Среднее образование относительно мужского населения в основном было предоставлено 8-летними гимназиями и 6-летними реальными училищами. Причем, учитывая возросший спрос населения на среднее образование, Министерство народного просвещения способствовало открытию за пятилетний срок до начала войны 230 новых учебных заведений. Однако их количество в расчете на примерно 180 миллионное население страны было недостаточным. Так, в 1915 г. одно среднее учебное заведение приходилось приблизительно на 200 тыс. мужчин, а в некоторых губерниях – на 300 тыс. и более мужчин².

¹ Мусин-Пушкин А. Среднеобразовательная школа в России и ее значение. Пг.: типография Главного управления уделов, 1915. С. 140.

* Учебный курс прогимназии соответствует учебному курсу низших четырех классов гимназий.

² РГИА. Ф.1276. Оп. 1277а. Д. 1595. Л. 16. Об учреждении мужских гимназий и реальных училищ в составе только старших классов без четырех младших.

К 1 января 1914 г. в гимназиях и прогимназиях обучалось 152 тыс. 110 учащихся (на 9175 чел. больше, чем в предыдущем году). Православные по вероисповеданию среди них составили 70,6%¹. Получили аттестат зрелости в 1913 г. в 17 лет – 6,1% учеников гимназий и прогимназий; в 18 лет – 25,9%; в 19 лет – 30,8%; в 20 лет – 22,1%; в 21 и более лет – 15,1%².

Затраты на обучение одного ученика в прогимназиях и гимназиях значительно различались и зависели от общего количества учащихся, от стоимости аренды и содержания помещения, качества ремонта и пр. Самая большая сумма в 1913 г. составила 844 руб. в учебном заведении под названием Коллегия Павла Галагана в Киеве, наименьшая – в 49 руб. 47 коп. в Калужской гимназии Шамагонова Московского учебного округа. В частных учебных заведениях плата за обучение была выше, чем в казенных гимназиях и прогимназиях и разница могла быть очень существенной. Например, в Глазовской гимназии Казанского учебного округа она составила 10 руб. 10 коп., а в упомянутой Коллегии Павла Галагана – 750 руб. за одного ученика в год³.

К 1914 г. в большинстве гимназий преподавался только один классический язык – латинский. Кроме этого изучались: Закон божий, русский язык, литература, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, история, география, французский, немецкий (второй язык по выбору), естественная история, логика, психология, элементарное право, велись уроки по чистописанию, рисованию и физкультуре⁴.

В реальных училищах к 1 января 1914 г. обучалось 80800 человек и православные из этого числа составляли 76,6%⁵. Наибольшие затраты на обучение уче-

¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. Пг., 1916. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 87.

⁴ Odinec Dmitrij M. Russian schools and universities in the World War. New haven: Yale University press. London, 1929. P. 28.

⁵ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 91.

ника в реальном училище были зафиксированы в Приамурском крае, где они составили 283 руб. 10 коп., а наименьшая плата была в Одесском учебном округе – 140 руб. 06 коп.¹

Реальные училища делились на два типа. В одном из них два старших класса состояли из двух отделений: основного и коммерческого, в другом – только из основного. Окончание дополнительного VII вспомогательного класса давало возможность выпускникам реальных училищ поступать в высшие учебные заведения. В учебном плане реальных училищ отсутствовали классические языки, отводилось меньше часов на преподавание Закона божьего и русского языка и было увеличено количество часов на математику, географию, естествознание и рисование, а также присутствовал курс черчения².

Общее число учеников в технических училищах составило 10943 человека, окончили курс в 1913 г. всего 1208 человек. Из них по специальностям механической (768 чел.), химической (157 чел.), строительной (64 чел.), горнозаводской (99 чел.), сельскохозяйственной (102 чел.)³.

В средних технических училищах к 1 января 1914 г. обучалось 8023 человека, преимущественно православных (83%). Окончили курс в 1913 г. по механической специальности – 505 чел., химической – 96, строительной – 47, горнозаводской – 34 и сельскохозяйственной – 74 чел., т. е. всего 756 чел., преимущественно в возрасте от 21 года и старше⁴. Содержание училищ на 50% происходило за счет казны, остальная часть оплачивалась из местных бюджетов. Стоимость обучения колебалась от 133 руб. 99 коп. до 340 руб. 72 коп. Общеобразовательный курс в женских гимназиях составлял 7 лет, кроме этого существовали еще классы приготовительные, параллельные и дополнительные (восьмые) специально-педагогические.

¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 91.

² Odinec Dmitrij M. Russian schools and universities in the World War. P. 29.

³ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 93.

⁴ Там же. С. 95.

Средние затраты на организацию обучения в женских прогимназиях и гимназиях значительно различались. Так, в Оренбургском учебном округе они составили в гимназиях 51 руб. 59 коп. и выше, а в Приамурском генерал-губернаторстве доходили до 141 руб. 21 коп., в прогимназиях Петроградского учебного округа – от 46 руб. 71 коп., а в туркестанском генерал-губернаторстве доходила до 152 руб.¹ Размер платы за обучение в гимназиях колебался от 5 руб. – до 250 руб. в год с каждой ученицы, а в прогимназиях – от 3 руб. до 120 руб., в частных женских заведениях плата за обучением также была гораздо выше, чем в прочих².

Учащихся в женских гимназиях и прогимназиях к 1 января 1914 г. было 323 тыс. 577 человек. По вероисповеданию большинство составляли православные ученицы (76,5%)³. В этих учебных заведениях отсутствовало преподавание классических языков, был несколько сокращен курс математики, изучение двух иностранных языков являлось обязательным, имелись уроки по рукоделию. В восьмом классе изучалась теория и практика преподавания. Однако наблюдались некоторые исключения из этого правила. Например, при станции Красково-Малаховка Московской губернии существовало частное среднее учебное заведение для детей обоего пола. По специальному решению министра народного просвещения оканчивавшим это учебное заведение были предоставлены права, которыми пользовались ученики правительственной гимназии, а ученицам выдавали свидетельство об окончании курса мужской гимназии⁴.

В различных институтах для девочек, в основном дворянского происхождения, также было семь классов и один дополнительный. В епархиальных школах преимущественно обучались дочери духовенства и обучение длилось шесть лет⁵.

Всех учащихся в учительских семинариях и школах к 1 января 1914 г. было 12 тыс. 190 человек. Большинство учащихся были православными (10 тыс. 773) и

¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 97. Л. 56. Личная переписка министра народного просвещения графа П.Н. Игнатъева.

⁵ Odinec Dmitrij M. Russian schools and universities in the World War. P. 37.

относились к сословию крестьян – 8 тыс. 651 чел. Детей почетных граждан, купцов, мещан и цеховых насчитывалось 1 тыс. 916 чел.¹

В 1914 г. на средние школы бюджетная смета Министерства народного просвещения предусматривала траты в сумме 34 млн 230 тыс. 278 руб. (больше, чем в 1913 г. на 1 млн. 939 тыс. 130 руб.)² На содержание личного состава мужских гимназий и прогимназий планировалось выделить 8 млн 646 тыс. 977 руб., на содержание воспитанников, стипендии и пособия учащимся – 492 тыс. 335 руб.³ На личный состав реальных училищ, средних и низших технических училищ предполагалось потратить 6 млн 468 тыс. 225 руб., на содержание воспитанников – 156 тыс. 890 руб.⁴ На личный преподавательский состав женских гимназий и прогимназий выделялось 482 тыс. 340 руб., на содержание воспитанниц – 52 тыс. 170 руб.⁵ Остальная сумма ассигнований шла на хозяйственные, канцелярские и прочие расходы.

Таким образом, развитие среднего образования шло, главным образом, за счет увеличения числа учебных заведений для мальчиков. Из всех средних школ для девочек в 1913 г. только 37 гимназий были полностью обеспечены Министерством народного просвещения.

На постройку и продолжение работ по сооружению средних учебных заведений в 1914 г. ассигновалось в г. Санкт-Петербурге 781 тыс. 108 (больше на 360 тыс. 913 руб., чем в 1913 г.), в Санкт-Петербургском учебном округе – 648 тыс. 135 руб., в других учебных округах – 4 млн 395 тыс. 651 руб. (больше на 1 млн 979 тыс. 535 руб.)⁶

Все из перечисленных образовательных учреждений, как уже отмечалось, находились в подчинении Министерства народного просвещения. Однако они имели различные образовательные программы, источники финансирования, состав учащихся и внутренний распорядок организации учебного процесса. Прежде всего,

¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 108.

² Смета доходов, расходов и специальных средств Министерства народного просвещения на 1914 год. СПб., 1913.

³ Там же. С. 56–64.

⁴ Там же. С. 68–72.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Смета доходов, расходов и специальных средств. С. 128.

различия проявлялись между государственными (правительственными) и частными учреждениями.

Частные учебные заведения в зависимости от объема учебной программы делились на три разряда. В заведениях первого разряда программы соответствовали средним государственным учебным заведениям, второго – уездным училищам, а третьего – начальным училищам.

Всех частных заведений на начало 1914 г. в Российской империи было 2 тыс. 863, из них первого разряда – 392, второго – 393, третьего – 2 тыс. 78. Число обучающихся в них составило 250 тыс. 20, мужского пола – 119 тыс. 214, женского – 130 тыс. 806¹.

На казенные средства содержалось только 37 женских гимназий, остальным только выделялись пособия в среднем около 2 тыс. руб. в год на каждое из почти 800 существовавших таких учебных заведений².

Кроме перечисленных учебных заведений имелись еще ведомственные – профессиональные и специальные с полной среднеобразовательной программой при отдельных министерствах. Окончание некоторых из них предоставляло возможность поступления в высшие учебные заведения, а при условии сдачи дополнительного экзамена – и в университеты.

Большая часть таких учебных заведений относилась к ведомству императрицы Марии: несколько десятков женских институтов, мужской сиротский институт, женские гимназии, мариинские школы, школы воспитательного дома, казенные, а, отчасти и общественные приюты для слепых, глухих и т. п. Ведомство имело свое высшее педагогическое учебное заведение и средние профессиональные училища.

Министерство торговли и промышленности имели в своем подчинении коммерческие училища: мужские, женские, смешанные для учащихся обоего пола; торговые школы; средне-промышленные училища; ремесленные школы. В ведении

¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 134.

² *Лебедевский С.Н.* Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875–1915. Тихвин, 1915. С. 110.

Министерства земледелия находились: сельскохозяйственные школы низшие и средние; сельскохозяйственные и специальные школы по отдельным отраслям сельского хозяйства.

Министерство внутренних дел содержало: Императорский лицей (с высшими классами); медицинские и ветеринарные фельдшерские школы; школы волостных писарей. В ведении Святейшего синода находились: духовные училища; духовные семинарии; церковно-учительские школы; женские епархиальные училища; миссионерские школы.

Министерство юстиции содержало училища правоведения (с высшими классами) и Межевой институт. В ведении Военного министерства находились юнкерские училища; юнкерские школы; кадетские корпуса; военная прогимназия; военно-фельдшерские школы; школы для солдатских детей; приюты для сирот детей военных. Морское ведомство курировало Морской корпус; Морское техническое училище; мореходные школы; лоцмановские школы; школы шкиперов дальнего и каботажного плавания. Наконец, в ведении Министерств путей сообщения находились: железнодорожные, технические; школы техников путей сообщения; школы дорожных десятников; школы других специальностей¹.

Значение некоторых из перечисленных учебных заведений в общей сети средних образовательных учреждений было достаточно велико. Прежде всего это относится к коммерческим училищам, кадетским корпусам, духовным семинариям, духовным, женским епархиальным, среднетехническим и железнодорожным училищам. Гораздо более высокий уровень образования приписывался коммерческим училищам, так как они относились к министерству, которое считалось более прогрессивным, чем Министерство народного просвещения².

Необходимо иметь в виду, что многие специальные учебные заведения открывались частными лицами, учебный процесс в них проходил по особо утвержденным образовательным программам, поэтому их сложно отнести к какому-либо типу. Учредители подобных учебных заведений были меньше стеснены в правах,

¹ Чехов Н.В. Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1923. С. 56–58.

² Odinec Dmitrij M. Russian schools and universities in the World War. P. 36.

чем казенные, имели большие возможности определять своеобразие учебного процесса и влиять на внутреннюю жизнь школы.

Управление средними учебными заведениями Министерства народного просвещения в масштабах Российской империи осуществлялось в соответствии с административно-территориальными единицами – учебными округами, которые были переданы в его ведение императорским указом 25 июня 1835 г. Согласно положению, «лицей, гимназии и училища определенного числа губерний составляют учебный округ, управляемый попечителем»¹. Попечитель являлся главным администратором, который через назначаемых им инспекторов казенных училищ «осматривал» учебные заведения округа. Согласно ежегодному статистическому сборнику, в 1915 г. в Российской империи существовало 15 учебных округов², каждый из которых включал несколько губерний. Окружной инспектор в виду обширности территорий, которые он курировал, мог посетить конкретное учебное заведение не чаще раза-двух в год. Не случайно министр просвещения П.Н. Игнатьев оценивал такие визиты инспекторов, как «случайные и поверхностные инспекции», которые «совершенно не в состоянии составить представление об успехах школы, о причинах невежества учеников или о состоянии нравственного воспитания»³. В отношении же частных школ, к которым существовал критический настрой со стороны министерства, визиты инспекторов часто становились «карательными экспедициями»⁴.

В Российской империи отсутствовал принцип непрерывного образования. На момент начала войны право на поступление в университеты имели только ученики государственных или частных гимназий, имевших полное право на учеников*, при условии, что последние сдали экзамены в присутствии чиновников Министерства

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том второй. Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое (1825–1839). СПб., 1864. Ст. 731–732.

² Статистический ежегодник России. 1915 г. (Год двенадцатый). Издание Центрального статистического комитета МВД. Пг., 1916. С. 29–30.

³ Цит. по: *Odinec Dmitrij M. Russian schools and universities in the World War*. P. 39.

⁴ *Odinec Dmitrij M. Russian schools and universities in the World War*. P. 40.

* В школах с полными правами правовой статус как учеников, так и педагогического персонала был аналогичен статусу учеников и персонала в государственных школах.

народного просвещения. Ученики реальных училищ не допускались в университеты, за исключением Варшавского университета, при условии сдачи экзамена по классическим языкам в государственной гимназии.

Набравшая ход экономическая модернизация и демократизация внутривнутриполитической жизни, особенно усилившаяся после революционных 1905 – 1907 гг., формировали запрос на высококвалифицированных специалистов в различных общественных сферах. Однако сложившаяся в Российской империи система среднего образования, целью которой было воспроизведение чиновничьей элиты и, в определенном смысле, закрепление сословной иерархии, не отвечала на вызовы начала XX в.

Некоторые попытки восстановить преемственность между низшей, средней и высшей школами в Российской империи были предприняты уже в период правления Александра II, однако они не были доведены до конца. В Положении о городских училищах от 31 мая 1872 г. было предусмотрено право детей от десяти до тринадцатилетнего возраста, «успешно прошедших курс первых четырех лет городского училища, поступать без испытания в первый класс гимназии и реальных училищ»¹, но так как для приема в первый класс гимназий, прогимназий и реальных училищ был установлен состязательный экзамен, и указанное выше право детей, прошедших курс четырех лет городского училища, в уставах средней школы оговорено не было, то оно осталось без всякого практического применения. Окончившие начальные и городские училища по Положению 1872 г. не имели никаких преимуществ по сравнению с детьми имущих классов, получавших домашнее образование, и должны были сдавать экзамен на общих основаниях. Чем старше был класс средней школы, тем сложнее было поступить в него окончившему, так называемую, «народную школу». Причем проблема состояла не только в трудности экзамена, но и в несоответствии возраста и в недостатке вакантных мест².

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 47 (1872). №. 50909. С. 731.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1202. Л. 129 об. Переписка по реформе средней школы.

Внутренний распорядок гимназий и прогимназий определялся Уставом, принятом в 1871 г. при министре народного просвещения графе Д.А. Толстом. С некоторыми изменениями он формально действовал до 1918 г.¹

Продолжительность учебных занятий для учащихся уже в XVIII в. была определена 8 часов в день. В XIX в. она стала сокращаться до 5-6 часов с переменами между уроками. Урок в гимназиях продолжался 50 минут, с соответствующими переменами в 10-15 минут.

Занятия обычно начинались в 9 часов, а в сельской местности, весной и осенью в южных регионах – в 8 часов утра. Учебные занятия продолжались целую неделю за исключением воскресенья и праздничных дней. Летние каникулы продолжались шесть недель, зимние – две недели. Конкретное время каникул определялось педагогическими советами, а затем утверждалось попечителем учебного округа и министром народного просвещения.

В подготовительный класс гимназии набирались дети не моложе 8 лет, в первый класс гимназии – не моложе 10 лет. В каждый класс рекомендовалось набирать не более 40 учащихся. Школьные программы учебных предметов разрабатывались и издавались министерством. Заботясь о благонадежности учащихся, Министерство народного просвещения достаточно эффективно организовало надзор за ними в учебное и внеурочное время.

Учащиеся гимназий и прогимназий обязаны были носить форму, которая состояла из однобортного полукафтана темно синего сукна, длиною до колен. Кафтан застегивался на 9 посеребрённых гладких пуговиц, четыре таких же пуговицы располагались сзади на клапанах карманов. По верху прямого скошенного воротника нашивался серебряный галун. Шаровары гимназистам полагались темно серого сукна. Двубортное пальто учащихся было серого цвета «офицерского образца», шапка – «по образцу военных кепи». На околыше, под козырьком располагался жестяной посеребрённый знак, состоящий из двух лавровых листьев, между которыми размещались прописные заглавные буквы названия города и гимназии или

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 46 (1871). Ч. 2. № 49860. С. 85–99.

прогимназии с их номером, например, «С.П.Б. 1 Г. (Санкт-Петербург Первая Гимназия)». Кроме этого, в холодное время года учащиеся могли носить верблюжий башлык и шинель серого сукна военного образца¹. Необходимые книги, тетради и письменные принадлежности размещались в ранцах установленной формы. Находясь вне дома, учащиеся обязаны были всегда носить форменную одежду, застегнутую на все пуговицы. Ношение всяческих украшений запрещалось. Так же как запрещалось отращивание длинных волос, бороды и усов. В женских учебных заведениях форменное платье определялось педагогическим советом.

В 1872 г. появились красные доски для записи отличившихся в учебе и по поведению учеников. На следующий год были введены ученические тетради для конспектирования уроков учащимися по определенному образцу. С 1876 г. на переменах осуществлялась обязательная гимнастика².

Правила для учеников гимназий и прогимназий, утвержденные 4 мая 1874 г., регламентировали все время их пребывания в гимназии. Так, они не имели права самовольно покидать ее до окончания занятий. В классах ученики занимали место, назначенное для них классным наставником. Во время уроков ученики обязаны были «сидеть прямо, хотя бы и прислоняясь к спинке скамьи, но не облакачиваясь и не разваливаясь, и отнюдь не должны ни разговаривать или шептаться между собою, ни заниматься чем-либо посторонним...»³ Неявка учащегося по уважительной причине должна была быть письменно объяснена родителями в тот же день с указанием времени, которое он провел дома.

Контроль за их исполнением осуществляли, как отмечалось, классные наставники и их помощники, институт которых был введен уставом 1871 г. Должности их старались замещать учителями древних языков (греческого и латинского), считая их «надежными и более заинтересованными судьбой классической

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 46 (1871). Ч. 2. № 49860. С. 89.

² *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 330–331.

³ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. (Утверждены г. Министром народного просвещения 4-го мая 1874 г.). Казань, 1874. С. 6.

школы»¹. «Ученики обязаны были беспрекословно повиноваться своим начальникам и наставникам, – указывалось в правилах, – как лицам, которым вверена ближайшая забота об их образовании и воспитании»².

Конечной целью обучения для гимназистов объявлялись слова молитвы, которую они произносили перед началом занятий «возрасти (умственно и нравственно) Создателю нашему во славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу»³. Религиозное воспитание учащихся предполагало обязательное посещение ими по воскресеньям и в праздничные дни службу в церкви, «в страстную седмицу бывать у исповеди и св. причастия»⁴.

Проживание учащихся в пансионах, включавших общежитие и полное содержание, несомненно, представляло более широкий простор для установления надзора за ними и поэтому министерство всячески способствовало их распространению. «Постоянный нравственный надзор за воспитанниками пансиона и руководство их занятиями»⁵ вверялся особым воспитателям.

Пансионы содержались отчасти за счет средств государства, отчасти за них платили местные различные общества, частные лица и сами учащиеся. Однако количество проживавших в них учеников было невелико. Так, пансионы в указанный период существовали при 67 гимназиях и в них проживало 3 тыс. 300 человек. При реальных училищах насчитывалось 13 пансионатов с 793 проживавшими⁶.

Кроме пансионатов ученики могли находиться в ученических квартирах, общежитиях, пансионатах-приютах и т. п., которые содержались за счет дворянства, земств и частных лиц. Подавляющее большинство учеников проживало у родителей и лиц их заменявших, например, родственников.

Правила 1874 г. регламентировали и распорядок дня учащихся вне учебных заведений. Им рекомендовалось вставать в 6 утра и до начала занятий заниматься

¹ Алешинцев И. История гимназического образования в России. С. 330–331.

² Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. С. 7.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 46 (1871). Ч. 2. № 49860. С. 96.

⁶ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 89.

подготовкой к урокам, которые предусматривали перерывы на обед и часовой отдых. На это должно было уходить их основное время и после занятий. Учащимся предписывалось избегать в учебные дни развлечений, а посещение театра, «в коих обыкновенно даются пьесы сомнительного свойства» и вовсе воспрещалось. Кроме того, ученикам гимназий и прогимназий строжайше воспрещалось ходить в маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерские, бильярдные и «всякого рода публичные и увеселительные места, посещение коих будет признано опасным или неприличным для учеников со стороны ближайшего их начальства»¹. За нарушение предписанного порядка предусматривались разного рода взыскания, вплоть до «стояния ученика на месте более или менее длительное время» и заключение в карцер до 24 часов «с содержанием на это время на черном хлебе и воде»².

С учетом вышеизложенного представляется не случайным появление в конце XIX в., т. е. почти после 30-летнего существования классической системы образования, циркуляра министра народного просвещения Н.П. Боголепова от 8 июля 1899 г. Циркуляр содержал перечисление длинного ряда недостатков средней школы, преимущественно гимназий, на которые жаловались педагоги и родители учащихся.

В их числе отмечался «бюрократический характер школы, вносящий сухой формализм и мертвенность в живое педагогическое дело, пренебрежение воспитанием нравственным и физическим, специализация школы с самых младших классов, чрезмерность ежедневной нагрузки на учащихся, недостаточное преподавание русского языка, русской литературы, истории, слабое ознакомление с окружающей природой, излишнее преобладание древних языков и неправильная постановка их преподавания»³.

¹ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. С. 11.

² Там же. С. 22.

³ Совещания, происходившие в 1899 г. в Московском учебном округе по вопросам о средней школе, в связи с циркуляром г. Министра Народного Просвещения от 8 июля 1899 г. за № 16212: на правах рукописи. М.: [б. и.], 1899. Вып. 6.

По итогам предварительного обсуждения была создана специальная комиссия, которая работала с 7 января по 7 марта 1900 г., провела 32 общих заседания и была разделена на 17 подкомиссий для разработки отдельных вопросов, связанных с обсуждением возможных усовершенствованных видов средней школы, но с обязательным сохранением основ «классической гимназии и реального училища как главных форм этих школ в России»¹. Предусматривалась возможность создания и какого-либо нового вида школ, и комиссия должна была рассмотреть эти предложения. Результаты проделанного труда были напечатаны в 8 томах. Об итогах работы министром было доложено императору с просьбой о разрешении продолжить подготовку реформы средней школы, на что 29 апреля 1900 г. было дано Высочайшее согласие.

Однако инициатор реформы Н.П. Боголепов 2 марта 1901 г. в результате террористического акта был смертельно ранен, и его преобразования были продолжены новым министром П.С. Ванновским, который издал в июне 1901 г. проект так называемой «единой общеобразовательной школы». По нему школа становилась семилетней, причем с четвертого класса учащиеся могли выбирать курс обучения или естествознания, или с усиленным изучением латинского языка. Кроме этого, «новый курс» предполагал и изменение воспитательной политики в школе. Так, в его рамках признавалось необходимым уделять усиленное внимание преподаванию «гимнастики, воинских и физических упражнений, введение подвижных игр, школьных экскурсий и прогулок, а где к тому представится возможность – и ручного труда»².

Циркуляром министра 21 июня 1901 г. в виде подготовительных мер к проведению общей реформы средней школы было прекращено преподавание латин-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 6.

² Шилов А.И. Начальная и средняя школа Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Красноярск, 2008. С. 240.

ского языка в первых двух классах и греческого языка в третьем и четвертых классах, введено в первом классе преподавание нового иностранного языка¹. Соответствующие изменения были внесены и в учебные программы реальных училищ, что способствовало их сближению по образовательному контенту с гимназиями.

В 1904 – 1905 гг. новый министр народного просвещения В.Г. Глазов вернулся к идее реформирования среднего образования и созвал в августе 1904 г. съезд попечителей учебных округов, на котором были выработаны новый университетский устав и положение о гимназиях. Им была сделана попытка установить преемственность между низшей и средней школой путем создания особого типа средней школы – «подготовительных школ». Однако в октябре 1905 г. произошла новая смена руководства министерством и намеченные преобразования не были осуществлены.

В 1906 – 1907 гг. министр народного просвещения П.М. фон Кауфман предложил проект нового типа средней школы «высшего городского училища», который соответствовал четырем старшим классам гимназии и предназначался для детей, окончивших курс городских, по Положению 1872 г., училищ². Организация реформы была возложена на комиссию под председательством действительного статского советника Н.И. Билибина. Итоги заседаний были представлены 28 декабря 1907 г. министром народного просвещения П.М. фон Кауфманом на одобрение Совета министров. Однако 7 января 1908 г. на должность министра был назначен тайный советник А.Н. Шварц, который остановил обсуждение проекта в виду того, «что он не сопровождался программами»³. Зато 10 июня 1910 г. новый министр внёс в Государственную Думу представление о гимназиях и подготовительных школах, с приложением проектов положения об этих учебных заведениях.

Положение о высших начальных училищах, которое обеспечивало преемственность с начальным училищем, было принято 25 июня 1912 г. Согласно ст. 49.

¹ Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть СССXXXVII. 1901. Сентябрь. СПб., 1901. С. 38.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 8.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1202. Л. 130 об. Переписка по реформе средней школы.

Положения, учащиеся, успешно окончившие курс первого или второго класса высших начальных училищ, могли поступать во второй или третий классы средних общеобразовательных учреждений, выдержав экзамен по иностранным и классическим языкам, что, однако, делало этот переход по-прежнему невозможным для большинства детей¹.

Тайный советник Л.А. Кассо вернул проект на дополнительное обсуждение, ограничившись в 1913 г. частичным пересмотром учебных программ*. В 1914 г. при нем были утверждены для гимназий и реальных училищ новые программы по истории и по географии. В том же году были организованы совещания по выработке программ по русскому языку и новым иностранным языкам – французскому и немецкому².

Не смотря на сложный и противоречивый процесс реформирования среднего образования в рамках министерства, с началом двадцатого века, происходила некоторая демократизация внутренней жизни гимназий. Прежде всего это проявлялось в изменении социального состава учащихся средних учебных заведений, среди которых, «несмотря на препятствия, чинимые Министерством народного просвещения», становилось все больше представителей непривилегированных сословий³.

Так, по сословной принадлежности к 1 января 1914 г. в мужских гимназиях и прогимназиях учащиеся распределялись следующим образом: дети личных дворян и чиновников – 23,7%; потомственных дворян – 8,4%; мещан и цеховых – 26,9%⁴. Сыновей мещан и цеховых из учащихся в реальных училищах было 29,6%, крестьян – 27,3%⁵. Большая часть учащихся в технических училищах являлась детьми крестьян – 46%, мещан – 32%, что объяснялось с одной стороны невысокой платой

¹ Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XLI. 1912. Сентябрь. С. 32.

* В Государственной Думе группа депутатов попробовала восполнить отсутствующую министерскую законодательную инициативу депутатской. В 1911 г. за подписью 115 депутатов было внесено законодательное предположение о реформе средней школы, но Дума третьего созыва не успела его рассмотреть до истечения её полномочий. В IV Думе проект был повторно представлен за подписью 83 членов 6 февраля 1913 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 94).

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 8 об.

³ *Odinec Dmitrij M.* Russian schools and universities in the World War. P. 34.

⁴ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 88.

⁵ Там же. С. 91.

(от 10 до 70 руб. в год), а с другой – возможностью обеспечивать себя достаточным заработком в будущем, после окончания учебного заведения¹. В средних технических училищах учились, главным образом, дети крестьян (42%) и мещан (35%)². В женских гимназиях и прогимназиях дочери почетных граждан, купцов, мещан и цеховых составляли 44,66%³ от общего количества всех учениц.

Наставления для учеников гимназий, прогимназий и реальных училищ, которые давались попечителями учебных округов, на основании утвержденных Министерством народного просвещения правил, в начале XX века также отличались некоторой либерализацией.

Прежде всего, необходимо отметить те изменения, которые произошли во внутреннем распорядке школы под влиянием революции 1905 – 1907 гг. и вовлекли значительное количество учащихся в революционный процесс. Министерство народного просвещения, во главе которого находился с ноября 1905 г. по апрель 1906 г. И.И. Толстой, подготовило ряд циркуляров, вносящих отдельные элементы демократизма в школьную жизнь.

Так, согласно циркулярному распоряжению от 26 ноября 1905 г. ношение форменной одежды для учеников вне классов признавалось необязательным, при условии соблюдения как правил «благоприличия, так и проявления франтовства и роскоши»⁴. Циркулярное распоряжение «О некоторых мерах по упорядочению школьной жизни», которое увидело свет также 26 ноября 1905 г., предоставляло школьным советам «в установлении распорядка жизни заведений руководствоваться уставом и своими постановлениями с представлением советам права отступать с разрешения попечителя учебного округа от действующих правил для учеников». Разрешалось по своему усмотрению составлять школьные библиотеки, образовывать при каждом среднем учебном заведении родительский комитет и пр.⁵ В

¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. С. 93.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 98.

⁴ Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть I. 1906 г. Февраль. СПб., 1906 г. С. 87.

⁵ Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть I. 1906 г. Февраль. СПб., 1906 г. С. 88.

то же время, министерство категорически выступило против вовлечения учащихся в политическую деятельность и выразило уверенность, что педагогические советы «не допустят внесения в жизнь школы таких явлений, как ученические организации с притязаниями образования власти учеников над учениками или с целью предъявления тех или иных требований к администрации школы»¹.

После завершения революции 1905–1907 гг. наблюдался отказ от некоторых «ослаблений» в школьной жизни: увеличивались часы преподавания Закона божьего, сокращалось количество уроков по естественным наукам, ограничивались права родительских комитетов или же они вовсе закрывались, отменялись уроки гимнастики.

Вновь усилился надзор над учащимися как в стенах школы, так и вне ее. В частности, им предписывалось ношение одежды установленного образца и во время занятий, и в свободной время, однако она стала более комфортной. Так, в гимназиях форма состояла из блузы серого сукна с низким стоячим воротничком, застегивавшимся на две серебряные пуговицы, брюк такого же сукна, черного кожаного кушака с металлической бляхой с инициалами гимназии. В реальных училищах подобная блуза предполагала две позолоченные пуговицы, соответственно, бляха с инициалами училища также была позолоченной. На воротник блузы нашивался белый воротничок. Верхняя одежда гимназистов состояла из пальто серого сукна офицерского покроя с посеребренными пуговицами и фуражки из темно-синего с белыми выпушками. Учащиеся реального училища имели пальто темно-зеленого сукна офицерского покроя с позолоченными пуговицами и фуражки темно-зеленого сукна с желтыми выпушками.

Для торжественных случаев гимназистам предписывался темно-синий суконный полукафтан с девятью серебряными пуговицами, а реалистам – полукафтан темно-зеленого сукна с девятью позолоченными пуговицами. В летнее время (с 1-го мая по 1 сентября) учащимся дозволялось носить блузы и брюки из полотна и парусины, а также белый чехол на тулье форменной фуражки. В дождливую погоду

¹ Там же. С. 86.

ученикам средних учебных заведений разрешалось носить поверх форменной одежды гуттаперчевые плащи с капюшонами¹.

Учащимся по-прежнему не разрешалось собираться и ходить в общественных местах большими группами, с 1 апреля по 1 августа находится на улицах позднее 10 часов вечера, а в остальное время года после 8 часов вечера дозволялось только с разрешения своего начальства.

Только с письменного разрешения руководства учебным заведением ученикам можно было посещать театр, а кинематограф разрешался только в часы, отведенные для прогулок. Пребывание на танцевальных вечерах допускалось до 12 часов ночи. Запрещалось курение табака и употребление спиртных напитков². По-прежнему учащимся не дозволялось «участие в каких-то ни было кружках и обществах, в чествованиях, носящих публичный характер, в публичных состязаниях на призы, а также посещение в числе публики заседаний судебных, городской думы, дворянских и земских собраний»³.

Для образовательной политики оставался актуальным наказ Николая II, который он «преподал» 10 июня 1902 г. преемнику П.С. Ванновского на посту министра народного просвещения Г.Э. Зенгеру, представляя школьное образование единением с воспитанием «в духе веры, преданностью престолу и отечеству и уважения к семье; а также заботы о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи приучать ее с ранних лет к порядку и дисциплине»⁴.

В то же время в начале XX в. все более актуализировались дискуссии в отношении, так называемых «русской национальной школы» и «национального воспитания», которые противопоставлялись «государственному». При этом под первыми подразумевалось воспитание, основанное на знании русской культуры, истории, окружающей природы. «На уроках родного языка молодежь проникается любовью

¹ Наставления для учеников гимназий, прогимназий и реальных училищ г. Москвы казенных и полноправных. Составлено на основании правил, утвержденных г. Министром Народного просвещения. М., 1912. С. 9–10.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть СССXXXXII. 1902. Июль. СПб., 1902. С. 1.

к сокровищам народного духа и творений национальных гениев, история протягивает нити к великому прошлому. <...> Наши дети должны проникнуться радостной гордостью, что они русские, должны любить все проявления национального творчества независимо от одобрительного штемпеля начальства, – рассуждал на страницах журнала «Школа и жизнь» некто, подписавшийся «Р.У.», предлагая, чтить должным образом Петра Великого, Льва Толстого, Гермогена, декабристов и, отмечая «с одинаковым благоговением» столетние юбилеи А.С. Пушкина и Бородинского сражения¹. Этот же автор указывал, что «при правильном национальном воспитании изображение прошлого в ореоле постоянных побед и утаивание событий, неприятных для национального самолюбия, недопустимо: молодежь должна воспитываться не только для любви к родине, но и для самоотверженной защиты ее в случае опасности»².

Определенным компромиссом между «государственным» и «национальным» целеполаганиями школьного воспитания, на наш взгляд, явились отчисления юбилеев знаковых исторических дат, которые пришлось на предвоенное время.

Так, Министерство народного просвещения, придавая особое значение столетию войны 1812 г., приложило значительные усилия, чтобы празднование «знаменательного юбилея было возможно содержательнее, и чтобы воспитательное воздействие его на учащихся проявилось возможно глубже»³. Для этого уже задолго до юбилея началось более углубленное изучение эпохи. Учащимися готовились рефераты с последующим обсуждением, им демонстрировались картины с комментариями преподавателей. На уроках русского языка в младших классах разучивались стихи и басни, в старших изучались литературные произведения, относившиеся к эпохе, устраивались историко-литературные вечера, на которых исполнялись музыкальные произведения, посвященные военным баталиям. Для учащихся организовывались экскурсии в разные места, связанные с войной 1812 г.

¹ У.Р. Национальное воспитание // Школа и Жизнь. 1914. № 3. С. 2.

² Там же.

³ Всеподданнейший Отчет министра народного просвещения за 1912 год. Пг., 1915. С. 55–56.

Накануне 100-летней годовщины Бородина, 25 августа, учащиеся и преподаватели присутствовали на панихиде в честь поминовения героев сражения. На юбилейные торжества, происходившие в Москве, были отправлены делегации из всех учебных округов, особые наименования по ходатайствам с мест присваивались учебным заведениям, выделялись юбилейные стипендии. В результате, по мнению министерства, «юбилей отечественной войны прошел с должным подъемом национально-патриотического чувства, причем школа сумела не только среди коренного населения, но и среди инородцев, осветить неиссякаемую силу и мощь русского государства»¹.

В 1913 г. Министерство народного просвещения провело еще более грандиозную работу по празднованию 300-летия царствования дома Романовых. Для формирования особого отношения у учащихся к предстоящим празднествам им опять-таки читались специальные лекции, обсуждались рефераты соответствующей тематики. Непосредственно 21 февраля – учащиеся присутствовали на торжественных богослужениях, участвовали в крестных ходах. С целью «увековечить в потомстве славное событие» министерство «самым широким образом» удовлетворяло ходатайства о присвоении соответствующих наименований школам и учреждении юбилейных стипендий².

Достаточно обобщенно актуальная концепция воспитательной работы в средней школе была изложена в выступлении попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.М. Прутченко на совещании директоров учебных заведений, проходившем с 14 по 16 февраля 1914 г. в столице. Материалы совещания планировалось предоставить в дальнейшем на съезд директоров, намеченный на рождественские каникулы зимы 1914/1915 гг. Главную цель воспитания он сформулировал следующим образом: «Воспитание граждан, которые бы верили в будущее своего Отечества и любили его». Средствами достижения этой цели, по его мнению, были «гармоничное развитие духа и тела, что может быть достигнуто воспитанием

¹ Всеподданнейший Отчет министра народного просвещения за 1912 год. С. 56–57.

² Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. С. 82.

религиозно-нравственным, патриотическим, эстетическим и физическим»¹. Религиозно-нравственному воспитанию попечитель придавал особое значение.

При обсуждении этого вопроса все директора высказались за сближение «молодежи с церковью». При этом директора столичных учебных заведений высказались за отмену оценок по Закону божьему и против обязательного посещения церкви. Отдельные директора провинциальных учебных заведений, напротив, считали, что и принудительное посещение церковной службы будет залогом этого сближения, так как, и «механическое восприятие богослужения способствует тому, что учащиеся проникаются религиозным чувством»².

Эстетическое воспитание, согласно прозвучавшим докладам и последующему обсуждению, должно было включать не только приобретение знаний в области художественной культуры, но и «знакомство с природой», по большей части, через организацию экскурсий. В физическом воспитании, по мнению собравшихся, особое значение нужно было уделять военному строю.

Российская империя накануне Первой мировой войны имела достаточно развитую систему среднего образования. Модернизационные процессы, которые переживала страна во второй половине XIX в., с необходимостью предопределили и трансформации, происходившие в образовательной сфере. Прежде всего это проявилось в возросшей потребности у населения в среднем образовании, которое являлось обязательным условием для получения высшего образования. Вследствие этого в указанный период в учебных заведениях среднего звена увеличилось в процентном отношении количество детей непривилегированных сословий. Указанная тенденция определенным образом свидетельствовала о необходимости стирания расхождений между различными типами средних учебных заведений, а в конечном итоге – в создании непрерывной системы начального, среднего и высшего образования. Однако противоречивость, непоследовательность и незаконченность реформирования отдельных сфер существования Российского государства в конце XIX – начале XX вв. проявлялась и во многих составляющих процесса изменения как

¹ Совещание директоров учебных заведений // Школа и жизнь. 1914. № 9. С. 8.

² Там же.

внутреннего устройства школьной жизни, так и образовательного пространства страны в целом. В том числе различные сложности как административного, так и материального характера не позволили закончить создание такой непрерывной системы к началу Первой мировой войны.

С начала XX в. проблема реформы средней школы уже прошла в России непростой путь, так и не получив реального воплощения. По мнению участников подготовки новой реформы, мероприятия Министерства народного просвещения, начиная с 1890-х гг. и заканчивая 1913 г. были направлены главным образом к заглаживанию крайностей классической гимназии и сближению с ней реального училища. «Наименьшее внимание было обращено на ослабление формализма, царящего в школе, благодаря педантичной регламентации школьной жизни»¹. По словам одного из авторов письма, адресованного министру народного просвещения, «для школьного дела это имело худшие последствия, чем если бы этих начинаний не было, ибо деятели на педагогическом поприще потеряли веру, и самое дело превратилось в мертвую рутину»².

В то же время увеличение потребности в квалифицированных кадрах как в управлении, так и на производстве ставили на повестку дня изменения самого содержания среднего образования. Становилось все более очевидным, что его классическая схема с преобладающим вниманием к «древним» языкам не соответствует запросам времени и подлежит всестороннему пересмотру в соответствии с современными тенденциями.

В свою очередь менялись взгляды и на воспитательный контент в среднем звене образовательной школы. Все больший акцент делался на внедрение школьного «национального воспитания», которое сочетало в себе элементы патриотического и гражданского воспитания в современном понимании.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1182. Л. 158 об.

² Там же. Л. 29.

1.2. Реформа российской средней школы в условиях Первой мировой войны

К 1915 г. российское общество все отчетливее стало осознавать необходимость использования всех имевшихся и потенциальных сил для успешного решения задач, стоявших перед Россией в условиях войны. Первые итоги военных действий заставили Военное министерство регулярно обращаться за помощью к общественным организациям, а Министерство внутренних дел во многом отойти от традиционной политики недоверия к местным органам власти. Проблемы, с которыми столкнулась средняя школа в условиях войны и сопровождавшими ее социальными потрясениями, отразились на учебном процессе и проявились в ходе подготовки ее преобразования, начатого в этих непростых для страны условиях. В общественном сознании реформа средней школы стала восприниматься в качестве определенного этапа «на пути к общему обновлению русской жизни»¹, и российское общество с пристальным вниманием стало следить за происходившем внутри и вокруг Министерства народного просвещения, возглавлявшегося графом Павлом Николаевичем Игнатьевым.

С 1910 г. и на момент начала войны во главе Министерства народного просвещения находился юрист Л.А. Кассо, а после его смерти в ноябре 1914 г. исполняющим обязанности был назначен барон М.А. Таубе. Уже при нём был создан специальный комитет из представителей министерства, профессоров университетов и директоров школ, который должен был разработать схему реорганизации нравственных и воспитательных функций средних школ. С начала января 1915 г. исполнять обязанности министра стал граф П.Н. Игнатьев, окончательно утвержденный затем в этой должности в мае того же года.

Действительный тайный советник граф П.Н. Игнатьев был сыном тогдашнего посла в Константинополе (как его именовали многие в России «Царьграде»), а впоследствии – министра внутренних дел Николая Павловича Игнатьева, уволенного Александром III за предложенный царю славянофильский

¹ Наши задачи // Голос средней школы. Непериодическое издание, посвященное жизни средней школы. 1915. Сборник первый. Стлб. 3.

проект созыва Земского собора. В одном из своих писем министр народного просвещения раскрывал смысл своих надежд на осуществляемые преобразования следующим образом: «Надеюсь, что мне, уроженцу Царьграда и воспитанному в ясном сознании мировых задач и исторического значения нашего отечества, – удастся, с Божьей помощью, приложить свои силы к установлению тех вех, по которым Россия бесповоротно двигается к светлым идеалам»¹. На самом деле именно мировая война явилась главным побудительным мотивом его плана реформ российской образовательной системы, и он постоянно обращал на это внимание в своих устных выступлениях и в министерских распоряжениях.

На протяжении всего пребывания на посту министра он открыто заявлял о своем желании получить поддержку со стороны общественного мнения и регулярно согласовывал свою работу с позицией Государственной Думы и местных органов власти, что вызывало негативную реакцию и недоверие со стороны правящей бюрократии. Однако, несмотря на это, ему все же удалось осуществить многое из задуманного за счет мощной поддержки министра со стороны общественного мнения.

Как уже отмечалось в первом параграфе, участники совещания, состоявшегося при министре Н.П. Боголепове, активно обсуждали французский опыт реформирования школы и, оценивая предыдущие практики подобных процессов в России, указывали на некоторые негативные последствия заимствований из системы образования Германии. Главная мысль, сопровождавшая дискуссии по этим вопросам, затрагивала важные духовные проблемы: «Реформа образования, сделанная на немецкий лад, воспитание, перенесенное из протестантской земли на православную, сделали то, что мы сами не стали протестантами, но не остались и православными»². Подготовленный в тот период проект изменения среднего образования предусматривал добавление к существовавшим классической гимназии и реальному училищу третий вариант учебного заведения – гимназию с одним латинским

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 97. Л. 33.

² Цит. по: *Гаврилина Ю.Г.* Французские реформаторские идеи в сфере образования в педагогической теории России (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 257–258.

языком¹. В 1900 г. реформа не была доведена до логического результата из-за сопротивления, которое она встретила в общественных кругах, хотя уже в самом «рассаднике классицизма» – в Германии на протяжении нескольких десятилетий наблюдалось изменение этой системы. Начавшаяся мировая война потребовала новых государственных решений практически во всех сферах жизни, не обойдя стороной и систему образования. В корне изменились отношения между Россией и Германией, и у потенциальной реформы появился новый шанс.

Вскоре после начала исполнения функций министра народного просвещения на закрытом совещании, состоявшемся вечером 20 февраля 1915 г., в котором приняли участие руководители двенадцати учебных округов, впервые лично встретившиеся с министром, П.Н. Игнатъев выступил с программной речью, в которой он обозначил цель выяснения общих с присутствовавшими взглядов на дело отечественного просвещения. По его словам, он не являлся новым человеком «для той среды, для которой работает школа, так как по своей прежней деятельности на разных поприщах близко познакомился с нуждами провинциальной жизни, населением и земской средой»². По мнению руководителя министерства, формальное отношение школы к запросам жизни и отсутствие необходимого общения с «местными силами» способствовало постепенному изолированию школы от общества, препятствовало развитию производительных сил страны. По словам графа Игнатъева, он признавал незыблемость «принципа государственности» в школе, но был убежден в том, что она не должна быть оторвана от жизни и служить нуждам населения, а ее руководители должны подыскивать способы и пути к удовлетворению этих потребностей³.

На совещании, длившемся до часа ночи, был также поднят вопрос о школьных библиотеках, циркуляр о которых Л.А. Кассо, по мнению министра, не согласовался ни с требованиями жизни, ни с законом. Была также обсуждена проблема излишнего

¹ Павлов А.П. Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. М., 1916. С. 16.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1207. Л. 2.

³ Там же.

надзора за деятельностью школы, который зачастую выступал препятствием в установлении «живой связи» между педагогами и учащимися, особенно в условиях начавшегося трудного периода, связанного с войной. Присутствовавшие в своем большинстве согласились с тем, что инспекторы часто «расширяют свою компетенцию в некоторых областях школьного дела»¹, что следует учитывать и повсеместно с этим бороться, устраняя постороннее бюрократическое вмешательство в школьную жизнь. Учебный год 1914–1915 гг. было решено закончить уже 15 апреля и перевести учащихся в старшие классы по отметкам, полученным в течение года. Для плохо успевавших была намечена специальная проверка знаний в августе 1915 г.

Подобное мероприятие являлось необычным для деятельности министерства, тем более что большинство начальников учебных округов должны были на этом собрании сначала выслушать, а затем и согласиться с мерами в области образования, главным образом диаметрально противоположными их собственным укоренившимся взглядам на эти проблемы.

К весне 1915 г. многие из вызванных войной ключевых проблем в сфере образования уже получили вполне конкретное воплощение в жизни тогдашней школы. Граф П.Н. Игнатьев регулярно обозначал свое представление о будущей роли школы, которая, сближаясь с действительностью, утрачивала, например, свой сословный характер. Именно от школы в недалекой перспективе зависела, по его убеждению, возможность успешного залечивания моральных ран, нанесенных войной. По этой причине готовившаяся реформа была направлена не только на решение ближайших очевидных задач, но и из необходимости подготовки ее к предстоящей важной миссии мирного восстановления всех сфер государственной жизни.

Результатом являлось разрушение еще ранее вызывавших критику глубоко укоренившихся традиций и устоявшихся правил, мешавших осуществлению намеченных планов. Защитники старых школьных порядков были достаточно убедительны в своей критике возможных преобразований, утверждая, что предлагаемая

¹ Вечернее время. 1915. № 1036. 21 февраля.

новая модель представляет собой лишь ненадежное теоретическое кабинетное построение, менее прочное, чем то, что уже испытано опытом прошлых лет. При этом они традиционно сознательно замалчивали тот факт, что старая школа могла готовить людей, которые были пригодны для условий времен прошедших и во многом не подходивших под новые задачи, которые выдвигались перед государством в условиях мировой войны.

В предыдущие годы аргументов сторонников прежней системы образования было достаточно для отказа от намеченных реформ, но война сделала их менее решительными и заставила пойти на уступки. В результате сложилась необычная ситуация осуществления масштабной реформы школы в напряженный для страны момент, когда казалось, что следовало решать иные, более серьезные государственные задачи. Однако намеченные преобразования были вызваны не только уступчивостью консерваторов от образования, но в первую очередь необходимостью для школы соответствовать духу и целям конкретного исторического периода в развитии страны. Для самой системы общего образования это обеспечивало устойчивость и приближенность к реальной жизни.

Например, один из будущих основоположников советской педагогической и психологической науки Павел Петрович Блонский в своем сочинении, относящемся ко времени участия России в войне, рассуждая о назначении дореформенных гимназий, отмечал, что они представляли из себя органы «бюрократического воспитания» для подготовки чиновников. «Зависимость средней школы от высшей еще более укрепила установлением требования принимать на государственную службу только лиц, имеющих высшее образование, и связанных с последним различных преимуществ»¹. Сам учитель дореформенной гимназии был, по его мнению, прежде всего чиновником, который, «восседая на кафедре в своей учительской форме, строго аккуратно, но бесстрастно-формально выполнял с "входящими" и "исходящими" учениками детально регламентированные пункты программы по точно предуказанным страницам учебника»². Однако импонирующая в прежние

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1182. Л. 161.

² Блонский П. Как мыслить среднюю школу? М., 1916. С. 3.

времена «чиновничья фуражка» уже перестала быть привлекательной. На смену желанной возможности стать государственным служащим приходили новые перспективы в виде профессий инженеров, коммерсантов, земских, городских, банковских деятелей.

Тезис о том, что российская гимназия не должна выступать лишь в качестве подготовки к высшей школе не у всех находил полную поддержку. Например, находившаяся на либеральных позициях московская газета «Русские ведомости» утверждала, что если средняя школа должна решать самостоятельную задачу обеспечения необходимым уровнем образования значительной части юного населения страны и «не рассматривать ее как подготовительное учреждение к высшей школе», то: «По какому праву станет здесь общество стеснять родителей, которые хотели бы, чтобы гимназия готовила прежде всего их детей к университету?»¹.

Сохранившаяся в министерских бумагах на полях этой газетной публикации пометка о необходимости приобщения ее к делу о реформе школы, свидетельствует о важности высказанных положений. Более того, министром был особо отмечен вывод, сделанный автором статьи: «Проект реформы школы, заключающий в себе признание известной правоты в различных борющихся между собой педагогических тенденциях, быть может, скорее всего окажется способен пройти через те пороги, о которые разбилось столько его предшественников (*предыдущих реформ.* – **Авт.**)»² Эти слова отразили сущность ключевого реформаторского замысла окружения министра П.Н. Игнатьева.

Под председательством министра народного просвещения вслед за встречей с руководителями учебных округов в феврале 1915 г. состоялось Особое совещание, проходившее с 21 по 26 апреля 1915 г. Перед собранием были поставлены две категории вопросов: 1) что из существовавшего должно было быть устранено или изменено и 2) что должно быть создано вновь? Особое внимание предлагалось уде-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 94 // Совещание по реформе средней школы в апреле 1915 г.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 94

лить проблеме пренебрежения нравственным, физическим и эстетическим воспитанием, бюрократического характера отношений между учителями и учащимися, отчужденности семьи и школы¹.

Среди обсуждаемых тем на первом месте стояло обоснование цели и задач, сформированных перед средней школой новыми военными условиями: «продолжительность курса средней школы; бифуркация и концентры; круг предметов, на которых должно было основываться общее образование; объём знаний и перечень предметов, необходимых средней школе; нравственное, физическое и эстетическое развитие; женская средняя школа и совместное обучение; взаимоотношения семьи и школы»².

Министерство народного просвещения, несмотря на трудности, переживаемые страной, энергично взялось за разработку схем радикальной реформы не только в области внутренней организации школы, но и в вопросах школьных программ и методов обучения. Одним из важных направлений работы явилось установление непрерывной системы образования от начальной школы до университета.

На рассматриваемом апрельском 1915 г. совещании была подвергнута критике существовавшая до сих пор система, которая служила главным образом интересам более состоятельных слоёв населения, ориентированных на дальнейшее платное обучение своих детей в высших учебных заведениях.

Основная менее обеспеченная часть нуждалась в школе такого типа, которая, давая общее законченное среднее образование, открывала бы своим выпускникам различные пути применения своих знаний, а не влекла бы их искусственно в высшую школу³. На момент осуществления предполагаемой реформы действовала ситуация, при которой за средним образованием практически не признавалось самостоятельного значения, и более десяти лет обучения, включавших восемь из них в средней школе и не менее двух до поступления в неё, совершенно не готовили обучающихся, иногда достигших 20-летнего возраста, к какой-либо самостоятельной

¹ Там же. Д. 1182. Л. 160.

² Там же. Д. 1206. Л. 12.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 12 об.

деятельности. Повышаемые высшей школой для поступавших в нее требования отражались на необдуманном развитии программ средней школы, переполнении их излишним фактическим материалом¹.

Существовала и еще одна важная проблема, поскольку выпускники высшей школы пополняли главным образом столичные административные структуры и неохотно трудились «на местах», а молодые люди с начальным образованием становились главными работниками в различных сферах на периферии. Целью проектируемой средней школы являлось создание «средней группы» из выпускников со средним образованием, но достаточным по своему уровню для активной работы во всех государственных сферах. Такая школа, «будучи самодовлеющей, давая законченное среднее образование, тем не менее не утратит связи с высшей школой»².

Поставленная задача, по мнению Министерства народного просвещения, не могла быть достигнута только в результате соответственного построения учебных программ. Ее решению должен был соответствовать весь уклад школы, благоприятствовавший развитию способностей учащихся.

Одновременно с проведением реформы необходимым дополнением к ней должно было быть принятие решительных мер к увеличению числа преподавателей со специальной педагогической подготовкой, которых ощущался недостаток в мирных условиях. Соответственно после призывов на фронт кадровый дефицит еще более возрос. «Конечно, и вопрос об улучшении положения преподавателей и условий их педагогической работы не должен быть оставлен без дальнейшего развития»³, что также в условиях войны выглядело очень сложным. Однако все же государством была поставлена задача учреждения особых педагогических институтов, а также специальных курсов подготовки при существовавших учебных округах⁴.

В 1916 г. Министерство народного просвещения предполагало открыть 25 новых педагогических училищ. Оно также приступило к подготовке плана основания

¹ Там же. Д. 1182. Л. 161.

² Там же. Д. 1206. Л. 13.

³ Павлов А.П. Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. М., 1916. С. 36.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 13 об.

93 педагогических училищ в память 300-летия династии Романовых и открытия специальных училищ для женщин-учителей, которых до сих пор не было в России¹.

В процессе обсуждения реформы первый названный вариант в вопросе о продолжительности обучения от начала освоения грамоты до окончания средней школы составлял 12 лет, т.е. 4 года начальной школы, 4 года высшего начального училища (низшая ступень) и 4 года средней школы. «Для тех же учеников первой ступени, которые не пожелают перейти в высшие классы средней школы, было намечено предоставить особый, в стороне от общей схемы, класс (четвёртый год обучения в высшем начальном училище), в целях подготовки таких учеников к практической деятельности, сообразно их желаниям и способностям»². Из высшего начального училища был открыт доступ в средние технические училища и только наиболее успешно усваивавшие учебные дисциплины могли переходить во вторую ступень (высшую) средней школы³.

Учитывая большие расходы для государства на образовательные цели, пришлось уложить курс второй и третьей ступени в 7 лет. Во время обсуждения этой проблемы было высказано мнение о том, что сокращение на целый год обучения, включавшего в себя занятия музыкой, рисованием, физическими упражнениями, приведет к увеличению количества уроков до 5 и 6 в день, что было бы совсем нежелательно⁴. Однако после рассмотрения различных вариантов совещание пришло к выводу, что перспектива сокращения срока обучения возможна также за счет наличия хорошо подготовленных преподавателей и более оптимальных методов преподавания. Достичь желаемого результата можно было при подготовке учебных программ и распределения учебных материалов при решении вопроса о концен-трах⁵, т.е. при использовании принципа построения школьных курсов, в отличие от

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. P. 104.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 15 об. – 16.

³ Там же. Д. 1182. Л. 44 об. – 45.

⁴ Там же. Д. 1206. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 14 об.

линейного, на основе повторного изучения части учебного материала, но уже с большей глубиной его освоения, на более высоких ступенях обучения.

В подготовленных проектах для установления связи между низшей и средней школьной ступенью в первый концентр должны были войти высшие начальные училища, а во второй – четыре старшие класса средней школы. Однако эта схема вызвала целый ряд возражений, поскольку концентрическое расположение материала, предусматривавшее, как уже отмечалось, изучение тех или иных вопросов в младших классах в пределах элементарных требований, а в старших – по расширенной программе, нарушало, по мнению критиков, последовательность преподавания.

Распределение учебного материала в концентрах создавало трудность и даже невозможность формирования цельного общего плана без пробелов или в количестве уроков, или в объеме и качестве изучаемого материала. Более того, начальная и средняя школа должны были преследовать каждая свои определённые задачи, не считаясь с посторонними целями, а выпускники высших начальных училищ должны были иметь необходимый уровень знаний для дальнейшей самостоятельной деятельности¹.

В то же время, благодаря центрам, общеобразовательная школа при составлении учебных планов имела возможность выделить обязательный минимум освоенного материала по каждому предмету. Учащимся же предоставлялась возможность по своему усмотрению заниматься необязательной индивидуальной работой по тем дисциплинам, к которым они проявляли особую склонность. Однако в этой самостоятельной работе школа обязана была оказывать им содействие предоставлением помещений, материалов и пособий, а также привлечением в помощь учащимся специалистов в этой области со стороны или из этой же школы.

Сторонники проекта все же позднее отказались от наименования формируемой ими системы «концентрической», как характеризующей её не вполне точно. Высшие начальные училища и четыре старших класса средней школы должны

¹ Там же. Л. 15.

были составлять на основе общего плана обучения преемственные этапы законченного среднего образования.

Принцип, из которого исходили авторы предполагаемой реформы образования, опирался на требования жизни, с которыми необходимо было считаться, а все трудности педагогического характера, по их убеждению, можно преодолеть, если помнить, что «педагогика для жизни, а не жизнь для педагогики». На основе этого принципа новая система образования не должна была заменить собой все уже существовавшие типы школ¹.

Еще более критические оценки вызвал проект разделения курса государственной общеобразовательной школы на несколько специальных ветвей (фуркация), предусматривавший в старших классах построить учебные планы с учетом желания учащихся выбрать гуманитарную или естественно-математическую специализацию. В данном случае проявилось стремление сблизить ранее резко обособленные типы образовательных учреждений в виде классических гимназий с изучаемыми в них греческим и латинским языками, реальными и коммерческими училищами. В прениях о фуркации предлагался один общий для всех учащихся курс средней школы, а для углубленного изучения тех или иных избранных учащимися предметов во второй ступени предполагалось оставить свободными 24 часа (за счет отказа от греческого языка и сокращения часов на латинский). Таким образом, школа, по мнению составителей проекта, могла бы, с одной стороны, удовлетворить всем запросам жизни, а с другой – осуществила бы принцип индивидуализации курсов².

Составители проекта имели в виду создать единую, всесловную, национальную общеобразовательную школу, объединив основные типы образовательных учреждений «под одной крышей». Под понятием «национальная школа» подразумевалось «стремление общественно-педагогических сил России усилить русский национальный компонент в отечественной системе образования, приоритет

¹ Реформа средней школы // Биржевые ведомости. 1915. № 14819. 2 мая.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 16 об. – 16 об.

этнокультурной основы в процессе воспитания и обучения личности»¹. При обсуждении проекта сторонники реформы высказывались за отказ от прямого заимствования зарубежного опыта для системы образования, усматривая в этом угрозу утраты веры в собственные силы, «обидно-пренебрежительное отношение к русскому языку, русской культуре и недостаточно развитое чувство патриотизма»². Естественно, что проблемы развития национального самосознания явились в первую очередь следствием участия России в мировой войне.

Необходимость изучения латинского в качестве языка науки, на котором были написаны древние научные сочинения, ставилась под сомнение еще в процессе утверждения классического типа гимназий в 1860-е гг. В новых условиях с развитием иностранных «живых языков» латинский утратил свое прежнее обоснование, но еще имел некоторое прикладное значение, поскольку он был нужен и филологам, и юристам, и медикам. Не имея в своём учебном плане латинского языка, некоторые из новых типов школ невольно закрывали двери выпускникам для поступления на эти специальности в университет, как это уже происходило с питомцами реальных училищ³.

Позиция самого П.Н. Игнатъева в отношении классических языков просматривается в ответе на письмо члена Государственного совета, действительного статского советника И.П. Балашова, который отмечал 20 июня 1915 г., что авторы проекта «не могут никак отрешиться от гипноза латыни», и комиссия, готовившая реформу, предполагала посвятить «этой противоестественной "дисциплине" или "гимнастике", что ли ума (но скорее непроизводительной его ломке) большее число недельных уроков, чем своему родному языку»⁴.

¹ Кальсина А.А. Реформирование школьного образования в условиях Первой мировой войны. Школьная реформа графа П.Н. Игнатъева (1915 г.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 469.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1182. Л. 160–160 об.

³ Павлов А.П. Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. М., 1916. С. 25.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 97. Л. 75–75 об. / Личная переписка министра народного просвещения гр. П.Н. Игнатъева.

В дальнейших рассуждениях, подчеркнутых министром с пометкой «верно», И.П. Балашов говорил об учениках, которые на поверхностное изучение двух или трёх древних авторов тратят целые годы упорного труда, «который принёс бы действительно богатые плоды, если бы был применён к основательному ознакомлению со своим родным языком и ближайшими его сродственниками»¹.

В своем ответном письме П.Н. Игнатьев подчеркнул, что он разделяет мнение о нецелесообразности предпочтения древних языков отечественному в курсе средней школы. Он также отметил, что в дореформенный период латинский язык преподавался в одном из двух типов общеобразовательной средней школы в объеме 30 уроков в неделю. В разработанном министерском проекте программы изучение латыни было запланировано в одном из трех типов общеобразовательной средней школы (в старо-классической ветви) и в объеме 23 уроков. В то же время занятий русским языком, которых в дореформенных гимназиях было 34 урока, а в реальных училищах – 30, проектировалось во всех типах средней школы ввести по 34 урока, «несмотря на сокращение числа классов до семи, а в ново-классической ветви – даже 37 в неделю»². В ходе обсуждения проекта «было признано возможным научить учащихся в средней школе иностранным языкам лишь настолько, чтобы они могли читать и переводить нетрудные тексты без словаря»³.

В первоначальных проектах изменения образования классическая школа не предполагалась, как утратившая своё значение, но в процессе обсуждения была оговорена возможность ее сохранения в частном виде и даже с поддержкой со стороны государства. Учитывая необходимость занятий латинским языком для желающих посвятить себя изучению медицинских наук, в ходе обсуждения было предложено осуществлять его преподавание за счет 24 дополнительных уроков, но при условии существования достаточного количества желающих его учить и наличия необходимых для этого преподавателей⁴.

¹ Там же. Л. 75 об.

² Там же.

³ Там же. Оп. 168. Д. 1182. Л. 46.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 62 об.

Гораздо более важным вопросом являлось установление связи между собой всех трёх образовательных ступеней, т.е. прохождение низшей ступени должно было беспрепятственно обеспечивать переход в среднюю, а средней – в высшую. Иное построение учебных планов и программ могло нарушить эту связь и переход из одной ступени в другую потребовал бы промежуточной, подготовительной работы. В результате могла получиться схема, при которой итогом стало бы появление в результате обучения трех категорий лиц: с законченным низшим, с законченным средним и с законченным высшим образованием¹.

При составлении проекта реформы предполагалось, что фуркация должна иметь, по крайней мере, две точно очерченные ветви (бифуркация), нацеленные на гуманитарное и реальное направления и сопровождающие их школы, но не исключалась возможность существования и других ветвей (полифуркация), при обязательном условии точно очерченных рамок учебного курса. Однако постоянно оговаривалось, что речь должна идти о единой школе, а за счет «свободных» 24 уроков предстояло придать основному курсу средней школы (ядру) гибкость, которую нельзя получить при строгой бифуркации. Подводя на совещании 23 апреля 1915 г. итоги обсуждения, П.Н. Игнатъев резюмировал, что в вопросе о концентраторах более уместно обозначить части средней школы степенями, а в отношении бифуркации пояснил, что она понимается в смысле «создания нормальной высшей ступени средней школы, с ответвлениями в виде привесков к общему курсу по различным специальностям за счёт свободных 24 уроков»².

«Вторая четырёхлетняя ступень должна была распадаться на три основных типа: 1) отделение с одним новым языком, с преобладанием гуманитарных предметов; 2) отделение с одним древним и одним новым языком, также с преобладанием гуманитарных предметов над математическими и естественно-научными; 3) реальное отделение с одним новым языком, с преобладанием в старших классах в одной

¹ Там же. Д. 1182. Л. 163 об.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 61–62.

из ветвей этого отделения математических, в другой – естественно-научных предметов. В каждом из трех отделений сохранялось доминирующее значение русского языка»¹.

Критика о разделении курса государственной общеобразовательной школы на несколько специальных ветвей была связана с тем, что такое расчленение среднего образования не соответствовало, по мнению оппонентов, заявленной цели на создание «самодовлеющей» школы. В единой семилетней средней школе намечалось два центра и во втором из них за счет бифуркации решалась задача лишь сближения, а не ликвидации ранее обособленных направлений образования в виде реального и узкоклассического. Однако все же намечалось отказаться от доказавших свою несостоятельность крайностей учебных планов, «переставших соответствовать духу и стремлениям своего времени»².

На совещании руководителей учебных округов были также рассмотрены вопросы, во многом продиктованные военными условиями. В соответствии с предполагаемой реформой предметы средней школы были разделены на шесть образовательных (в том числе и Закон Божий, который призван был выполнять функцию религиозно-нравственного воспитания) и на пять воспитательных. Специальными среди последних являлись: гимнастика, танцы, ручной труд (воспитание физическое), пение, музыка, рисование (воспитание эстетическое). Однако большинство педагогических работников были не вполне согласны с такой постановкой проблемы и считали, что в целях всестороннего развития «все предметы учебного курса средней школы должны быть воспитательными»³.

В каждом учебном заведении необходимо было создавать специально устроенные для гимнастических упражнений помещения, площадки для игр. Наряду со спортом предполагалось развивать и трудовое обучение. Вопрос об эстетическом воспитании вызвал оживлённое обсуждение, в ходе которого отмечалось, что такие

¹ Там же. Д. 1182. Л. 167.

² Павлов А.П. Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. М., 1916. С. 22.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1182. Л. 72 об., 162 об.

приёмы как раскраска стен в школьных помещениях и украшение их копиями картин едва ли могут способствовать развитию у учащихся художественного вкуса. «Вполне достаточно будет, если эти классы будут содержаться в чистоте и не иметь отпечатка казарменности»¹.

Реорганизация нравственного воспитания в средней школе, разработка которого длительное время находилось практически в руках самого министра и начальников учебных округов, поскольку общественные родительские структуры были практически запрещены, определялась как не менее важная, в сравнении с обучением. На ее решение должны были направлены силы всего педагогического персонала и самих родителей.

Классным наставникам предстояло тщательнее изучать характеры своих подопечных, выяснять их стремления и при помощи своего авторитета стараться предохранить их от отрицательных влияний. Более того, они не только должны были изучать индивидуальность учащихся непосредственно во время занятий, но и стараться решать эту задачу при помощи беседы с их родителями, опекунами и близкими людьми путём посещения ученических квартир². В среде учащихся рекомендовалось развивать чувства единения и товарищества, а наставники должны были стать активными лидерами среди юношества³.

Среди важнейших факторов этой среды в деле нравственного воспитания была обозначена семья, которая совместными усилиями со школой должна была преодолевать возможные вредные влияния на учащихся. Родительские комитеты в России были впервые созданы в 1905 г., не получив в то время определенной регламентации деятельности. Ранее за счет повышения кворума родителей для избрания комитетов Министерство народного просвещения искусственно препятствовало созданию этих структур в школе. Даже в случае состоявшихся выборов предпринимались меры для того, чтобы родительские комитеты не начинали свою дея-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 19.

² Там же. Д. 1207. Л. 32.

³ Там же. Д. 1206. Л. 18 об.

тельность, поскольку результаты таких выборов должны были утверждаться местными органами власти, делалось это только к концу учебного года. При П.Н. Игнатеве в сентябре 1915 г. для кворума было установлено достаточным $\frac{1}{3}$ от общего числа родителей в данной школе, а в июле 1916 г. эта доля была еще снижена до $\frac{1}{5}$ с обязательным утверждением результатов выборов в шестинедельный срок¹.

Отчасти существовавшие ограничения были связаны с общим стремлением российских властей снизить возможность возникновения самостоятельных общественных организаций, но еще в большей степени сами образовательные структуры не хотели родительского вмешательства в их дела: «Наблюдалось стремление родителей вторгнуться в незнакомые области педагогического дела, что на практике вело к столкновениям и вызывало неприязненные отношения к школе»². Более того, председатель родительского комитета имел право присутствовать на заседаниях педагогического совета, а на них очень часто обсуждались вопросы, касавшиеся учащихся, но нежелательные для вмешательства родителей³.

В военных условиях помощь родителей могла играть важную роль в материальной поддержке неимущих, количество которых постоянно возрастало из-за гибели кормильцев, роста инфляции, беженства и т.п. Проблемы вмешательства представителей семей учащихся в школьные дела могла быть преодолена за счет точно определенной организации родительских собраний и четкой регламентации сферы их деятельности⁴.

При решении вопроса о создании оптимального типа средней школы неминуемо возникли также вопросы о совместном обучении детей обоего пола и о женской общеобразовательной школе. Учитывая то, что в России несколько десятков школ для совместного обучения уже на тот момент существовали (главным образом в тех местах, где финансовые средства не позволяли построить отдельные

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. P. 110.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 20 об.

³ Там же. Л. 21.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 21 об.

школы)¹, авторы реформы склонялись к тому, что совместное обучение могло быть допущено и в остальных государственных учебных заведениях, правда, при условии особого на то разрешения Министерства народного просвещения и при соблюдении точно определённых условий.

Однако этот вопрос вызвал острую дискуссию. Сторонники совместного обучения утверждали, что первый опыт создания таких заведений не выявил противопоказаний: влияние различных полов друг на друга сказывалось скорее положительно, поскольку оно сглаживало «шероховатый характер мальчиков» и «ослаблял в девочках элемент сентиментализма и чрезмерной мягкости». Польза наблюдалась и в экономическом отношении, т.к. вместо учреждения двух школ достаточно было открыть одну. Противники проекта ссылались на недостаточный опыт создания таких школ в России, а поэтому о положительном его результате говорить было преждевременно. Сомнения же заключались в том, полезно ли «прививать мальчикам черты характера девочек и наоборот»². Отмечалось также стремление женщин к получению прав на обучение в высших учебных заведениях. Такие права предоставлялись, но при условии различных дополнительных испытаний, теперь же курс средней школы для мальчиков и девочек должен быть одинаковым³. Дополнительно предполагалось создать для женщин особые профессионально-технические школы, проект учреждения которых, вызванный условиями военного времени, на тот момент уже находился на рассмотрении Государственного совета.

Наконец, большинство участников разработки реформы образования, отрицательно оценили использовавшийся способ оценки знаний учащихся отметками и годовую проверку этих знаний при помощи экзаменов. Предлагалось заменить баллы оповещением родителей о плохой успеваемости их детей, а экзамены должны были быть заменены регулярными в течение всего года проверками знаний

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1182. Л. 164 об.

² Там же. Д. 1206. Л. 20.

³ Там же. Л. 19 об.

по изучаемым разделам. Вслед за отменой выпускных экзаменов предусматривалось упразднить также награды и медали¹.

Утверждалось, что главное зло при проверке знаний учащихся заключается не в той или иной системе отметок, а в том, что сами опросы учащихся бывают очень редко и поэтому учебная работа идёт скачкообразно, а не непрерывно. Если учитель при опросе старается доказать ученику, что он знает на «3» или на «4», то для этого потребуется потратить 20-30 минут, а нужно совсем другое – преподаватель должен убедиться в познаниях учащегося, а для этого ему потребуется гораздо меньше времени. Если преподаватель путём частых опросов знает уровень подготовки учащихся своего класса, то ему не составит труда выставить отметки по какой угодно системе баллов².

Однако уже в июле 1915 г. стало очевидно, что реформа средней школы в полном объёме может осуществиться лишь через несколько лет, поскольку, согласно российскому законодательству, «законодательные предположения рассматриваются в Государственной Думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный совет, а только потом <...> представляются на Высочайшее усмотрение»³. Даже в случае одобрения проекта Думой в 1915 г., реализация нового закона могла произойти только в 1917–1918 учебном году. Более того, в 1917 г. должны были закончиться полномочия Думы IV созыва и в случае не утверждения проекта до этого времени, реформа была бы отложена на неопределенный срок.

Следует отметить, что с началом Первой мировой войны работа Государственной Думы проходила в новых, особых условиях и с большими перерывами. После чрезвычайной однодневной сессии 26 июля 1914 г. она собралась для принятия бюджета 27 января 1915 г. и через два дня была распущена Николаем II. Четвертая сессия Думы продолжалась с 19 июля по 3 сентября 1915 г. и вновь была досрочно распущена императором, теперь на каникулы, с последующим возобновлением заседаний 9 февраля 1916 г. Только в этом году Думе удалось рассмотреть

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1182. Л. 167 об.

² Там же. Д. 1207. 40 об.

³ Левенсон М.Л. Государственный совет [2-е изд.]. Пг., 1915. С. 2.

многочисленные вопросы, накопившиеся для ее утверждения практически за весь период происходившей до этого войны (состоялось 60 заседаний Общего собрания). В таких условиях масштабный проект реформы образования потенциально не мог быстро пройти все инстанции, поэтому было решено осуществить в ближайшем будущем мероприятия, нацеленные на улучшение положения школы, которые не требовали одобрения законодательных учреждений.

Главное зло средней школы, по мнению министерства, заключалось в многопредметности и перегруженности программ, поэтому прежде всего требовалось уменьшить отрицательные стороны этих недостатков. Летом 1915 г. было предусмотрено вводить в предстоящем учебном году новые программы менее объемные, но более глубокие по содержанию. Однако и для решения этих проблем было слишком мало времени, поэтому предполагалось разъяснять преподавателям, чтобы они при прохождении курсов обращали большее внимание на сущность предмета, избегая излишних подробностей, не требуя знания мелких деталей.

Многопредметность в средней школе существовала главным образом за счёт изучения языков. Так, в первом классе гимназии изучалось два языка (русский и один новый), во втором классе – три языка (русский и два новых), в третьем классе – четыре языка (русский, два новых и латинский). В реальных училищах и в женских гимназиях латинского языка не было, но в некоторых женских гимназиях на 3 урока русского языка приходилось 11 уроков французского и немецкого языков¹.

Вред многоязычия в средней школе усиливался неправильным их распределением, поскольку, например, в первом классе, когда учащимися ещё недостаточно был изучен родной язык и не вполне была усвоена его грамматика, иностранный язык изучался с опережением русского. Исходя из этого изучение первого нового языка, по замыслу реформаторов, должно было начинаться не ранее второго класса,

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 2.

а такой перенос приводил к передвижению второго языка в третий и третьего (латинского языка) – в четвёртый класс. За счет этого создавалась возможность увеличения количества часов для изучения русского языка¹.

Улучшение общей педагогической организации средней школы в новых военных условиях можно было также добиться за счет упразднения отметок и замены переводных экзаменов на контроль знаний за счет оценок более общего характера. Министр П.Н. Игнатьев видел в этом также меру, при помощи которой можно было несколько изменить настроения, вызванные войной, «сделать некоторые облегчения для детей и братьев, состоящих на военной службе»². В Совете министров эта инициатива встретила отпор, но поддержка со стороны Николая II обеспечила ее реализацию. В руках Министерства народного просвещения была возможность за счет усиления компетенции (а, следовательно, ответственности) самих преподавателей, при помощи самостоятельного выбора ими методов, более свободного с их стороны отношения к программам и т.п., педагогических советов и учрежденных родительских комитетов для сближения их со школой и ее проблемами. Например, планировалось создать «общества вспомоществования», хозяйственные комитеты, в которых родители-специалисты могли принести массу пользы.

В циркуляре № 45248 от 28 сентября 1915 г. «О мерах к улучшению школьной жизни» рассматривались вопросы о расширении сферы полномочий педагогических советов, о полном доверии к ним со стороны министерства и о предоставлении им широких полномочий в вопросе улучшения школьной жизни. «Чтобы создать такую внутреннюю атмосферу, при которой нарушение нормального хода школьной жизни и переживания нынешнего исторического момента послужили бы на пользу нравственного воспитания подрастающего поколения»³.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 2 об.

² Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М. ; Л., 1926. Т. VI. С. 4.

³ Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915. Ч. 60 (№ 11). Ноябрь. С. 15.

Таким образом, намечалось добиться уже в предстоящем 1916–1917 учебном году изменений в школе, главный недостаток которой усматривался и в реализуемых в ней программах, и в воспитательных принципах оторванности от реальной жизни. В Министерстве народного просвещения отдавали себе отчет в том, что если не воспользоваться царящим общественным подъёмом, то, что теперь можно сделать за месяц, после потребует долгих лет¹.

Для исполнения обозначенных задач были намечены заседания, происходившие в Министерстве. Всего их состоялось десять (7-8, 15-17, 21-23, 27-28 мая 1915 г.).* В ходе встреч обсуждался необходимый объём знаний для поступления в первый класс средней школы; определялось число учебных недель в году (32 недели) и устанавливался предельный объём часов занятий в неделю в каждом классе (в 1 классе – 24, во 2 и 3 – не больше 27 с обязательными 6 часами, отведенными на воспитательные предметы). Было также решено, что летние каникулы не должны были продолжаться более 2¹/₂ месяцев. На заседании было также заявлено о введении семестровой системы в средней школе и определены способы оценки и проверки знаний. Таким образом, к началу 1916–1917 учебного года для средних школ была завершена подготовка программ преподавания.

Теперь главный вопрос заключался в возможности практической реализации намеченных планов, во многом упиравшихся в материальные возможности отдельных школ и государства в целом. Так, для трех групп старшего отделения вместе с математической подгруппой, согласно полной схеме, требовалось шестнадцать классных комнат, поскольку не представлялось возможным организовать параллельные классы. Решить проблему реализации специализации можно было бы за счет перевода учащихся из одной школы в другую, но чаще всего такое решение было очень неудобным как для самих детей, предпочитавших остаться в той же школе, так и для их родителей. Увеличение количества классов требовалось и в

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1206. Л. 4.

* Некоторые из присутствовавших пожелали высказаться о своем видении построения ступеней школы, и председатель собрания назначил для этого одиннадцатое заседание, которое состоялось 3 июня 1915 г.

случае перехода на предлагавшуюся систему преподавания «два семестра в год», вместо одного. Критические оценки касались и «искусственного» распределения часов между различными предметами, сокращения курса математики в группах классических и гуманитарных наук, отмены изучения современных языков в низших и средних классах и т. д.¹ Однако введение непрерывной связи между начальной и средней школой, уменьшение нагрузки на ученика, развитие общеобразовательных начал, связь с будущей практической деятельностью нашли поддержку в тот период и получили развитие в будущем.

Состоявшиеся педагогические конференции в учебных округах Петрограда, Казани, Киева, Харькова и Варшавы отрицательно оценили прежнюю систему образования в средней школе с ее жесткими экзаменами при одновременной поверхностности общих результатов и определили реформу П.Н. Игнатьева в качестве потенциальной возможности добиться правильно организованной системы обучения, способствовавшей всестороннему развитию личности.

Следует отметить, что и Николай II высоко оценивал деятельность П.Н. Игнатьева в качестве главы министерства и, несмотря на три попытки с его стороны уйти в отставку, регулярно склонялся к поддержке своего министра. Однако вызванные войной финансовые трудности привели к отказу от многих намеченных преобразований, и 27 декабря 1916 г. пост министра народного просвещения занял бывший (в течение полутора лет) начальник Петроградского учебного округа, профессор Николай Константинович Кульчицкий. О нем петроградские газеты писали, что он в своём интервью отмечал, что не имеет определённой программы и склонен действовать «применительно к обстоятельствам»².

Российский националист и монархист, депутат Государственной Думы трех ее созывов, являвшийся редактором газеты «Киевлянин», В.В. Шульгин, в своей статье привел мнение представителей различных политических сил на уход П.Н.

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. P. 113.

² Петроградский листок. 1916. № 358. 29 декабря.

Игнатъева в отставку. Так, публицист газеты «Киевская мысль» В. Чаговец высказался следующим образом: «Во всех переменах, какие произошли за последнее время, уход графа П.Н. Игнатъева встречен будет глубоким вздохом неподдельной печали и со стороны тех, кого школьная политика "министра доброй воли" не всегда удовлетворяла, кто мог бы возразить и возражал против многого, что принималось у нас в школьном деле в эпоху "весны". Но при всём том, уход графа Игнатъева всё же большая утрата для общества, для страны, достаточно испытавшей на себе, что значат всякие "эксперименты просвещения". Депутат Государственной Думы от трудовиков, педагог, будущий комиссар Временного правительства по Дальнему Востоку А.Н. Русанов, защищая графа Игнатъева отмечал: «Не уверенная в завтрашнем дне страна колеблется и задаёт себе вопрос: доведёт ли до конца министерство свои реформы»¹.

Член партии Конституционных демократов М.М. Новиков: «В лице графа Игнатъева мы потеряли чрезвычайно ценного и энергичного работника. Правда, мы не всегда с ним соглашались, но никто из нас не может не признать, что граф Игнатъев относился к делу народного просвещения с искренним доброжелательством. Министерством графа Игнатъева были поставлены на очередь все важнейшие вопросы улучшения народного просвещения»². «В лице графа Игнатъева Россия, та будущая Россия, которая призвана сменить Россию разрухи и наших печальных дней, понесла тяжёлую утрату», – заявляла газета «Петроградский листок»³. Высоко оценивало его деятельность и Временное правительство: «Министерство народного просвещения было некоторым оазисом, на котором отдыхала русская общественная мысль»⁴.

Новые обстоятельства, приведшие к смене руководства были связаны уже теперь с Февральской революцией. С марта 1917 г. в состав Временного правитель-

¹ Киевлянин. 1916. № 360. 16 декабря.

² Там же.

³ Петроградский листок. 1916. № 358. 29 декабря

⁴ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VI. С. 4.

ства в качестве министра просвещения вошел бывший ректор Московского университета Александр Апполонович Мануйлов. В духе революционного времени была его программа, в которой главной целью провозглашалась демократизация школы. Все ступени образования, по замыслу министра, должны были быть взаимосвязаны, школы открыты для всех, администрация назначаться на выборной основе через педагогические советы. Все министерские проекты должны были проходить предварительную экспертизу ассоциаций учителей и общественных организаций. В центральном аппарате министерства особое значение приобрел Государственный комитет, опиравшийся на исполнительный орган Совета рабочих и солдатских депутатов¹.

Революционные события в стране, нараставший экономический и политический кризисы не могли не сказаться на учащейся молодежи, вольно и невольно вовлекаемой в политическую деятельность. В средней школе повсеместно проходили собрания с резолюциями по проблемам учебного процесса, с требованием увольнения неугодных преподавателей. Вторая половина 1916–1917 учебного года была насыщена событиями, но завершилась довольно мирно, тем более, что по распоряжению А.А. Мануйлова школы были распущены раньше обычного. Возник перерыв в занятиях, который можно было использовать для законодательного восстановления руководства и контроля к началу следующего года.

Однако к августу 1917 г. законопроект не был подготовлен и Временному правительству он был представлен лишь в октябре, незадолго до большевистского переворота. Управление средней школой, согласно предполагавшихся нововведений, возлагалось на педагогические советы, включавшие в себя родителей и представителей местной власти. Он имел право выбирать директора школы и исключать учителей и школьный персонал. В некоторых собраниях, посвященных системе внутреннего управления, могли принимать участие старшеклассники.

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. P. 22.

Проект в силу политических обстоятельств не получил возможности реализации, чего нельзя сказать о реформе П.Н. Игнатьева, в своей основной части, заметно модернизировавшей структуру и содержание образования, ограничив возможности изучения латинского и греческого языков, Закона Божьего, расширив возможности изучения отечественной истории, русской литературы, родного языка и географии России. К важным начинаниям можно отнести обоснование и внедрение в жизнь школы воспитательного фактора, трудового обучения, как важных элементов подготовки учащихся к практической деятельности. Многие в намеченной реформе образования остались незавершенными как из-за продолжавшейся и набравшей темпы войны, так и в силу разного рода административных препон, но это был проект, переживший свое время и нашедший воплощение в последующих преобразованиях школы.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2.1. Государственная, общественная и частная инициативы в организации воспитательного процесса накануне и в годы Первой мировой войны

Первая мировая война в силу своей масштабности и протяженности во времени изменила обычное течение жизни, вызвав сопряженные с ней проблемы в области воспитания подрастающего поколения. Однако еще до ее начала в подготовке учащихся произошли некоторые изменения, связанные с необходимостью со стороны государственных структур по-новому решать главные задачи охраны внешней и внутренней безопасности страны.

Общественные процессы, вызванные поражением России в Русско-японской войне, привели к разрушению отчужденности российской армии от решения общественных задач, была преодолена ее замкнутость, оторванность от социальной и культурной жизни. Эти процессы не прошли стороной и от школьных дел.

В ходе рассмотрения в военном ведомстве причин неудач российской армии были обнаружены упущения, отчасти отнесенные к недостаткам народного образования. Например, выяснилась сложность комплектования армии из-за состояния здоровья новобранцев, отмечались новые тенденции, характерные для современной войны. В качестве одной из них выступала необходимость проявления солдатами определенной степени самостоятельности в решении поставленных задач, что напрямую связывалось с уровнем образования, «чего в наших нижних чинах не замечалось»¹.

Проанализированный заграничный опыт доказывал необходимость осуществления военной подготовки на уровне народных школ, когда детей знакомили

¹ Солдатская служба и жизнь // Сельский вестник. 1907. № 138. 27 июня.

с требованиями военной службы и учили их «фронту и маршировке», а они с большой охотой занималась военными упражнениями. Следствием обсуждений и частных докладов Николаю II явилось то, что в начале января 1908 г. от его имени военному министру А.Ф. Редигеру была передана собственноручно написанная записка¹, в которой император предлагал «Завести в деревнях обучение детей в школах строе и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату»².

Просочившиеся сведения о возникшем проекте вызвал активизацию частных инициатив, вылившихся в создание так называемых «отрядов потешных». Состоялись парады в присутствии императора и членов его семьи, для подготовки которых были написаны руководства и даже специальные учебники³, но в практике школы последующая реализация этого проекта не получила задуманного масштабного результата.

С самого начала формирования патриотического движения учащихся российское правительство столкнулось с серьезной проблемой, отсутствовавшей в опыте европейских государств, не испытавших в начале XX в. потрясений, равных по своим масштабам с революционными событиями 1905 г. в России. Вопрос моральной ответственности, тяготевший над чиновниками военного и гражданских ведомств, заставлял их в этих условиях действовать с постоянной оглядкой, с попытками переложить возможные риски на соседние министерства. Результатом явилось то, что вместо традиционной масштабной поддержки инициативы, исходившей от самого императора, следовала затяжная министерская переписка с очевидным нежеланием активно подключиться к реализации этого плана.

¹ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. М., 1999. Т. 2. С. 235.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 4604. Л. 1.

³ *Иванов Н.П.* Подвижные игры в школах и «потешных» войсках русской молодежи. СПб.: В. Березовский, 1911; *Петровский В.В.* Памятка потешного воина. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1911; Наставление для обучения гимнастике и строевому образованию потешных рот. Одесса: Рус. гимнаст. о-во, 1910.

Так, записка от Николая II об организации «классов военного строя» помимо военного ведомства и Министерства народного просвещения была обращена и к гражданским властям, относившимся к Министерству внутренних дел, а губернаторский корпус неоднозначно воспринял поддержанную царем инициативу. Петербургский губернатор шталмейстер А.Д. Зиновьев, находившийся на этой должности с 1903 г. и имевший богатый опыт противодействия революционным потрясениям, охватившим столицу в 1905 г., обратился 15 июля 1910 г. с докладной запиской к председателю Совета министров П.А. Столыпину. В ней речь шла о постановке дела «дисциплинированного обучения строю и гимнастике». Среди возникших в этой связи проблем губернатор выделил необходимость отбора обучавшихся детей, заслуживавших доверия инструкторов и ответственных руководителей¹.

Проблема с отбором учащихся А.Д. Зиновьеву виделась в необходимости учета среды, из которой набирались дети для «потешных детских дружин». По мнению петербургского губернатора, обучение юношей военному строю – «прием обоюдоострый», могущий при пренебрежении некоторых условий привести к «опаснейшим последствиям»². Если с толпой можно справиться довольно легко, то с организованным отрядом это сделать гораздо сложнее, а те лица, которые «в смутное время подымали красные флаги, ныне восторженно готовы участвовать в выражении верноподданнических чувств»³.

Губернатор отметил также характерную черту повсеместного создания новых формирований в виде желания со стороны организаторов отличиться, выслужиться. По его словам, вокруг Петербурга «потешные полки» формировались наспех, без необходимого отбора детей и подростков. Офицеры, которым было поручено наблюдать за «потешными отрядами» были заняты своими непосредственными служебными обязанностями и не могли посвятить себя полностью новой, от-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 2 // Об организации детских потешных полков.

² Там же. Л. 2 об.

³ Там же

ветственной задаче. В результате главной целью ставились не настойчивые занятия, при помощи которых толпы уличных мальчишек можно было бы постепенно организовать в стройную систему, а спешная, поверхностная муштровка переодетых детей для возможности представить их на царский смотр¹.

Вывод сводился к необходимости ввести это новое дело в твердые, определенные рамки, выработать четкие правила при выдаче разрешений на создание детских строевых частей. П.А. Столыпин был вполне согласен с высказанными опасениями и предложениями и в своей резолюции отметил: «Сомнения Зиновьева возникли и у меня при чтении газетных известий о быстро плодящихся потешных полках»². В то же время премьер-министр не склонен был преувеличивать революционную опасность в осуществляемых мероприятиях по привлечению учащихся к обучению военному строю, считал, что просто следует урегулировать организационные вопросы.

В обращении от Совета министров 26 июля 1910 г. в адрес нового военного министра В.А. Сухомлинова и министра народного просвещения А.Н. Шварца в качестве возможных негативных последствий «беспризорного образования детских полков» и при приучении детей к дисциплине, была обозначена главная опасность в виде возможного усиления «уличного бесчинства»³. Министрам было предложено высказать на этот счет свои соображения, с которыми произошла некоторая заминка, поскольку 15 октября им обоим последовало напоминание о необходимости предоставления своего видения этой проблемы. Из документов Совета министров следует, что и до 20 ноября из министерств ответов не поступило⁴. Новые письма к В.А. Сухомлинову и теперь уже новому министру народного просвещения, должность которого с 8 октября стал исполнять Лев Аристидович Кассо, были направлены 23 ноября 1910 г.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 3 – 3 об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 6.

От Л.А. Кассо 10 декабря было получено письмо с приложением мер, которые были разработаны в отношении «потешных полков» в Московском учебном округе и одобрены Министерством народного просвещения. В этой инструкции говорилось о том, что «потешные роты» могли быть образованы только при учебных заведениях, запись в них должна была осуществляться только по добровольному желанию и с согласия родителей, возраст учеников не должен был превышать 15 лет.

При необходимости начальники учебных заведений могли назначать инструкторов из военного ведомства, а учащиеся обязаны были носить официально утвержденную форму. Если в учебном заведении записавшихся добровольцев оказывалось недостаточно, то для формирования объединенной роты разрешалось привлечение учеников из нескольких учебных заведений.

Занятия «потешных рот» можно было проводить лишь в свободное от учебы время, в дни и часы, определённые начальниками учебных заведений. Они могли осуществляться в гимнастических залах или в помещениях, отводимых для этой цели военным ведомством, от учебных заведений должны были выделяться специальные наблюдатели.

В самом конце января 1911 г. состоялось специальное заседание Совета министров, посвященное вопросу о «потешных полках». Констатировав желательность «поставить дело школьной подготовки к военной службе и обучения строю возможно правильно и прочно», отмечалось, что намеченное было лишено «какого-либо общего направляющего руководства», создававшиеся по преимуществу в городах и по частному почину, эти структуры «носят совершенно случайный характер». Наконец, утверждалось, что не достигалась главная цель, первоначально определенная самим императором: «обучения строю и гимнастике в деревенских и в начальных школах, через которые проходит главный контингент новобранцев, комплектующих армию»¹.

¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1911 год. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 83.

Николай II ознакомился с содержанием Журнала заседаний Совета министров только 22 марта 1911 г., т. е. спустя почти два месяца с момента его составления. При этом он оставил характерный знак рассмотрения «%», не удостоив документ особой резолюцией. В ситуациях, когда принимаемые решения имели экстренный характер, Особые журналы утверждались императором чаще всего на следующий день, а при отсутствии срочности рассматриваемых дел, это происходило примерно в течение месяца после заседания. В данном случае срок был явно превышен, что, вероятно, можно трактовать как определенное охлаждение интереса к рассматриваемой проблеме. Парады «потешных» еще проходили на Марсовом поле в 1911 и в 1912 гг., однако в годы Первой мировой войны движение утратило массовый характер.

Причинами падения интереса к этой форме постановки воспитания подростков, помимо обозначенных уже опасений, исходивших непосредственно от российских ведомств, причастных к его руководству, видятся в ограниченных возможностях «потешного движения». Нацеленное на участие в парадах, оно способствовало развитию в учащихса самодисциплины, организованности, чувства коллективизма, однако препятствовало проявлению инициативности, самостоятельности, самовыражения, своей индивидуальности, т. е. всего того, на что в идеале должна была быть ориентирована система школьного образования.

Отрицательную роль сыграло и очевидное стремление его организаторов заслужить одобрение вышестоящих инстанций и даже самого императора. Так, создатель первого отряда «потешных» А.А. Луцкевич в своих воспоминаниях откровенно рассказывал о том, что воспользовался высокой оценкой, данной Николаем II его подопечным, добился приема на «высочайшем уровне» и получил почетное звание и «усиленную пенсию по 1200 руб. в год (вместо положенных 900 руб.), с причислением его к Военному Министерству»¹.

¹ Луцкевич А.А. Бахмутские «потешные»: (Автобиограф. очерк организатора «потешных» А.А. Луцкевича). Бахмут, 1912. С. 57.

Раскрыть смысл такого рода опасений можно при помощи сохранившихся редких сведений о конкретной практике движения «потешных» в годы Первой мировой войны. Государство нуждалось в общественных инициативах, выражавшихся в помощи семьям ушедших на фронт и с 15 июля 1916 г. в течение двух недель рота «потешных» находилась в Великовской волости Владимирской губернии для выполнения сельскохозяйственных работ. Полурота, т. е. два первых взвода, количеством около 70 человек направили на место, где им предстояло трудиться, в форме, с шинелями через плечо, лопатками, топорами и ружьями в походном порядке. При них находилось два барабанщика, сигнальщик, каптенармус и взводные.

Каждый должен был предоставить письменное разрешение от родителей или воспитателей на отправку на полевые работы. При себе обязаны были иметь смену белья, портянки, подушку, одеяло, платок и полотенце. Маршрут следования – село Троицко-Никольское, деревня Федотово и деревня Горожаново. Предусматривалось размещение на постой в Горожановском приюте Ведомства учреждений императрицы Марии.

Распорядок дня дружины выстраивался следующим образом: подъем в половине шестого утра, в шесть часов утра был завтрак, который состоял из чая с белым и черным хлебом, после чего весь состав роты отправлялся на работу. По особому сигналу в одиннадцать тридцать утра все собирались на обед, который включал в себя суп с мясом, или с рыбой и каши с постным маслом или молоком.

После обеда полагался отдых (около часа), и затем воспитанники вновь шли на работу, длившуюся до пяти часов вечера. По возвращении пили чай с хлебом и в зависимости от необходимости или с учетом погоды вновь шли на работу, или отдыхали до ужина.

Ужин, состоявший из двух блюд, как и обед, проходил в половине восьмого вечера. После него пели молитвы, гуляли. В девять часов вечера проводилась поверка, затем по команде все вставали на молитву и пели гимн. То же самое происходило и утром после подъёма. Перед утренним чаем, перед обедом и ужином, а также после обеда и ужина было предусмотрено чтение «потешными»

по очереди молитв. Во всё время пребывания на полевых работах соблюдались установленные дежурства и военная дисциплина.

В воскресные дни полурота отправлялась строем к обедне в село Великово. Если в праздничный день не было срочных работ, то полурота отдыхала, занималась лёгкими физическими упражнениями, играми, «разведочной и технической службой», пением и игрой на духовых и струнных инструментах. Предусматривались также «полезные прогулки в лес или в поле»¹.

В документах Министерства народного просвещения упоминается также рота «потешных», состоявшая из учащихся разных учебных заведений и «посторонних лиц» города Медыни Калужской губернии в составе 81 человека. На фоне остальных дружин учащихся она выделялась своей численностью. В основном отряды включали от 10 до 20 участников работ².

В движении «потешных», как уже отмечалось, главное место отводилось маршировке, отнимавшей много сил и свободного времени у подростков, которые занимались этими упражнениями в выходные дни. Высказанное Николаем II пожелание о создании «потешных» дружин в сельской местности наталкивалось на повседневную практику участия подростков в производительном труде, особенно в условиях призывов старших в армию. Характерное для юношества восторженное восприятие возможности проявить себя, готовность к подвигу, постепенно ослабевала под влиянием скучных упражнений и строгой дисциплины. Обучение выполнения военных команд, и только в некоторой степени освоение навыков работы с военной картой, обретения умений ориентироваться на местности, определения расстояний, занятий с компасом и т. д., заметно отличало участников «потешного движения» от скаутов.

В рассмотренном случае государство, взяв в свои руки школьное дело, пыталось ошибочно перенести на него формы управления, которые им были выработаны в иных областях жизни. По словам педагога и общественного деятеля того

¹ РГИА. Ф. 769. Оп. 1. Д. 146. Романовский комитет. О ковровской роте потешных и об отправке её на полевые работы в помощи семьям призванных на фронт.

² Там же. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 119 об.

периода, Николая Васильевича Сперанского: «Строгая иерархическая подчиненность и беспрекословное повиновение младших чинов старшим уместны в армии и на полицейской службе; но столь живая вещь, как деятельность педагога, подобных форм управления не допускает»¹. Вероятно, именно в этом заключалась причина неудач задуманных мероприятий. Подтверждением сказанному является то обстоятельство, что с началом Первой мировой войны, когда реальные запросы фронта потребовали реализации ранее намеченных планов военной подготовки, правительство отказалось от жесткой регламентации педагогических и молодежных инициатив, смирилось с мнимыми политическими угрозами возможных их последствий.

На момент начала войны в российской педагогической науке уже укрепилось представление о необходимости так называемого «активного воспитания», идея которого сводилась к тому, что «воспитываемый не рассматривается как пассивное существо, долженствующее лишь воспринимать предлагаемый ему воспитателем материал. Нет, воспитываемый есть активное существо, воспринимающее только то, что его природе соответствует и это воспринимаемое перерабатывающее по-своему»².

Идея совмещения черт гражданина родной страны и человека как части всего человечества реализовывалась в российском скаутизме, которому противопоставлялось движение «потешных». Основоположником этого воспитательного направления, распространившегося в различных странах, явился английский генерал Роберт Баден-Пауэлл, который во время англо-бурской войны наблюдал участие городских детей в военных действиях в качестве связных и разведчиков. Вернувшись домой, он разработал систему воспитания, приспособленную к мирным условиям и отраженную в написанной им книге «Scouting for Boys» («Скаутинг для мальчиков»), которая после встречи с Р. Баден-Пауэллом во время визита его в Россию, по распоряжению Николая II была переведена на русский язык.

¹ Сперанский Н.В. Борьба за школу. М.: М. и С. Сабашниковы, 1910. С. 140.

² Блонский П. О национальном воспитании // Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 13–14.

Модель подготовки скаутских отрядов была перенесена на российскую почву с использованием активных попыток ее приспособления к общественным и бытовым условиям российской действительности. Эта система включала в себя элементы, свойственные как военно-патриотическому, так и культурно-просветительному направлениям.

Инициатор скаутского движения в России Олег Иванович Пантюхов служил в Лейб-гвардии 1-ом Стрелковом батальоне, располагавшемся в Царском Селе. В 1909 г. в Павловске он положил начало российскому скаутингу, организовав Общество содействия мальчикам-разведчикам* «Русский скаут»¹.

По словам О.И. Пантюхова, оценивавшего причины и возможные направления деятельности скаутов: «Во всем этом, конечно, у нас, у молодежи, должна быть прочная патриотическая подкладка. И с нашей русской точки зрения это было особенно "во благовремени": ещё не прошло и пяти лет со времени неудачной для нас Русско-японской войны...»². Учащиеся местных гимназий и городских училищ Царского Села участвовали в движении, основным лозунгом которого были слова: «Вера в Бога. Верность царю. Помощь ближним»³.

В отличие от строевой подготовки «потешных» скауты даже во время походов, так называемых «разведок», участвовали в беседах, задавали вопросы руководителю, задача которого заключалась в «добром влиянии на молодежь»⁴. Система подготовки и воспитания предусматривала сближение участников организации с природой, развитие самостоятельности, поддержка нуждавшихся. Скауты давали слово ежедневно оказывать помощь окружающим и не имели права ложиться спать до тех пор, пока его не исполняли. Своеобразным символом русских скаутов был завязанный на галстук узелок, как напоминание о данном обязательстве.

* Слово «разведчик» использовалось для того, чтобы подчеркнуть российское направление этого движения.

¹ Кучин В.Л. Скауты России. XX век. Воспоминания старших поколений. М., 2003. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 14.

Стремление скаутов постоянно совершенствоваться и быть лучше нашло отражение в специальных молитвах: «Утренняя молитва – Господи! Помоги мне сегодня быть лучше, чем я был вчера. Вечерняя молитва – Господи! Помоги мне завтра быть лучше, чем я был сегодня»¹.

Нравственный кодекс скаутов вылился в 12 правил, которые были утверждены Вторым всероссийским съездом деятелей по скаутизму: «скаут честен и правдив; скаут предан Родине, родителям и начальникам; скаут помогает ближнему; скаут друг всем и брат всякому другому скауту; скаут беспрекословно исполняет приказания своих начальников; скаут вежлив и услужлив; скаут – друг животных; скаут бережлив и уважает чужую собственность; скаут чист в мыслях, словах и на деле; скаут трудолюбив и настойчив; скаут весел и никогда не падает духом; скаут скромн»².

Летом 1915 г. министром народного просвещения была получена докладная записка, в которой были изложены соображения об официальной поддержке школой скаутского движения. Документ был подготовлен на основании выводов, к которым пришли учреждения, функционировавшие при главнонаблюдающем за физическим развитием народонаселения империи. Говорилось о том, что скаутизм представляет ценность для школы, как особый метод физического воспитания и образования, но вводить его следовало лишь в тех учебных заведениях, где замечалось желание самих учащихся к такого рода занятиям «при принуждении, скаутизм потеряет свой характер – бескорыстной и добровольной помощи ближним»³. Движение скаутов находило некоторый отклик среди преподавателей и родителей учащихся средней школы. Например, сохранились сведения о лекции для родителей Тринадцатой петроградской гимназии в декабре 1916 г., прочитанной секретарем Общества русских скаутов И.Н. Жуковым, по вопросам скаутского движения⁴. На регулярной основе в период всей войны функционировал Царскосельский отряд

¹ *Цытович Э.П.* Русский скаут. Екатеринодар ; Армавир, 1919. С. 6.

² Там же. С. 6.

³ Школа и бойскауты // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14953. 9 июля.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 125. Л. 3 об. Отчёт о состоянии Петроградской тринадцатой гимназии за 1916 г.

бойскаутов, которым руководил в качестве начальника директор реального училища Э.П. Цытович¹.

Содействие со стороны школы при образовании скаутских отрядов из учащихся должно было проявляться в назначении руководителя, в предоставлении помещений для теоретических занятий, в содействии к организации походов, лагерей и т. п. Школа обязана была разрешить скаутам носить особую форму с отличительным значком, присвоенным данному заведению, но лишь во время их занятий и походов. Учебные заведения не должны были устанавливать отдельную плату с учащихся за «покрытие расходов, связанных со скаутизмом»². Серьезной проблемой явился подбор со стороны школы специальных инструкторов для скаутского движения. Предлагалось привлекать к этому делу энергичных молодых людей старших классов гимназии и даже студентов, желавших бесплатно послужить этому делу, но такие юноши чаще всего всё свободное от занятий время посвящали репетиторству. Следующий вариант предусматривал небольшое почасовое вознаграждение, что также оказалось довольно сложно сделать. «Для обучения строевой части желательно приглашать специально желающих офицеров с двумя-тремя унтер-офицерами»³.

Организаторы скаутского движения выступали против «всей системы "унтер-офицерского" воспитания, вернее, обучения»⁴. Педагогика довоенной поры также выступала против процесса стандартизации школьных процессов: «Дело воспитания и обучения – не ремесло, где всякому можно указать одни и те же наиболее целесообразные приемы, что дело это гибнет, лишь только в него проникнет дух фабрики, дух механического производства»⁵.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 231. Л. 13. Отчёт по Царскосельскому реальному училищу императора Николая II за 1916 г.

² Школа и бойскауты // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14953. 9 июля.

³ Там же.

⁴ Кучин В.Л. Скауты России. XX век. Воспоминания старших поколений. С. 18.

⁵ Сперанский Н.В. Борьба за школу. М.: М. и С. Сабашниковы, 1910. С. 155.

Еще одним направлением, возникшем после поражения в Русско-японской войне и ставившем задачу воспитания юношества в духе патриотизма, явилось сокольническое движение. В Санкт-Петербурге, Туле, Красноярске, Астрахани, Новороссийске, Казани, Киеве, Полтаве были открыты отделения сокольских обществ, начало которым было положено в Чехии в 1860-е гг.

Общество «устраивало лекции, концерты, спектакли, проводило систематические курсы гимнастики, организовывало показательные выступления, экскурсии, прогулки, создало библиотеку»¹. К началу Первой мировой войны «в Российской империи насчитывалось уже 68 сокольских обществ»², «из 1577 российских школ в 855 велись занятия по сокольской гимнастике»³.

С началом войны организация активизировала свою деятельность⁴. Часть более взрослых членов сообщества вступила добровольцами в ряды действующей армии, другие организовывали уход за ранеными, оказывали помощь семьям добровольцев. Однако уже в ноябре 1914 г. возникли определенные проблемы в функционировании самостоятельных сокольских обществ.

Министерство народного просвещения направило попечителям учебных округов и начальникам отдельных учреждений, подчинённых непосредственно министерству, «доверительное распоряжение» за подписью временно управлявшего ведомством барона М.А. Таубе. В документе излагалось решение Совета министров от 31 октября 1914 г. «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений»⁵. Не только на государственном уровне, но и на бытовательском, война вносила свои коррективы в вопросы воспитания. По словам П. Блонского: «У нас, в связи с войной, многие семьи вместо

¹ Сокол. 1913. № 1–2.

² Список сокольских обществ // Вестник Русского сокольства. 1914. № 1. С. 8–11.

³ *Смирнов М.А.* Сокольская гимнастика как феномен развития физической культуры на территории Российской империи в начале XX века // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2013. № 4. С. 32.

⁴ Орловский вестник. 1914. № 202, 25 августа.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 490. Л. 127.

немок стали приглашать англичанок»¹. В отличие от движения скаутов, основоположником которого являлся подданный Великобритании, родиной сокольских обществ, как уже отмечалось, была Чехия, входившая в состав воевавшей против России Австро-Венгерской империи.

Так, в сохранившихся архивных документах содержатся сведения о десяти преподавателях гимнастики в Рижском учебном округе, имевших чешское происхождение. Семеро из них не вернулись к сентябрю 1914 г. после летних каникул, трое подали прошение на получение российского гражданства². Сложно определить общее количество австро-венгерских подданных, работавших в российских школах, но очевидно, что в условиях войны не только к ним, но и к преподаваемым ими предметам стало формироваться определенное недоверие.

Сокольское движение получило развитие в первую очередь в славянских странах, что в определенном смысле выступало следствием распространения идей их единства. Это отражалось в устойчивых попытках осуществлять помимо гимнастики культурно-просветительные мероприятия среди его участников. Организации включились с началом войны в оказание трудовой помощи семьям призванных на войну. Так, осенью 1914 г. во Владимирском уезде Владимирской губернии именно инициатива местного гимнастического общества способствовала началу этой деятельности, и в полях трудились исключительно члены Сокола. В докладной записке «Комитета владимирской организации трудовой помощи на полях семьям воинов» отмечалось, что летом 1915 г. деятельность сокольского общества значительно расширилась, благодаря тому, что участие в работах приняли дружины и из учащихся местных средних и низших учебных заведений. Только летом 1916 г. из-за призыва большинства активных работников общества Сокол в ряды армии трудовая помощь в деревне стала осуществляться исключительно учащимися³.

¹ *Блонский П.* О национальном воспитании // Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 20.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 498. Л. 2–3.

³ Там же. Оп. 196. Д. 948. Л. 249.

«Не случайным было и название "Сокол" – одноименная птица помещалась на эмблеме движения. Считалось, что сокол у славянских племен олицетворял ум, отвагу, проворность и стремление к свободе»¹ – ключевые принципы, занимавшие особое место в сокольском движении.

Проблема славянства обрела особое значение в условиях развернувшегося мирового конфликта, в центре которого находился Балканский полуостров. В Манифесте о вступлении России в войну говорилось: «Следуя историческим своим заветом, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования»².

Школа вынуждена была признать свои упущения в вопросах, связанных со славянством: «Мы много говорили о нашем ученике, как члене России и Мира, но мы ничего еще не говорили о нем, как члене славянства. Наши ученики, да и мы сами славян не знаем. Мы забыли в школе про наших родственников, и наш педагогический грех перед ними должен быть искуплен. Ученик должен выходить из средней школы с отчетливым и достаточно подробным знанием жизни, истории и культурных ценностей славян. Отдел "славяне" в курсе географии должен быть очень расширен против нынешнего, и история славян должна проходить обстоятельно, во всяком случае, несравненно обстоятельней, нежели теперь»³. С началом войны задача воспитания у учащихся славянской идентичности выдвинулась в средней российской школе на одно из первых мест.

Таким образом, география в условиях войны неожиданно обрела особое воспитательное значение, и в нее попытались внести так называемый «жизненный элемент». В документах Министерства народного просвещения сохранилась опубликованная в 1915 г. статья из газеты «Новгородский север», с отмеченными в ней

¹ Любченко Д.Е. Народное образование и сокольские общества у чехов. М., 1910. С. 35.

² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1223. Л. 234. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта.

³ Блонский П. О национальном воспитании // Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 37.

ключевыми местами, касавшимися «географически-воспитательных» проблем. В качестве «неотложного дела» рассматривалось введение уроков элементарной географии в народной школе, но и применительно к средним учебным заведениям предлагалось принять меры к получению навыков рисования несложных планов, чтения карт, «одним словом по таким отделам, материал которых имеет большое практическое значение для военной разведки»¹. Отмечалось, что в Германии в училищах отлично поставлен курс практических работ по географии, а поэтому и в воевавшей России следовало «заготовить свои учебные пособия – местные планы и карты, необходимо серьезно поставить и обставить практические занятия с детьми, – обмеры, съемки, обследования»².

Предлагалось даже организовать курсы по практической географии с рекрутами ближайшего набора: «Научите будущего воина ориентироваться в местности, немножко читать план, немножко измерять и набрасывать хотя бы примитивный план, – и вы поможете нашим победам и, может быть, многих спасете от смерти»³. Учтены были и задачи воспитания, на будущее мирное время: «Научите будущего хозяина измерять свою землю, чертить план своей постройки, распознавать рельеф, немножко осмысленно оценивать хозяйственные и промышленные условия местности, – и народ скажет вам огромное, самое душевное спасибо»⁴.

Таким образом, география педагогической мыслью того времени была отнесена, наряду с историей, русским языком и литературой к числу школьных дисциплин, при помощи которых планировалось осуществлять «национальное воспитание молодежи на основах ознакомления с родиной и народом путем школьных и внешкольных методов»⁵.

Министерство народного просвещения со своей стороны 29 сентября 1914 г. направило специальный циркуляр № 45649, предусматривавший ознакомление воспитанниц и воспитанников старших классов средних учебных заведений со

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 141. Л. 12.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Известия Петроградского родительского кружка. 1915. № 3. С. 84.

«славянским вопросом». Была предложена соответствующая примерная тематика лекций: «Русские славянофилы», «Австрия и ее славянские народы», «Восточный вопрос в истории России», «Борьба южных славян за свободу», «Червонная Угорская Русь и Буковина»¹.

Все представленные формы объединений, состоявших главным образом из учащихся средней школы, являлись определенным типом общественного воспитания, с заменой семьи и в некоторой части школы особой организацией, во главе которой находились в большей или меньшей степени подготовленные для этого люди. В воспитательной деятельности государство отдавало предпочтение тем общественным структурам, в основе деятельности которых находилось развитие патриотизма и верноподданнических настроений.

Со стороны же образовательных учреждений такая частная инициатива в основном не встречала поддержку, но поскольку организаторами этих движений выступали высшие органы власти, образовательным структурам приходилось мириться с фактом их существования и как-то к ним приспособливаться. В итоге для системы российского образования практический опыт этих общественных инициатив всё же сыграл определенную, в том числе и позитивную роль.

Активное, чаще всего на начальном этапе добровольное участие в этих структурах учащихся, с энтузиазмом воспринимавших многое из того, что было за пределом образовательных и воспитательных программ, служило подсказкой для будущих реформ. По словам министра народного просвещения П.Н. Игнатьева, который неоднократно высказывал эту мысль: «Школьное дело должно быть рассматриваемо только с точки зрения запросов жизни»². Выдвинутые на этапе подготовки реформы требования к воспитательной работе и установленная необходимость тесных контактов семьи и школы в этом направлении, заставили министерство иначе взглянуть на все эти проблемы. Только при помощи семьи существовала возможность всестороннего знакомства с переживаниями и наклонностями учащихся, всем тем, что существовало за пределами школьных стен.

¹ Школа и жизнь. 1914. № 42. 20 октября. Стлб. 1098.

² Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 78.

Главный урок, извлеченный из опыта деятельности этих организаций, сводился к тому, что воспитательное воздействие при помощи только административной власти воспитателя, не опирающейся на реальные интересы учащихся, неминуемо приведет к утрате доверия и минимальным результатам. Позиция воспитателя становилась убедительной только при учете детских интересов, причем добровольный выбор и личная инициатива учащихся были вполне совместимы с наличием вполне определенного плана воспитания, который имел бы достаточно общий характер, т. е. давал бы в очерченных рамках простор для самостоятельности, но преследовал конкретные цели. Воспитанники, чаще всего, даже не замечали, что движутся к решению поставленных задач в пределах какого-либо плана.

Например, в Кавказском учебном округе осенью 1914 г. учащиеся были объединены в организованные группы, во главе которых находились руководители из числа учебно-воспитательного персонала или родителей. В помощь взрослым из числа самих школьников были выбраны старосты. В основе идеи создания этих организаций лежал «новый воспитательный фактор общественного служения, а внутреннее устройство давало ростки общественного самоуправления и солидарности»¹.

Согласно примерному плану деятельности, который был разработан попечителем Кавказского учебного округа, были намечены направления, по которым предстояло осуществлять работу созданных групп. Она включала в себя охрану природы и памятников старины, формирование музейных экспозиций, посадку деревьев, фактическое исследование и описание родной местности, ориентирование и осуществление простейших измерительных работ. Предполагалось осуществлять руководство детскими общественными играми и участвовать в «здоровых видах спорта», устраивать школьные сады и детские площадки. Предусмотрено было даже репетиторство в виде бесплатных занятий с беднейшими учащимися².

В пожеланиях из Новгорода содержалось дополнение к мероприятиям Кавказского учебного округа. Речь шла о школьных музеях, материалы для которых

¹ Хроника // Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 114.

² Там же.

необходимо было собирать совместными усилиями учителей и учащихся. В преподавании учебных дисциплин особое место отводилось истории: «Важнейшим предметом в программе школ всех типов должна теперь стать история; прочие предметы должны удовлетвориться меньшим вниманием. Перед детьми должны пройти великие образы Отечественной войны 1812 года, с которой начавшаяся война имеет много общего. И другие выдающиеся моменты родной истории должны быть преподаны в разумном освещении и по возможности в связи с развёртывающимися событиями»¹. В министерской пояснительной записке к программе преподавания истории, в которой впервые было отведено место «различным ступеням культуры в разных областях России», с беседами о «местной истории», также уделялось особое внимание наглядности².

Курс истории для реальных училищ несколько отличался от гимназического. Министерство предостерегало от присутствия в нем «отвлеченного схематизма» и «изложения научных теорий и борьбы мнений по спорным вопросам науки, всякого рода предположения и догадки, так как все сведения должны излагаться в положительной догматической форме; прохождение курса должно быть патриотичным в лучшем смысле этого слова»³.

Таким образом, обобщая сказанное, следует отметить, что Министерством народного просвещения и учебными округами предусматривалось не меньше, чем у скаутов важных и полезных дел, причем оговаривалось, что эта новая форма школьных организаций должна была действовать не только в чрезвычайных условиях войны, но и в мирное время.

В условиях продолжавшейся войны эти и другие педагогические задачи обретали особый смысл, с учетом ранее неизвестных настроений, охвативших среднюю школу. Новый, 1915–1916 учебный год, начинался после небывалых в исто-

¹ Школа и жизнь. 1914. № 30. 29 июля. Стлб. 801.

² Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. министра народного просвещения. Пг., 1915. С. 80.

³ См.: Школа и жизнь. 1914. № 44. 3 ноября. Стлб. 1147.

рии школы длинных летних каникул, которые принесли, помимо приятных, негативные военные впечатления. В сохранившихся документах учебного ведомства присутствует яркая характеристика произошедшего летом 1915 г.: «...работы в сельских дружинах, ужасы положения беженцев и выселенцев, потери в семьях, благосостояния, слёзы по убитым и без вести пропавшим отцам, рассказы товарищей с георгиевскими ленточками на гимназической блузе, собственные переживания военных событий – и против этой взволнованной кипящей детской массы те же бесстрастные «правила» о галстучках, бантиках, хождении парами...»¹

Министерство видело определенную опасность для настроений среди подростков в господствовавшей в стране лубочной литературе, которая под предлогом патриотизма описывала невероятные военные происшествия, которые воздействовали на воображение подростков, романтизировали войну, вызывали побег несовершеннолетних на фронт. Дополняли представленную картину нарушения привычного хода школьных занятий, которое особенно сильно отразилось на провинции в начале войны. Многие школы были отданы под лазареты, занятия происходили нерегулярно, в сокращенном размере и в несоответствующих помещениях, в каком-нибудь заброшенном здании или пустующей квартире.

Три четверти учителей начальной школы ушли на войну, их заменили новички, еще малоопытные и, кроме того, принужденные взваливать на свои плечи двойную и тройную работу. Кадровые проблемы в значительной степени затронули и среднюю школу, во-первых, из-за собственной потери учителей, а во-вторых, – затянувшаяся война делала вчерашних воспитанников начальной школы учащимися средней.

Одной из мер выхода из ситуации, когда было недостаточно авторитета преподавателей, явилось привлечение Министерством народного просвещения родителей к управлению воспитательным процессом. Согласно проекту реформы образования, подготовленному в ведомстве П.Н. Игнатьева, состоялось возвращение родительских комитетов в школу и их участие в решении ряда ее проблем.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1202. Л. 30-31. Переписка по реформе средних учебных заведений.

Эти организации были созданы на основании высочайше одобренного 13 ноября 1905 г. постановления Совета министров и последовавшего затем циркуляра министра народного просвещения от 25 ноября того же года. Функции комитетов не были точно определены; лишь указывалось, что «задача их состоит в содействии правильной постановке учебно-воспитательного дела и устранению из школы ненормальных явлений, имевших место в конце 1905 г.»¹ В результате комитеты способствовали восстановлению учебной жизни, нарушенной в ходе революционных событий в России, устранив, а в отдельных случаях ослабив, репрессивные меры против учащихся, вовлеченных в происходившие события.

При всех возможных педагогических недостатках включения родительских комитетов в учебно-воспитательный процесс, учитывалось громадное преимущество семьи в вопросах непосредственности передачи человеческого опыта в воспитательном процессе. Осуществляемые шаги в этом направлении были нацелены не только на сближение семьи и школы, но и из-за особых обстоятельств переживаемого военного времени, когда во многих ситуациях, иногда трудно предвидимых и экстренных, помощь семьи могла оказаться необходимой для школы, а теперь и для учащихся, оказавшихся из-за войны в сложном психологическом и материальном положении.

Новое «Положение о родительских организациях при средних учебных заведениях Министерства народного просвещения» было утверждено 6 июля 1916 г. Документ был подготовлен на основе указаний и пожеланий съезда директоров и представителей родительских организаций. Председателем и его заместителем избирались, согласно «Положению», «русские подданные христианского вероисповедания, получившие образование не ниже среднего»².

¹ Известия Петроградского родительского кружка. 1915. № 4. С. 141.

² Вестник воспитания. 1916. № 6. Сентябрь. С. 69.

На совещании попечителей учебных округов до принятия этого документа было высказано предложение о необходимости предоставлять должности председателей родительских комитетов лишь лицам, имевшим высшее образование¹. На практике осуществление этого пожелания могло оставить многие учебные заведения без председателей, поэтому министерство иначе решило этот вопрос.

Родительские комитеты приняли участие в формировании дружин учащихся для сельскохозяйственных работ. В Петрограде из представителей от родителей для этого было создано постоянное бюро для решения возникавших в процессе деятельности трудовых дружин проблем.

В условиях, в которых оказалась средняя школа из-за военных событий, проявилась настойчивая необходимость пересмотреть в некоторых ее составляющих систему регулирования деятельности средней школы и предоставить педагогическим советам большую степень самостоятельности в решении тех проблем, которые зачастую возникали на основании особой обстановки, в которой оказывались учебные заведения. На это был нацелен циркуляр «О мерах к улучшению школьной жизни», подготовленный в ведомстве П.Н. Игнатьева 28 сентября 1915 г. за № 45248.

Определяя некоторые общие направления деятельности в условиях продолжавшейся войны, он предоставлял педагогическим советам поступать в пределах этих указаний по своему усмотрению в деле поиска необходимых форм работы, направленных к улучшению школьной жизни и усилению нравственного воспитания подрастающего поколения². «Необходимо, – указывалось в циркуляре, – сохранить всю силу спокойствия и энергии, чтобы ни на одну минуту не забывать, что в наши дни, которые переживает наша родина, накопление духовных ценностей имеет сугубо важное значение и помогает с избытком возместить те потери, которые приходится нести России»³.

¹ Образовательный ценз для председателей родительских комитетов // Новое время. 1915. № 4044. 17 апреля.

² Журнал Министерства народного просвещения 1915. Новая серия. Ч. 60. № 11. Ноябрь. С. 15.

³ Там же.

В качестве пути достижения этих задач был обозначен отказ от формализма, стремление «идти навстречу духовным нуждам вверенного их попечению молодого поколения»¹. «Формализм» и «чуткая благожелательность» по отношению к учащимся выступали в качестве ограничительных рамок в деятельности педагогических советов, служили напоминанием о «неприятных» рудиментах старой традиционной школы. О бездушном формализме педагогов средней школы речь шла и в прежнем составе министерства при бароне М.А. Таубе: «Бездушно-формальное отношение педагогов к делу воспитания и обучения учащейся молодёжи отражается на всех без исключения сторонах жизни средней школы»², – говорилось в докладе вице-директора департамента Министерства народного просвещения Р.К. Бертольди, положенным в основу министерских мероприятий. Выводы из создавшейся ситуации можно определить одним предложением: «Национальный подъём нужен нам не только для продолжения войны; он нужен и для завершения начавшейся внутренней перестройки»³.

В циркуляре подчеркивалось, что воспитательное влияние школы не должно было заключаться только в осуществлении надзора и в дисциплинарных взысканиях. Педагогические советы призваны были после обязательного предварительного обсуждения определять меры морального воздействия на нарушителей.

Необычным в этом документе являлось непосредственное обращение к педагогическим советам, минуя попечителей учебных округов и руководителей учебных заведений, к которым до этого всегда были обращены руководящие документы министерства. В воспитательной работе учебные заведения должны были, по замыслу руководства российским образованием, приспособляться к условиям, диктуемым внешним влияниям, порожденным войной, руководствуясь сознанием особой важности образования не только для текущих условия, но и для ближайшего будущего страны.

¹ Журнал Министерства народного просвещения 1915. Новая серия. Ч. 60. № 11. Ноябрь. С. 15.

² Школа и жизнь. 1914. № 47. 24 ноября. Стлб. 1197–1198.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1202. Л. 31. Переписка по реформе средних учебных заведений.

Сами по себе эти предписания, без соответствующих корректив в школьном образовании, не могли принести ожидаемые результаты, поскольку до этого времени воспитательная политика в школе определялась не педагогическими советами, а администрацией учебных заведений. Однако при изменении роли советов в этом важном деле, диктуемом смыслом циркуляра, новое направление воспитательной деятельности было вполне возможно.

По словам публициста журнала «Вестник воспитания»: «Благожелательное отношение к учащимся, устранение сухого формализма и черствой требовательности, необходимое и осмысленное сокращение программ, – все это должно повести не к упадку образовательного и воспитательного уровня школы, а к его возвышению или, по крайности современных трудных условий, к поддержанию его на прежней высоте»¹. Опасения педагогической общественности были связаны с возможностями директоров учебных заведений, которые ко всему прочему пользовались поддержкой попечителей, не только наложить запрет на постановления советов, но и не допустить обсуждения вопросов, выходящих за рамки традиционных подходов, характерных для функционирования школы в прежние годы.

Многочисленные вопросы, вызванные инициативой Министерства народного просвещения в отношении деятельности школьных педагогических советов, неожиданно получили развитие в циркуляре «О педагогических советах» от 19 января 1916 г. за № 497. Ссылаясь на первый опыт создания в школе такой внутренней атмосферы, «при которой школьная жизнь протекала бы по возможности нормально, а переживания нынешнего исторического момента послужили бы на пользу нравственного воспитания подрастающего поколения»², министерство почитало нужным указать, что «руководящая роль в деле обновления школьной жизни принадлежит, прежде всего, г. г. попечителям учебных округов, являющимся первыми сотрудниками министерства и главнейшими проводниками его распоряжений на местах»³. Все предложения педагогических советов по учебным

¹ Вестник воспитания. 1915. № 7. Октябрь. С. 96.

² Журнал Министерства народного просвещения 1915. Новая серия. Ч. 62. № 3. Март. С. 24.

³ Там же.

и воспитательным вопросам должны были заблаговременно сообщаться попечителям округов, которые в свою очередь обязаны были их всесторонне обсуждать в попечительских советах* и на директорских собраниях. Объяснялись эти решения необходимостью придания единообразия всем педагогическим начинаниям¹. В случаях, когда такие мероприятия уже в школе осуществлялись, директорам учебных заведений предписывалось поставить в известность учебно-окружное начальство о результатах своего опыта.

В циркуляре определялась позиция министерства в отношении роли школы в новых военных условиях: «Во всей своей работе члены педагогических советов и преподаватели должны умелой передачей учащимся своих знаний, спокойным, твердым, справедливым и благожелательным отношением к детям, правильной оценкой их познаний и поведения, в соответствии с общими их успехами и с их нравственным обликом, – вызывать в учащихся уважение, доверие и любовь к своим наставникам и руководителям»². Предписывалось также использовать главным образом предупредительный, а не карательный способ дисциплинарного воздействия на учащихся, что, по мнению министерства, лучшим образом «отразится на поведении учащихся и на их нравственном уровне»³.

В этом же циркуляре объявлялось о создании при всех средних учебных заведениях «воспитательских комиссий», в состав которых включались законоучители, классные наставники, воспитатели пансионов, врачи и, по возможности, представители родительских комитетов. Специальным распоряжением от 16 марта 1916 г. было уточнено число родителей, включаемых в состав этих школьных структур. Министерство установило их число в восемь человек для гимназий без подготовительного класса и девять – с подготовительным

* По закону от 28 июня 1914 г. об изменении состава попечительских советов, в них на правах постоянных членов входили: представитель от города, в котором находился попечитель учебного округа, представитель губернского земства (в земских губерниях). В делах, касавшихся отдельных губерний, в их состав входили: представители от губернского города и от губернского земства.

¹ Журнал Министерства народного просвещения 1915. Новая серия. Ч. 62. № 3. Март. С. 24.

² Там же. С. 25.

³ Там же.

классом, включая председателя родительского комитета и двух его заместителей. Других представителей от родительского комитета в «воспитательские комиссии» необходимо было избирать по одному от каждого класса¹.

Таким образом, в условиях, когда воспитательный процесс вышел за пределы стен школы, а учащиеся в условиях войны приняли активное участие в работе благотворительных, волонтерских, просветительских, военно-патриотических и других организаций, представленных людьми разных профессий, с определенными политическими, религиозными, националистическими, военно-патриотическими установками, школе необходимо было если не вернуть свою руководящую роль в воспитании учащихся, то по крайней мере занять в нем свое достойное место.

Для этого необходимо было отказаться от ряда консервативных традиций в системе образования, основанных на страхе наказания, на отсутствии взаимного доверия учащихся и педагогов, вернуть воспитательные начала, основанные на уважительном отношении к обучающимся. Особую актуальность в этих условиях обрело нравственное воспитание, трудовое обучение, физическое развитие.

¹ Законодательные постановления и правительственные распоряжения по учебному ведомству // Русская школа. 1916. Кн. 4. Апрель. С. 1.

2.2. Проявление «социального патриотизма» учащимися средних школ Российской империи в деле оказания поддержки армии и в помощи пострадавшим от войны

Война, как и любое другое столь масштабное явление, обладала большой притягательной силой и вызвала у части учащихся средних школ желание принять непосредственное участие в военных событиях. «Школа первая откликнулась на призыв "всё для войны", но отзывчивость школы, ее горячее стремление облегчить участь тех, кто призван противодействовать натиску врага, а также желание принять активное участие в обороне страны как на боевом фронте, так и в тылу, естественно, отвлекли учащихся от их прямых обязанностей»¹.

Закономерным следствием этого явилась разнообразная реакция широкой общественности на экстремальные проявления подростковой самоотверженности, прежде всего в виде побегов на фронт.

Действительно, случаи, когда школьники добровольцами отправлялись на театр военных действий становились весьма распространенным явлением. Многочисленными заметками о детях-добровольцах пестрели страницы периодических изданий. Так, только в одном из номеров газеты «Школа и жизнь» за октябрь 1914 г. можно было получить информацию о следующих подобных происшествиях. В Петрограде 11 сентября было сделано распоряжение о розыске скрывшихся воспитанников среднего учебного заведения Преображенского. Судя по оставленным запискам, мальчики в возрасте от 11 до 15 лет скрылись с намерением оказаться в действующей армии. В Вильно ученик 7-го класса одной из гимназий поступил в действующую армию добровольцем-санитаром. Во время помощи раненым на поле сражения он был ранен и привезен в госпиталь. В Москве на одном из вокзалов была обнаружена ученица женской гимназии Усинцева, которая переодевшись в форму гимназиста, пыталась уехать на фронт. В Одессу приехал с театра военных действий ученик 7-го класса 2-й гимназии, отправившийся на войну добровольцем.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 494. Л. 2.

Явившись в гимназию, он, сообщалось в газете, «стал предметом восторженных оваций со стороны своих товарищей»¹.

С началом войны участились случаи, когда учащиеся старших классов заявляли о желании досрочно сдать выпускные экзамены, чтобы в дальнейшем поступить на ускоренные курсы в военные училища и по окончании их отправиться на фронт. О досрочной сдаче экзаменов, для поступления в школу прапорщиков сообщали представители Петергофской², Вологодской³, Седьмой петроградской⁴, Петроградской имени императора Петра Великого⁵ и других гимназий. Ввиду поступивших многочисленных ходатайств о предоставлении ученикам VI, VII и VIII классов, желавшим пойти добровольцами, возможности сдать экзамены досрочно, Министерство народного просвещения разрешило в январе 1915 г. образовать соответствующие испытательные комиссии. Причем, подчеркивалось, что испытания они должны проходить в полном объеме согласно действовавшей программе, и к ним могли допускаться учащиеся, которые смогли представить письменное согласие родителей на поступление детей добровольцами в действующую армию⁶.

В отчете Новгородской мужской гимназии отмечалось, что ее воспитанники не только из прежних выпусков, но и из тех, которые в начале войны ещё были на гимназической скамье, находились в действующей армии. Многие из них навещали учебное заведение уже в офицерской форме. Весной 1916 г. педагогический персонал и учащиеся присутствовали на похоронах бывшего питомца гимназии, лётчика, георгиевского кавалера Н.М. Стогова⁷.

¹ Гимназисты-добровольцы // Школа и жизнь. 1914. № 40. С. 9–10.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 166. Л. 5. Отчёт Петергофской гимназии имени императора Александра II за 1916 г.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 156. Л. 23. Отчёт по Вологодской, имени императора Александра Благословенного гимназии.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 118. Л. 8. Отчёт Петроградской седьмой гимназии за 1916 г.

⁵ Там же.

⁶ О разрешении ученикам VI, VII и VIII кл. средних уч. заведений, выразившим желание отправиться в действующую армию добровольцами, держать испытание в январе 1915 г. Сообщение по кругам. 1 декабря 1914 г., за № 34669 // Циркуляры по Виленскому учебному округу. 1915. январь. № 1. С. 32–33.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 156. Л. 25. Отчёт Новгородской мужской гимназии за 1916 год.

Георгиевский крест третьей степени был вручен 21 ноября 1916 г. ученику пятого класса Петроградской гимназии императора Петра Великого за боевые подвиги во время летних каникул на Северо-Западном фронте¹. Учащийся третьего класса Карачевской гимназии Орловской губернии во время летних каникул находился с отцом на передовых позициях, отличился и был награждён Георгиевской медалью².

Необходимо отметить, что педагогическое сообщество с первых дней войны выступало категорически против пребывания подростков в войсковых подразделениях, отмечая, «что дети могут работать лишь в тылу армии, не прерывая своего учения, ибо они в грядущем понадобятся родине, как граждане, и как воины»³. В то же время российское учительство с началом войны, включившись в общую «одушевленную работу» по оказанию помощи тем, «кто проливает ныне кровь за целостность и честь нашей страны», пыталось определить способы и формы привлечения учащихся к этой деятельности, решая тем самым задачу «пробудить в юных душах первые проблески сознательной любви к отечеству»⁴.

По убеждению педагогов времен Первой мировой войны, активное приобщение школьников к различным видам благотворительной деятельности не только должно было сыграть большую воспитательную роль, но и было способно отвлечь от господствовавшего в их среде стремления оказаться непосредственно на фронте. Предполагалось, что та часть учащихся, которая грезилась об участии в боевых действиях, осознаёт необходимость помощи стране в тылу. В то же время подростки, которые остались равнодушными к происходившим событиям, занявшись практическим решением проблем пострадавших от войны, также начнут испытывать патристическое воодушевление, охватившее население страны. «Хорошо, чтобы и родители, и педагоги, проникшись этим сознанием, сумели объяснить детям в чем

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 121. Л. 4. Отчёт по вечернему отделению для беженцев при Петроградской гимназии императора Петра Великого за 1916 г.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 796. Л. 13 об. Отчёт по Карачевской мужской гимназии за 1916 г. Орловская губерния.

³ Femina. В поисках подвига // Петроградские ведомости. 1914. № 217. 26 сентября.

⁴ Школа и жизнь. 1914. № 33. 24 августа.

заключается их долг перед родиной и ближними, а главное научили бы не гоняться за эффективными подвигами, а довольствоваться исполнением своего долга в повседневной обстановке...»¹, – высказывала пожелание в связи с этим под псевдонимом «Femina» автор на страницах газеты «Петроградские ведомости».

Речь шла о благотворительной работе на нужды фронта по сбору продуктов и предметов первой необходимости для находившихся на войне, о денежных пожертвованиях для работы тыла, об организации санитарных отрядов, лазаретов, т. е. такой благотворительности, которая была определена как «социальный патриотизм», порождавший у участников этого процесса, по мнению исследовательницы А.С. Тумановой, «чувство гражданской ответственности и способствовавший формированию гражданской идентичности»².

Видов такой благотворительности с началом Первой мировой войны возникло множество и реализовывались они достаточно масштабно. Благотворительная деятельность в рамках Российской империи этого периода уже нашла свое отражение в фундаментальных работах исследователей³. Однако сюжеты, связанные с осмыслением ее роли, например, в гимназической повседневности, по справедливому утверждению историка Н.С. Ватника, занимают в современных исторических трудах «скромное место», хотя и отмечены важными исследовательскими усилиями на региональном уровне⁴.

В связи с этим следует остановиться на тех из них, которые получили наибольшее развитие среди учащихся в системе российского среднего образования.

Уже в первый месяц войны стал формироваться денежный учительский фонд, который складывался из добровольных пожертвований преподавателей высшей и средней школы и имел целью оказание помощи пострадавшим от войны. К

¹ Femina. В поисках подвига // Петроградские ведомости. 1914. № 217. 26 сентября.

² Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 12.

³ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М.: изд-во МГОУ, 2004; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005.

⁴ Ватник Н.С. Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 94.

этой форме помощи повсеместно привлекались и учащиеся. При этом сборы средств, которые проходили во многих учебных заведениях, представлялись серьезным поводом для бесед с учащимися. По мнению педагогов, такое общение «заставляло звенеть лучшие струны человеческой души». Причиной особой отзывчивости со стороны учащихся было то, что эти акции осуществлялись не во имя отвлеченных моральных идеалов, а на почве открывавшейся возможности действительной помощи семьям запасных¹.

Достаточно быстро становились популярными так называемые денежные кружечные сборы, в которых принимали участие школьники. Кружечки, использовавшиеся для сборов средств, чаще всего были жестяными с прорезью для монет в крышке, закрываемой на замок. Опускавшие в них свои деньги сами определяли сумму пожертвования.

Главное управление Красного Креста организовало с привлечением большого количества учащихся всероссийский сбор с целью оказания помощи раненым. Детям-сборщикам жертвовали повсюду охотно, и прохожие часто сами останавливали учащихся и опускали в кружечку пожертвование, дети беспрепятственно допускались и даже приглашались в различные учреждения и торговые предприятия.

По воспоминаниям очевидцев, прохожие зачастую, прежде чем пожертвовать деньги, расспрашивали детей о цели сбора, желая проверить, понимают ли они смысл осуществляемого мероприятия. «Малыши бойко отвечали и "разъясняли" прохожим, как и для чего будут использованы собранные ими деньги. Всего в сборе принимало участие около 5000 учеников и учениц. Всем сбором руководили окружной инспектор и директор народных училищ»². В Петрограде он проходил 14-15, а в Москве – 20 ноября 1914 г.³ В столице был создан Особый петроградский комитет, который регулировал процесс сбора денег добровольцами непосредственно на улицах.

¹ Школа и жизнь. 1914. № 33. 24 августа.

² Трудовая помощь. 1916. № 1. С. 76.

³ Газета-копейка. 1914. № 2263. 2 ноября.

Подсчеты, которые проходили в Таврическом дворце в Петрограде показали, что 14 и 15 ноября 1914 г. «в обращении находилось 6000 кружек», было собрано 84600 руб.¹ Почти одновременно, 19 и 20 ноября, прошел сбор «Звезды» – пожертвований на рождественские подарки воинам. Здесь в обращении было 3000 кружек и собрано 40997 руб.²

В то же время кружечные сборы могли осуществляться в помещениях самих гимназий во время спектаклей, концертов, других проводимых там благотворительных мероприятий. Например, учащиеся Пятой петроградской гимназии еженедельно производили такие сборы как среди воспитанников, так и на ближайших улицах, примыкавших к зданию гимназии³. В результате однодневного уличного сбора, проведенного 11 мая 1915 г., собранная сумма составила 2115 руб. 06 коп. Деньги пошли в школьный фонд учащимся сиротам воинов⁴. Сборщиками в данном конкретном случае были ученики и ученицы всех классов, начиная с 8-9-летнего возраста. Учащиеся Пятой петроградской гимназии помимо подарков к Рождеству и к Пасхе в действующую армию, собирали деньги на угощение раненых и на содержание 10 кроватей имени их гимназии в лазарете Министерства народного просвещения. На собранные средства была оборудована операционная комната при лазарете⁵.

В еженедельных кружечных сборах среди учащихся для содержания 3-х кроватей в лазарете Министерства народного просвещения принимали участие обучающиеся в Тринадцатой петроградской гимназии. За 1916 г. была собрана сумма в 1172 руб. 97 коп.⁶ На средства гимназии Г.К. Штемберга и ее служащих, отчислявших 2% от жалованья, а также на деньги, полученные в ходе кружечных сборов, содержались 3 кровати в лазарете Министерства народного просвещения⁷.

¹ Итоги сбора на Красный Крест // Газета-копейка. 1914. № 2283. 22 ноября.

² Сбор «звезды» // Газета-копейка. 1914. № 2285. 24 ноября.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 120. Л. 8. Отчёт Петроградской гимназии императора Петра Великого за 1916 г.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 116. Л. 3. Отчёт по Пятой петроградской гимназии за 1916 г.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 125. Л. 4. Отчёт о состоянии Петроградской тринадцатой гимназии за 1916 г.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 141 Л. 2. Отчёт по гимназии Г.К. Штемберга в Петрограде за 1916 г.

На специально организованном вечере учеников 5-х классов Пятой петроградской гимназии, было собрано на содержание кроватей 170 руб. На вечере учеников 7 класса, состоявшемся 22 октября 1916 г., была набрана сумма в 51 руб. 21 коп.¹

Обычно при осуществлении подобных акций сборщики за день сменяли несколько щитов со значками, которые были самых различных образцов, поскольку изготавливались каждым учебным заведением отдельно по своему усмотрению. «Жертвователям обычно раздавались какие-либо значки, реже жестяные, обыкновенно в виде небольших цветков из материи или бумажек с разнообразными текстами, – вспоминал бывший военный министр А.Ф. Редигер о своем участии в различных сборах, которые он старался не пропускать в Петрограде вместе с женой, – значки эти прикалывались булавками к верхнему платью, у нас накопилось больше сотни таких значков, приколотых к стене в передней»². Здесь были и флажки, и маленькие плакаты с изображением грифельных досок и соответствующими на них надписями, жетончики, розетки, бантики, сделанные детскими руками, цветы, гербы учебных заведений и т. д. Эти значки прикреплялись к одежде дарителей с тем, чтобы не обращаться к ним повторно. Однако для окружающих было наглядно, кто участвовал в пожертвовании, а кто отказался от оказания помощи нуждающимся, что оказывало особый психологический эффект.

В виду массового участия школьников в кружечных сборах Министерство народного просвещения посчитало необходимым в начале войны упорядочить их влияние на учебный процесс. В связи с этим от исполнявшего обязанности министра народного просвещения барона М.А. фон Таубе 22 ноября 1914 г. последовало предписание попечителям учебных округов. Поводом послужило решение Комиссии начальников средних учебных заведений одного из губернских городов об участии учащихся не только в официально разрешенном кружечном сборе Красного Креста, но и в других сборах военного времени. При этом часть учащихся в день производства сбора 4 октября была освобождена от посещения уроков.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 116. Л. 3. Отчёт по пятой Петроградской гимназии за 1916 г.

² Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 375.

Министерство запретило на будущее время отвлекать учащихся учебных заведений от учебных занятий для участия в каких бы то ни было сборах, без особого, в каждом отдельном случае, согласования с ведомством народного просвещения. Более того, постановление Комиссии начальников учебных заведений о мерах внешкольного надзора за учащимися должно было быть обязательно доведено до сведения местного губернатора, который был уполномочен выдавать соответствующее разрешение на проведение различного рода денежные сборы¹. По существующим предписаниям при вскрытии кружек необходимо было составлять протокол в присутствии членов педагогического совета². Согласно министерскому распоряжению, вынимаемые из кружек деньги надлежало сдавать в местные казначейства для перевода «в Петроградскую контору Государственного банка на условный текущий счёт общества Красного Креста»³.

Однако со временем эффективность кружечных сборов начала падать. В мае 1915 г. провинциальные газеты отмечали, что «с момента начала войны прошла длинная вереница всевозможных сборов, публика несколько устала, жадная до зрелища толпа потеряла в сборах улицы остроту новизны, как-то остыла»⁴. Активность учащихся же в этих мероприятиях практически не снижалась. Каждая из появлявшихся со стороны власти инициатив, направленная на решение проблем фронта или тыла, находила ответ в среде учащихся в виде различных акций, в том числе и кружечных сборов.

Так, по предложению министра народного просвещения во всех учебных заведениях империи было осуществлено основание школьно-сиротских фондов «на воспитание детей павших воинов», целью которых являлось внесение платы за обучение детей героев-воинов⁵. Стипендиям было присвоено одинаковое название

¹ РГИА. Ф.733. Оп. 201. Д. 498. Л. 117–117 об.

² *Неупокоев И.В.* Народное образование Тобольской губернии в период Первой мировой войны // VII Емельяновские чтения. Материалы всероссийской научной конференции. Курган, 2014. С. 39.

³ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1915. № 2. Февраль. С. 136–137.

⁴ Минский голос. 1915. № 1712. 15 мая.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 231. Л. 2 об. Отчёт по Царскосельскому реальному училищу императора Николая II за 1916 г.

«Георгиевская императора Николая II». В собирании средств на создание стипендиального фонда предполагалось активное участие учащиеся средних учебных заведений, относившихся к Министерству народного просвещения. Помимо добровольных пожертвований, уличных сборов, осуществлялись отчисления от различных концертов и спектаклей и т. п. Полученные в результате средства перечислялись в этот и другие благотворительные фонды.

Количество учреждаемых «Георгиевских императора Николая II» стипендий министерством не регламентировалось и, например, в Юхновском реальном училище было решено основную часть всех собираемых денег направить на учреждение такой формы пособия¹. В Выборге было организовано две стипендии с таким наименованием, а остальные деньги решено было использовать на выдачу выплат на обучение беднейших детей, в том числе и в других учебных заведениях города². В Пятой петроградской гимназии была учреждена стипендия под таким же названием только для одного из учащихся, из числа детей, отцы которых были призваны на войну³.

В начале декабря 1915 г. в Карачеве Орловской губернии с официального разрешения был произведён кружечный сбор учениками и ученицами гимназий в пользу сирот павших воинов и на стипендии детям георгиевских кавалеров⁴.

Уже в 1915 г. заметно возросло число нуждавшихся из-за дороговизны и увеличения количества учащихся, отцы которых были призваны на военную службу. В Седьмой петроградской гимназии «в счет 10% нормы в течение года Педагогическим советом были освобождены от платы за обучение из-за недостаточности средств в первом полугодии 96 учеников, во втором – 98»⁵.

Во всех средних учебных заведениях 11 мая 1916 г., по предложению министра народного просвещения П.Н. Игнатьева, был произведён централизованный

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 904. Л. 6. Отчёт Юхновского реального училища имени А.А. Сибарова Смоленской губернии за 1916.

² РГИА. Ф. 773. Оп. 205. Д. 209. Л. 19 об. Отчёт по Выборгскому реальному училищу за 1916.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 116. Л. 4. Отчёт по Пятой петроградской гимназии за 1916 г.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 796. 13 об. Отчёт по Карачевской мужской гимназии за 1916 г. Орловская губерния.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 118. Л. 11. Отчёт Петроградской седьмой гимназии за 1916 г.

сбор на стипендии для детей павших воинов. В циркуляре министерства было сказано следующее: «Каждое учебное заведение устраивало сбор самостоятельно, и деньги, собранные учениками, составят в каждом учебном заведении специальный фонд, который, по постановлениям педагогических советов, будет использован с указанной высшей целью»¹. Так, учащимися вологодских средних учебных заведений 20 мая 1916 г. был произведён однодневный сбор по городу с выдачей особых значков на образование школьного фонда, деньги которого предназначались для воспитания сирот воинов. По совместному решению представителей учебных заведений, участвовавших в сборе, полученные средства были разделены между ними поровну².

Конечно, в масштабах помощи, которая оказывалась со стороны государства различным фондам, вклад учащихся не был решающим, но это никак не принижало значение предпринятых ими усилий. Прежде всего, речь идет о формировании гражданской ответственности.

Показателен в этом отношении тот факт, что в многих учебных заведениях учащиеся по своей инициативе вводили своеобразные денежные самообложения за разного рода проступки. Собранные таким образом деньги опять-таки расходовались на благотворительные цели. Так, известны случаи, когда самими школьниками устанавливались особые денежные штрафы за плохие отметки по учебным дисциплинам и за поведение. Виновные должны были опускать в кружки Красного Креста от 2 до 5 коп.³

«Самообложения» могли налагаться на опоздавших на молитву, за что полагался штраф 2 коп., на задержавшихся к началу занятий – 3 коп.; за плохую отметку штраф составлял 4 коп., но и получившие высшую отметку также облагались сбором, причем по самой высокой ставке – 5 коп. Во многих пансионах учащиеся отказывались от десерта в пользу раненых и солдат на фронте; тем, кто тайно курил

¹ Трудовая помощь. 1916. № 1. С. 76.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 156. Л. 49. Отчёт по Вологодской, имени императора Александра Благословенного гимназии.

³ *Лебедевский С.Н.* Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875–1915. Тихвин: Типография Е.П. Благовещенской, 1915. С. 96.

(за эту привычку следовало снижение оценки по поведению), товарищи разрешали использовать на себя только столько папирос, сколько курильщик отправлял на фронт, и так далее¹.

В письме гимназистки из Петрограда, опубликованном в журнале «Вестник воспитания», рассказывалось о том, что на учительском столе в их классе постоянно находилась копилка, в которую учащиеся бросали монеты. Решив пить чай без сахара, приносили его на занятия и собирали в специальный мешок, который за неделю набирался доверху. Из письма следовало, что из 16 гимназистов класса в Красном Кресте работало 14 подростков².

Показателен своеобразный способ самообложения, который избрали воспитанники Петроградской духовной семинарии. Те из них, кто проживали в общежитии, приняли решение просить свое руководство полностью жертвовать на нужды семейств запасных деньги, ассигнованные на третье блюдо³.

Благотворительная деятельность учащихся не ограничивалась денежной формой. Пожалуй, еще более популярной была деятельность по сбору и отправке подарков на фронт. «Очень полезно, чтобы дети помогали в работе взрослых: упаковывали отправляемые вещи, собирали газеты для раненых, приготавливали бы подарки и проч.», – рассуждали педагоги того времени⁴. При этом отмечалось, что привлечение учащихся к такому виду деятельности требует определенных объяснений. Происходившие сборы сопровождалась рассказами о тех невзгодах и постоянных лишениях, которые переживали офицеры и солдаты, располагавшиеся в окопах, не имея возможности укрыться от дождя и холода, постоянно находясь в напряжённом состоянии.

Учащиеся средних учебных заведений принимали активное участие в различного рода сборах, часть из которых, например, бельё, табак, сухари, соль, чай, сахар

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. P. 81.

² Звягинцева Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 139–141.

³ Школа и жизнь. 1914. № 42. С. 8.

⁴ Джунковская Е.В. Война и воспитание. Пг. ; М., 1915. С. 7.

отсылалась на фронт, а часть – распределялась между ранеными и нуждавшимися семьями призванных¹.

В сентябре 1914 г. в Московской XI гимназии была организована группа для сортировки пожертвований: книг, газет, журналов, белья, одежды, носок, письменных принадлежностей, сахара, чая и т. п.

Руководство Восьмой петроградской гимназии утверждало, что участие в составлении подарков способствовало подъему патриотических настроений среди учащихся. В отчете гимназии Императорского человеколюбивого общества в Петрограде отмечалось, что наборы, составленные учениками в виде небольших пакетов, наполненных недорогими, но очень нужными на фронте вещами: яйца, соль, деревянные ложки, табак, трубки, спички, сахар, мыло, образовали целую гору из небольших мешков. Наставники констатировали, что вид этой «горы подарков» вызвал у учащихся большую радость, поскольку они увидели плодотворный результат своих собственных усилий².

Важным направлением стала заготовка лазаретного белья и тёплых вещей для армии. В Перми эту работу активно проводили «в Мариинской женской гимназии, Первой и Второй мужских гимназиях, при реальном училище, при гимназиях Дрекслер-Голынец, Зиновьевой»³.

От Московской XI гимназии для отправки в армию рождественских подарков воспитанники шили кисеты, собирали сахар, чай, расчёски, нитки, мыло, портянки и т. п. К 7 декабря 1914 г. было изготовлено 320, а к 14 декабря отнесено на склад Сретенского попечительства 450 кисетов⁴. В ответ были получены письма с передовых позиций, в которых звучала благодарность и просьбы о помощи детям, оставшимся в деревне. При XI гимназии была создана специальная «солдатская

¹ РГИА. Ф.733. Оп. 201. Д. 498. Л. 44 об.

² Там же. Оп. 205. Д. 126. Л. 5 об. Отчёт по гимназии Императорского человеколюбивого общества за 1916 г.

³ *Поршнева О.С.* Организация сервисного обслуживания больных и раненых воинов в госпиталях и лазаретах Всероссийского Земского союза в 1914 – в начале 1917 г. (на материалах Пермской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 300.

⁴ Отчёт о состоянии Московской XI гимназии за 1914–1915 учебный год. М., 1916. С. 75.

группа», в задачи которой входило написать ответы на письма, собрать для детей ситец и разные другие подарки и отправить их в деревню.

Ситец на сумму 25 руб. был пожертвован правлением Прохоровской мануфактуры, а также приобретён на средства преподавателей и учащихся гимназии. К Пасхе было собрано около 50 пакетов с тканью по числу детей (аршин 10-15 в каждом пакете) и деревянными яйцами¹.

От пермской Александровской женской гимназии в действующую армию к Пасхе, помимо изготовленных 400 кисетов, были отправлены «крендели, леденцы, табак, папиросы, сало, сыр»². Посылки, собранные во Второй екатеринбургской гимназии, содержали портянки, рубахи, сахар, чай, табак, крендели, соль, конфеты и пряники, а также письменные принадлежности, иголки, нитки, булавки, химические карандаши³.

Особенно активизировался процесс сбора и отсылки посылок на фронт к рождественским праздникам 1914 г., что создало немалые проблемы по их доставке, которая растянулась до 20 февраля 1915 г. Главное управление Генерального штаба в числе причин произошедшего указывало на наличие ошибок в адресах, что в свою очередь было связано с постоянным перемещением воинских частей. Вообще военное ведомство рекомендовало к отправке на фронт «наиболее полезные подарки», а именно: «нательное бельё, сапоги больших размеров и табак»⁴.

Министерство народного просвещения со своей стороны постаралось по возможности учесть накопленный опыт. По итогам обсуждения этого вопроса на особом министерском совещании 19 февраля 1915 г. в учебные округа был разослан список предметов, которые было рекомендовано посылать в действующую армию в качестве подарков к празднику Святой Пасхи, а также указаны способы их упаковки. Согласно рекомендациям, подарки должны были быть собраны в ящики не

¹ Отчёт о состоянии Московской XI гимназии за 1914–1915 учебный год. С. 76.

² *Архангельская Л.В.* Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере пермской губернии) // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 2 (33). С. 73.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Циркуляр по Рижскому учебному округу. 1915. № 1-2. Январь-февраль. С. 63.

тяжелее 3-х пудов, а для отсылки в Кавказскую армию, из-за особых местных условий – в тюки из возможно более прочного материала.

При этом Министерство народного просвещения значительно расширило список возможных предметов и продуктов, в сравнении с рекомендациями военного ведомства, заменив, например, сапоги на предметы сапожного ремонта. В рекомендованный список, кроме этого, были включены: бельё, табак, хорошо высушенные сухари, стеариновые свечи, средство от паразитов, столовая соль, сапожные «починочные товары» и инструменты (шило, дратва, гвозди и пр.), кумачовые рубашки, толстые нитки и толстые иголки, головки для сапог, письменные принадлежности, химические карандаши, электрические фонарики, копчёная колбаса и консервы, голландский и мещерский сыр, часы для унтер-офицеров, машинки для стрижки волос, английские булавки, спички, огниво (так как иногда из-за сырости спички переставали зажигаться), леденцы, орехи и «вообще не портящиеся сласти»¹.

Очевидно, что предложенные рекомендации были условными, могли быть и некоторые исключения, поэтому процесс подготовки подарков носил вполне творческий характер. В открытой на средства купца Ларина петроградской Четвертой (Ларинской) гимназии, учащиеся к Пасхе отправили подарки на сумму 400 руб. 88 коп.: папиросы, бельё, машинки для стрижки волос, зажигалки, мыло, карандаши, а также 120 кисетов. К Рождеству также отсылались подарки на Рижский фронт на сумму 374 руб. Ученики восьмого класса, по просьбе воинов, выслали им гармонь². К празднику Рождества Христова и Святой Пасхи отправлялись подарки для воинов от учащихся петроградской Тринадцатой гимназии³. В Десятой петроградской гимназии за год было собрано 8 больших ящиков весом до 30 пудов (т. е. около 500 кг)⁴.

Перед рождественскими и пасхальными каникулами учащиеся старших классов московских гимназий также готовили подарки солдатам на передовые позиции. Были собраны добровольные пожертвования и на них закуплен оптом табак, мыло,

¹ См.: Циркуляр по Рижскому учебному округу. 1915. № 1-2. С. 64.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 115. Л. 6 об. Отчёт Петроградской Ларинской гимназии за 1916 г.

³ Там же. Д. 125. Л. 4. Отчёт о состоянии Петроградской тринадцатой гимназии за 1916 г.

⁴ Там же. Д. 122. Л. 9. Отчёт Петроградской десятой гимназии за 1916 г.

письменные принадлежности и сладости. Всё это раскладывалось в 110 кисетов и зашито в мешки, которые были сданы под расписку в Московскую уездную земскую управу. Спустя месяц от получивших подарки солдат стали приходить в гимназии письма с выражением сердечной благодарности детям за их трогательную заботу¹.

Один из частных эпизодов, отраженный в корреспонденции с фронта, может служить примером того, как учащиеся глубоко проникались сочувствием к находившимся на войне, воспринимали их нужды. Корреспондент, находившийся в действующей армии, отмечал в своем послании, что небольшие пакеты (кисеты), присланные ученицами Екатеринодарской женской гимназии, содержали в себе практически всё, в чём солдаты испытывали наиболее острую бытовую нужду: «Когда у нас не хватало чего-нибудь, в чём ощущалась особая острая потребность, мы неизменно обращались к екатеринодарским вещам и почти всегда находили там то, что нам было крайне необходимо: соль, о которой никто не позаботился, кроме екатеринодарцев, сахар как самый ценный подарок на передовых позициях, средство от насекомых и так далее»².

До начала Первой мировой войны в России существовали различные попечительские учреждения, назначение которых заключалось в оказании общественной поддержки несовершеннолетним, в том числе и учащимся. В условиях же начавшихся военных действий благотворительные организации, не отказываясь от своих основных направлений деятельности, начали сами привлекать подростков к различным формам оказания поддержки пострадавшим от войны. Отчасти это было связано с тем, что с ее началом правительство отказалось от жесткой регламентации прежних педагогических и молодежных инициатив, в которых в довоенное время зачастую усматривало мнимые политические угрозы. Новые условия, в которых оказалась страна, выдвинули на повестку дня и новые проблемы в работе с молодежью. Вовлечение в благотворительность подростков являлось не только

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 751. Л. 5 об. Отчёт по Московской 10-й гимназии за 1916 г.; РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 752. Л. 6 об. – 7. Отчёт по Московской 11-й гимназии за 1916 г.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2420. Л. 75. По газетным вырезкам.

возможностью расширить социальную помощь населению, но и, как уже отмечалось, способом отвлечь их от желания оказаться на фронте.

Комитет Великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский) был одной из организаций, созданных в период войны под руководством членов царской семьи, и специализировавшейся на помощи беженцам. Одним из условий его деятельности являлось оказание поддержки не всем нуждавшимся, а лишь тем, которые пострадали от военных действий¹. В начале августа 1914 г. был сформирован Верховный совет под председательством императрицы Александры Федоровны, который должен был «осуществлять руководство государственной, общественной и частной деятельностью по призрению семей призванных на войну»². Помощь семьям призванных на войну осуществлял комитет Великой княгини Елизаветы Федоровны (Елизаветинский) и Великой княжны Ольги Николаевны (Ольгинский).

Татьянинский комитет 14 февраля 1915 г. предложил для оказания «временной помощи» пострадавшим от военных действий осуществлять денежные сборы, основой которых могли бы быть как пожертвования, так и в еще большей степени, платные спектакли, лекции и концерты, а также распродажи вещей, предметов рукоделия. Предполагались и другие формы деятельности, используемые «по усмотрению начальства»³.

Министерство народного просвещения поддержало инициативы Татьянинского комитета и рекомендовало учебным заведениям принимать активное участие в этих мероприятиях. Хотя уже с началом войны учащиеся, о чем шла речь ранее, энергично участвовали в уличных сборах и в распространении объявлений о всевозможных пожертвованиях, театральных представлениях или концертах, доходы

¹ См.: Доклады Комитету Ее императорского высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий за 1914 год. Петроград: Государственная типография, 1914. С. 4.

² Об образовании Верховного совета по призрению семей, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 224. Ст. 2239.

³ Законодательные постановления и правительственные распоряжения по учебному ведомству // Русская школа. 1915. № 9–10. Сентябрь–октябрь. С. X.

от которых шли на нужды госпиталей или на приобретение подарков для фронтовиков. Тем не менее, министерство посчитало необходимым напомнить, что концерты должны проходить с согласия администрации, по предварительно утвержденной программе и «их содержание обязано было соответствовать патриотическому духу». Кроме этого, по-прежнему предписывалось не нарушать обычный учебный процесс. Ответственность за соблюдение порядка возлагалась на педагогические советы учебных коллективов¹.

Так, ученицы Тихвинской женской гимназии за 1914–1915 учебный год дали шесть благотворительных спектаклей в пользу различных комитетов, «ведущих делами благотворения жертвам войны»². В октябре 1914 г. концерт был организован в пользу местного отделения общества Красного Креста, в январе 1915 г. в Общественном собрании был дан спектакль в пользу семей запасных Тихвинского уезда. Концерты, которые были проведены в феврале и марте 1915 г., проходили уже в пользу Татьянинского комитета и по их завершению на имя учениц гимназии Великой княжной был прислан рескрипт с выражением личной признательности³.

Наставником VIII класса Пятой петроградской гимназии был организован в здании учебного заведения концерт с участием артистов императорских театров, на котором было собрано в виде пожертвований 1013 руб. 37 коп. Сумма была разделена на три части. Одна из них пошла на содержание кроватей в лазарете Министерства народного просвещения, другая – на школьно-сиротский фонд и третья – в общество вспомоществования нуждавшимся ученикам гимназии⁴.

Учащиеся Новгородской гимназии поставили спектакль к Масленице 1916 г. и часть чистого сбора с него передали в распоряжение Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи беженцам⁵. Однодневный школьный

¹ См.: Циркуляр Одесского учебного округа. 1914. № 12.

² *Лебедянский С.Н.* Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875–1915. Тихвин: Типография Е.П. Благовещенской, 1915. С. 94.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 116. Л. 3–3 об. Отчёт по пятой Петроградской гимназии за 1916 г.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 340. Д. 164. Отчёт Новгородской мужской гимназии императора Александра I за 1916 г.

сбор средств на образование особого сиротского фонда для помощи детям защитников Родины был произведён под руководством педагогического персонала учащимися Юхновского реального училища в Смоленской губернии¹.

В Новгороде в ознаменование Праздника георгиевских кавалеров 26 ноября 1916 г. накануне этого дня в гимназическом храме было совершено всенощное бдение и панихида по павшим георгиевским кавалерам. Ученики гимназии, освобождённые от учебных занятий, принимали участие в уличном сборе в их пользу и в поддержку их семей и оказывали помощь при устройстве в здании гимназии обеда для кавалеров, находившихся в то время в Новгороде². Молебны о даровании победы и панихиды по убитым также выступали в качестве средства воспитания патриотических чувств учащихся.

По мнению педагогического сообщества, посещения лазаретов также оказывали благотворное воздействие на учащихся. Благодаря проходившим там беседам формировалась истинная картина военных событий, убеждавшая в том, что жизнь на поле боя далеко не сплошной праздник, как это зачастую представлялось учащимся, а непрерывное лишение, требовавшее выносливости, силы воли. По мнению воспитателей, война, неся массу потерь, горе и прочие непоправимые беды, «во многих отношениях значительно оздоровила общество и подняла его нравственные качества»³. Однако при этом возникала опасность получения не только положительных, но и отрицательных эмоций, вызванных видом страданий раненых, проявлением с их стороны отрицательных настроений (особенно у нижних чинов). Не случайно педагоги советовали посещать с учащимися только легко раненых выздоравливающих офицеров и в присутствии представителей администрации учебного заведения.

В военной практике широко использовались помещения, принадлежавшие учебным заведениям, в том числе и для размещения там лечебных учреждений. С

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 904. Л. 6. Отчёт Юхновского реального училища имени А.А. Сибарова Смоленской губернии за 1916.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 340. Д. 164. Отчёт Новгородской мужской гимназии императора Александра I за 1916 г.

³ Джунковская Е.В. Война и воспитание. С. 12.

начала войны в здании Вологодской гимназии, которая пожертвовала для него почти треть своих помещений (в том числе и часть ученического общежития), был размещён лазарет для больных и раненых воинов, который содержался Всероссийским Земским союзом. Заведующим являлся гимназический врач, а учащиеся принимали участие в уходе за ранеными¹.

В августе 1914 г. педагогический совет Московской XI гимназии на экстренном заседании поставил вопрос об оказании помощи раненым, а в конце сентября того же года директор гимназии сообщил, что им получено заявление от Андрея Петровича Пчельникова, готового предоставить безвозмездно квартиру-особняк для устройства лазарета. Директор частной московской гимназии священник Н.Г. Попов предложил совместно содержать это медицинское учреждение, после чего было открыт лазарет на 12 раненых воинов в 1-м Самотечном переулке.

Часть необходимого инвентаря была предоставлена Московской городской управой, остальные необходимые предметы приобретались на средства, пожертвованные преподавателями обеих гимназий, родителями учащихся и самими воспитанниками. Школьники старших классов гимназии приняли участие в обустройстве лазарета². Они набивали и зашивали матрацы, ставили штемпеля на имуществе лазарета и окрасили столы и табуретки³. С октября две группы учащихся гимназии устроили несколько литературно-музыкальных вечеров в лазаретах⁴.

При Казанской женской гимназии, учрежденной В.А. Ряхиной, 22 октября 1914 г. был также создан лазарет на 12 кроватей, который полностью содержался на пожертвования учащихся. Весь труд по уходу за ранеными безвозмездно несли родители учениц при активном участии учительского персонала.

Родителями учащихся петроградской гимназии доктора Н.П. Шеповальникова был в 1914 г. оборудован лазарет и ему было присвоено имя императрицы Александры Фёдоровны. Медицинское учреждение состояло из 18 кроватей для

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 156. Л. 48. Отчёт по Вологодской, имени императора Александра Благословенного гимназии.

² Отчёт о состоянии Московской XI гимназии за 1914–1915 учебный год. М., 1916. С. 77.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же.

больных и раненых нижних чинов, а гимназисты активно участвовали в уходе за ними¹. Свой собственный лазарет для раненых также был учрежден при гимназии Императорского человеколюбивого общества². Комитетом по оказанию помощи раненым и семьям запасных при управлении Киевского учебного округа был создан в октябре 1914 г. военно-санитарный поезд № 96. Ему было присвоено право именоваться «Поездом имени его императорского высочества Великого князя Николая Николаевича». Он содержался на добровольные пожертвования служащих, преподавателей и учащихся Киевского учебного округа³.

В Вологде осенью 1914 г. на созванном губернатором собрании был рассмотрен вопрос об устройстве местных лазаретов для больных и раненых воинов. Вологодской гимназией было предоставлено для этой цели всё обширное помещение интерната, состоявшее из 11 комнат со службами и кухней. В результате был оборудован лазарет на 120 кроватей, с условием не размещать в нем больных с заразными болезнями⁴. После окончания выпускных экзаменов, 1 Мая 1915 г., в гимназии был открыт второй лазарет, под который отводились почти все помещения второго и три комнаты первого этажа. Таким образом, в конце учебного года в гимнастическом здании помещались два лазарета, рассчитанных более чем на 200 коек⁵. Здесь лазареты не содержались за счет учителей и родителей, но зато их размещение привело к значительному сокращению учебных площадей.

Учащимися практиковалось регулярное посещение раненых, особенно тех, которые занимали кровати, содержащиеся за счет средств гимназии⁶. Например, в здании гимназии имени императора Петра Великого еженедельно по понедельникам также осуществлялся сбор добровольных пожертвований учеников на нужды

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 140. Отчёт по гимназии доктора Н.П. Шеповальникова в Петрограде за 1916 г.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 126. Л. 5. Отчёт по гимназии Императорского человеколюбивого общества за 1916 г.

³ Положение о военно-санитарном поезде № 96 Киевского учебного округа имени его императорского высочества Великого князя Николая Николаевича. Киев, 1916.

⁴ Отчёт о состоянии Вологодской императора Александра I Благословенного гимназии за 1914–1915 учебный год. Вологда, 1915. С. 63–64.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 119. Л. 4. Отчёт Петроградской восьмой гимназии за 1916 г.

содержавшихся гимназией кроватей для раненых при лазарете Министерства народного просвещения. Это медицинское учреждение для раненых и больных воинов было создано вскоре после начала войны и 9 ноября 1914 г. ему было присвоено имя Ея Императорского Высочества Великой Княжны Анастасии Николаевны¹.

В столичных гимназиях и реальных училищах у родительских комитетов было гораздо больше средств для оказания благотворительной помощи, по сравнению с провинциальными городами, где помещения для раненых и их содержание обеспечивалось городскими и земскими структурами, купеческим капиталом, частными пожертвованиями на содержание «именных коек». Например, в Екатеринбурге «помещение для раненых предоставил Торговый Дом братьев Макаровых, Березовское Золотопромышленное Товарищество, организовали лазареты также мукомолы и биржевое купечество»². Однако были и свои исключения, например, уже упомянутое лечебное заведение в казанской гимназии В.А. Ряхиной, полностью содержавшееся на средства родителей и учащихся³.

Подводя итоги, необходимо отметить, что на протяжении войны общественное участие в делах благотворительных организаций и сама деятельность в этом направлении тех же учебных заведений не имели постоянной высокой степени вовлеченности. На этапе общего эмоционального подъема, вызванного войной, интерес к общественным делам являлся отличительной чертой господствовавших коллективных и индивидуальных настроений. Однако со временем, по мере роста проблем, вызванных войной, общественные инициативы изменяли свою направленность, а некоторые из них теряли актуальность.

В связи с нараставшими трудностями «лавинообразная благотворительность» теряла своих случайных временных помощников, оставляя в деле помощи нуждающимся только наиболее стойких участников. Школа, как и прежде, не играла решающей роли в ликвидации проблем, вызванных военными трудностями,

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. 17-го февраля. № 53. Ст. 491.

² *Кайдышева Н.Н.* Роль общественности Пермской губернии в деле помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2014. № 5 (29). С. 94.

³ РГИА. Ф.733. Оп. 201. Д. 498. Л. 55 об.

однако они не проходили мимо нее стороной и, безусловно, усложняли ее функционирование.

Учителя в этих условиях, приветствуя желание детей проявлять интерес к происходившим событиям, одновременно всеми силами пытались противодействовать влиянию ужасов, неизменно сопровождавших войну. Они сознательно ограничивали силу их воздействия на восприимчивость подростков, а тем самым и отчасти притупляли остроту детского восприятия всего происходившего вне стен учебных заведений.

Учащиеся средних школ, по-прежнему, под руководством своих наставников охотно прилагали свои силы к работе лазаретов, вступали в трудовые дружины, оказывали помощь беженцам, поддерживали связь с находившимися на фронте и т. п. Воодушевление, охватившее учащихся, чувство единения со всем российским обществом и с армией, куда направлялись детские письма, другие перечисленные формы проявления патриотических и гражданских чувств не сопровождались нарушением учебной дисциплины, как это отмечалось в периоды революционных потрясений. В военных условиях строго соблюдалось учебное расписание, организованно проходили воспитательные мероприятия.

Вместе с тем внешние события и условия неизбежно влияли на активность учащихся средней школы, а еще в большей степени воздействовали на особенности психологии школьников, поскольку со временем их бескорыстная деятельность теряла свою привлекательную новизну и превратилась для многих из них в обыденное дело. В любом случае участие в различного рода мероприятиях, связанных с войной, уже не могли, как раньше, заполнять всё их внимание.

Однако усилия прошлых лет не были напрасными, участие в школьной трудовой и благотворительной помощи являлось проявлением социального патриотизма, кардинально отличавшегося от шумных шовинистических восторгов начального этапа военных действий своим чувством ответственности за судьбу страны, готовностью оказывать помощь пострадавшим от войны.

2.3. Программа «мобилизация спорта» в средних учебных заведениях Российской империи. 1916 – весна 1917 г.

В начале сентября 1915 г. Управление генерал-квартирмейстерства в штабе Верховного главнокомандующего подготовило доклад, в котором рассматривалась возможность «привлечь призываемых для обязательного обучения элементарным частям строевого пехотного устава в течение льготного времени до призыва», в результате чего «запасные батальоны получили бы не сырой материал, а людей уже полуподготовленных»¹. Способы и порядок привлечения к допризывной подготовке предлагалось совместно определить военному министру и министру внутренних дел. Доклад был подписан начальником штаба генералом от инфантерии Михаилом Васильевичем Алексеевым и представлен на рассмотрение Николаю II, который его и одобрил.

М.В. Алексеевым было направлено 20 сентября 1915 г. письмо непосредственно военному министру А.А. Поливанову, в котором он предложил возможные способы реализации вышеизложенных предложений. Так, например, в школах всех «ведомств и разрядов» предварительное обучение, по мнению автора, могло быть возложено на преподавателей гимнастики. В местностях, где имелись воинские части и управления уездных воинских начальников, молодые люди, не посещавшие какие-либо учебные заведения, могли в них проходить предварительную подготовку. В деревни рекомендовалось посылать унтер-офицеров или привлекать к обучению выздоравливающих офицеров. Кроме этого, повсеместно предлагалось использовать имеющийся потенциал спортивных организаций и обществ².

Идея допризывного военного обучения родилась не вдруг. Уже к весне 1915 г. был практически исчерпан подготовленный в довоенное время боевой резерв российской армии, а неудачная летняя кампания усугубила проблемы недокомплекта. Военному командованию пришлось принимать срочные меры. Так, по подсчетам ставки, с октября 1915 г. по февраль 1916 г. предстояло призвать в армию

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1734. Л. 2.

² Там же. Л. 9 – 9 об.

более 2 млн человек¹, которых затем необходимо было отправить в запасные батальоны для прохождения специальной подготовки. В зависимости от ситуации на фронте ее сроки варьировались от 1 до 5 месяцев². В условиях крайней необходимости пополнения действующей армии программы подготовки резервистов упрощались, а время ее реализации сокращалось, что не могло не сказаться на качестве полученных результатов.

«Сознание настоящей нужды в допризывной подготовке призываемых людей с целью ускорения последующего их обучения в войсках», – и побудила главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи генерал-майора свиты императора Владимира Николаевича Воейкова в сентябре 1915 г. обратиться с соответствующим предложением к М.В. Алексееву и с его одобрением представить всеподданнейший доклад Николаю II, в котором он изложил программу под названием «Мобилизация спорта»³. Предлагаемая «мобилизованным спортом» программа, по мнению автора, должна была дать на местах предварительные обучение и тренировку молодым людям – потенциальным призывникам, с тем, чтобы не отнимать время от специальной подготовки уже в запасных батальонах.

Необходимо отметить, что В.Н. Воейков активно занимался развитием российского спорта уже с начала XX в.⁴ Его деятельность была сосредоточена на популяризации физического воспитания как среди гражданского населения, так и в армии. В это время вопрос об улучшении боевой физической подготовки комбатантов решался во многих европейских государствах, в связи с чем создавались

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1734. Л. 3.

² *Коняев Р.В.* Огневая подготовка нижних чинов в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой войны // Вестник КГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 4. С. 16.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1734. Л. 4–5.

⁴ *Князев М.А.* Государственная деятельность В.Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. 2019. С. 43–51.

национальные гимнастические системы: немецкая, французская, шведская, чешская («сокольская»). В Российской империи проблема становилась особенно актуальной после поражения в Русско-японской войне.

Так, уже в 1906 г. В.Н. Воейков, флигель-адъютант Кавалергардского полка императрицы Марии Федоровны, вошел в состав комиссии, которая была создана для изучения условий казарменной жизни и физического воспитания нижних чинов гвардии. «Будучи знаком с постановкой физического развития во многих частях гвардии, – вспоминал он впоследствии, – я предложил составить новую систему обучения войск гимнастике, ввести в войсках спортивные состязания и учредить школы для подготовки руководителей гимнастики и спорта»¹. Во время его командования лейб-гвардии гусарским полком он действительно разработал, при участии основателя сокольского движения в Российской империи В. Вихра, проект «Наставление для обучения войск гимнастике», введенный уже в качестве официального документа в ноябре 1910 г. в российской армии.

Параллельно В.Н. Воейков активно продвигал введение в мужских учебных заведениях преподавания гимнастики и военного строя. Его официальная должность «главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи», на которую он был назначен 7 июня 1913 г., предусматривала «общее наблюдение за постановкой упомянутого дела и ближайшее руководство им в учебных заведениях, а также принятие надлежащих мер к объединению деятельности частных учреждений и обществ, преследующих вышеуказанную цель – физическое развитие населения»².

При главнонаблюдающем указом императора 8 февраля 1914 г. был создан в качестве совещательного и вспомогательного учреждения Временный совет для разработки предложений об организации физического развития народонаселения империи³. В состав Совета включались представители православного исповедания,

¹ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 20.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 131.

³ Там же. Л. 188.

Императорского двора, Учреждений императрицы Марии, Императорского человеколюбивого общества, Императорского Александровского лицея, а также всех ведущих министерств, «предоставив право председателю Совета приглашать к участию в занятиях оного, на правах членов/общественных деятелей и частных лиц, сведущих в вопросах физического развития»¹.

С началом Первой мировой войны работа главнонаблюдающего по разработке законопроекта об особом учреждении для заведования делом физической культуры практически прекратилась. Тем не менее, Временным советом продолжала оказываться материальная помощь ряду спортивных кружков, а также поддержка вновь образуемым обществам, например, «Обществу содействия физическому развитию молодежи» и «Русский скаут». При активном содействии главнонаблюдающего в Москве, Киеве и Харькове началось возведение стадионов для массового занятия спортом².

В это же время совместно с Министерством народного просвещения была создана комиссия для разработки программы физического развития в средней школе, составлена программа физического воспитания для женских учебных заведений, планировалось введение физкультуры в низшей школе³.

Продолжавшиеся военные действия и возникшая необходимость подготовки большого количества резервистов в короткие сроки и привели В.Н. Воейкова к мысли об использовании потенциала российских спортивных организаций для предварительного военного обучения молодежи. Эти намерения и получили название «мобилизация спорта», смысл которого заключался, согласно объяснениям главнонаблюдающего, в том, чтобы обучить в спортивных организациях людей, которые после сдачи экзаменов в специальных комиссиях, могли использоваться для подготовки новобранцев в качестве инструкторов или же сами поступать на службу в армию уже будучи знакомыми с военной подготовкой⁴.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 188 об.

² ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 43. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 6 об. – 7.

⁴ РГИА, Ф. 733. Оп. 182. Д. 179. Л. 4.

На заседаниях Временного совета, которые состоялись 7 и 29 сентября 1915 г., произошло обсуждение вопроса о «мобилизации спорта». На них присутствовали не только представители от различных ведомств, но и руководители спортивных союзов, сокольства, русского скаутизма и необъединенных обществ Петрограда, Москвы, Риги и других городов.

«Вследствие выраженного желания представителями многих спортивных обществ и преследующие аналогичные цели частных организаций послужить на пользу родине в переживаемый ее тяжелый момент борьбы с врагом, – следует из докладной записки министру народного просвещения по поводу этого заседания, – главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи остановился на мысли о привлечении названных организаций к делу физической подготовки молодежи, подлежащей призыву в ряды действующей армии, с целью укомплектования последней людьми, умеющими свободно, ловко и уверенно владеть своими членами, легко, быстро и неустойчиво ходить и бегать, правильно дышать, живо и смело соображать при всякой обстановке»¹.

Совет поддержал идею В.Н. Воейкова и высказал предложение внедрить «обязательное обучение строю в трех старших классах средней школы с объяснением элементарных топографических условий местности с военной точки зрения, при указании необходимости усиления гимнастики и физических упражнений в низших классах»². Предполагая, что таким образом будут сокращены расходы казны на содержание новобранцев, Совет считал желательным субсидирование обществ по 50 руб. за первого прошедшего предвоенную подготовку и по 20-25 руб. за последующих.

По итогам заседаний Совета В.Н. Воейковым и, как уже отмечалось, после одобрения проекта А.М. Алексеевым был подготовлен всеподданнейший доклад, к которому прилагались: проект программы знаний для молодежи, подлежащей призыву в действующую армию; проект оснований для работы спортивных, гимнастических и других организаций по мобилизации спорта; проект инструкций

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 342. Л. 2 – 2 об.

² ГАРФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 17 об. – 18.

о порядке действий военно-спортивных комитетов по мобилизации спорта. Кроме этого, в качестве эксперимента уже в первой половине сентября была начата работа по подготовке инструкторов в некоторых организациях Москвы и Петрограда, а при Главной гимнастическо-фехтовальной школе* было начата подготовка 200 молодых людей¹. После одобрения всеподданнейшего доклада императором он был вынесен на обсуждение Совета министров.

Особое межведомственное совещание с целью реализации «мобилизации спорта» было образовано Советом министров 23 октября 1915 г. Председателем стал всё тот же В.Н. Воейков, его помощником – Вячеслав Измайлович Срезневский, избранный в 1911 г. первым председателем Российского Олимпийского комитета. Кроме того, в состав совещания вошли представители от министерств: торговли и промышленности, военного, народного просвещения, морского, финансов, внутренних дел, а также Государственной канцелярии и Канцелярии Совета министров.

На первом заседании совещания, которое состоялось 26 октября, среди прочих рассматривался вопрос «об обязательности введения в учебных заведениях всех ведомств подготовки учащихся, подлежащих в будущем призыву, по выработанной на сей предмет программе»². После некоторых прений совещание пришло к заключению, что «подготовка к военной службе до призыва может иметь место в отношении, во-первых, набора 1917 года, во-вторых, тех молодых людей, которым при прошлых призывах дана отсрочка для окончания образования»³. Оповещение населения о допризывной подготовке было решено осуществлять через периодиче-

* Главная гимнастическо-фехтовальная школа была учреждена высочайшим повелением от 17 мая 1909 года. Цель создания школы – подготовка преподавателей гимнастики и фехтования для войск и самой школы, а также, разработка и внедрение методических рекомендаций по проведению в войсках занятий гимнастикой и фехтованием на рапирах, эспадронах (саблях) и ружьях. Школа подчинялась Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа.

¹ ГАРФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 18 об.

² Там же. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 7.

скую печать как частную, так и через «губернские ведомости», а также путем расклеивания на улицах объявлений, через обращение «для соблюдения военной тайны о предполагаемых призывах ко всем молодым людям»¹.

Руководству высших учебных заведений вменялось только оказание помощи студентам в образовании спортивных организаций и поддержание уже существовавших. В средних же учебных заведениях, в учительских семинариях и учительских институтах предполагалось ввести в двух старших классах обязательное прохождение «программы знаний, необходимых для поступления на военную службу»².

Введение допризывной подготовки в низших учебных заведениях усложнялось разным возрастом обучавшихся. Совещание сочло целесообразным внедрить подготовку в те из них (например, технические, торговые и пр.), где возраст учащихся был не меньше 16-17 лет. Причем детальную разработку занятий, подбор учебного персонала, помещений и т. д. решено было возложить на соответствующие ведомства. Учащиеся, которые после прохождения допризывной подготовки смогли успешно сдать экзамен, получали преимущество при поступлении в школу прапорщиков.

На совещании рассматривались и вопросы финансового обеспечения введения программы «мобилизации спорта». Было признано желательным платить спортивным организациям за каждого подготовленного учащегося и успешно сдавшего экзамен 20 руб., «а за каждого инструктора, фактически обучившего 10 человек, после сдачи ими экзаменов, еще по 50 руб.» В итоге расход казны при предполагаемом количестве подготовленных в 660 тыс. человек должен был составить 13 млн 200 тыс. руб. Причем такая сумма, принимая во внимание «колоссальность ежедневных затрат на войну и что на эти средства представится возможность дать России хороших солдат и что, кроме того, деньги эти вольются в русский спорт и дадут ему сильный толчок для развития»³, не показалась совещанию чрезмерной.

¹ ГАРФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 7.

² Там же. Л. 7 об.

³ Там же. Л. 8.

Дальнейшее рассмотрение программы «мобилизации спорта» несколько замедлилось. Представители Министерства юстиции и Государственной канцелярии подвергли критике «Инструкцию», разработанную относительно военно-спортивных комитетов. Кроме того, Департамент полиции настаивал на регистрации комитетов в общем порядке, согласно «Временным правилам об обществах и союзах», принятым 4 марта 1906 г. На основании закона «общества, в коих образуются отделения, а также Союзы должны иметь Устав и подчиняются правилам, изложенным в статьях 6-8 и 21-40». Среди многочисленных ограничений, отраженных в законе, значился запрет, обозначенный в седьмой статье: «Несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних учебных заведениях не допускаются ни к образованию Обществ, ни к участию в них»¹. Вместе с тем Департамент полиции опасался, что «мобилизация спорта» положит начало «организации народной милиции» и в этом усматривал «опасность для государства»².

Однако после того, как до сведения Межведомственного совещания было доведено «удивление» императора по поводу «медленности работы совещания в деле, имеющем столь важное значение для государства»³, положение о мобилизации спорта после необходимой доработки было принято, и 8 декабря 1915 г. оно было утверждено императором⁴.

На его основании военным губернаторам, губернаторам, начальникам областей и градоначальникам Министерством внутренних дел был разослан циркуляр, предписывавший на период войны образовать военно-спортивные комитеты в населенных пунктах, имевших спортивные общества или учебные заведения. В состав таких комитетов должны были войти представители местной администрации и ведомств, в ведении которых находились эти заведения⁵.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 26 (1906). Часть 1. № 27479.

² ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 48.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел первый. 1915. 20 декабря. № 365.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. (Д.-2). Оп. 73. 1915. Д. 10. Ч. 46. Л. 71.

Способы предстоящего внедрения программы «мобилизации спорта» стали обсуждаться на различного рода совещаниях с первых дней декабря, так как ввести ее планировалось уже с 1 января 1916 г. Так, например, собрание представителей Петроградских государственных и частных гимназий, а также реальных училищ, состоявшееся 5 декабря 1915 г., пришло к заключению, что занятия гимнастикой, согласно этой программе, возможно только при соблюдении двух условий: «а) частичной разгрузке существующего ныне расписания учебных часов и б) отмены выпускных экзаменов в VIII классе гимназий и в 6 и 7 дополнительном классах реальных училищ»¹.

Собрание посчитало, что для серьезной подготовки к строевой службе молодым людям необходимо заниматься не менее 9 часов в неделю. При существовавшем на тот момент расписании в старших классах для уроков гимнастики отводилось 3 часа в неделю. Таким образом, оставалось изыскать 6 часов. С этой целью совещание «единодушно» решило во втором полугодии обучения в гимназии сократить один урок философской пропедевтики, два урока законоведения, два урока немецкого языка и один урок (из пяти) латинского языка. В 6-м классе реального училища решено было отказаться от трех уроков немецкого языка и двух уроков французского языка, в 7-м дополнительном классе реальных училищ – от двух уроков законоведения, от трех уроков немецкого языка и от одного урока (из трех) французского языка². По мнению присутствовавших на собрании, разгрузка таким образом расписания не должна была отразиться на уровне знаний учащихся, так как «некоторые сведения по философской пропедевтике могут быть сообщены ученикам на уроках словесности, а сведения по программе законоведения – на уроках истории». Что же касается «новых языков, – рассуждали они, – то при незначительном количестве часов учащиеся во второе полугодие новых сведений получают вообще мало и ограничиваются по преимуществу усвоением и повторением добытого в течение первого полугодия»³.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 342. Л. 34 об.

² Там же. Л. 34 об – 35.

³ Там же. Л. 35 об.

Присутствовавшие на собрании высказались также и за необходимость отмены выпускных экзаменов в 8-м классе гимназии и в 6-м и 7-м дополнительном классах реальных училищ, а выдачу аттестатов зрелости и свидетельств осуществлять по годовым отметкам, посчитав, что «наряду с отменой выпускных экзаменов серьезно поставленные занятия строевой гимнастикой и предстоящие по ним испытания в особой комиссии, равно как и связанные с благоприятным исходом их льготы по прохождению военной службы, несомненно, повлияют благотворно на учащихся в моральном отношении и дадут вместе с тем выход их патриотическому подъему»¹. Соображения, прозвучавшие на собрании, были представлены на рассмотрение министру народного просвещения графу П.Н. Игнатьеву

В то же время Учебное бюро при Министерстве народного просвещения, проходившее 15 декабря 1915 г. при участии заместителя главнонаблюдающего В.И. Срезневского и военных специалистов, решало проблему подготовки преподавателей военного строя. В результате обмена мнениями было решено просить Военное министерство «дать военных инструкторов для средних учебных заведений», кроме этого «возвращать из воинских частей лиц, окончивших Петроградские курсы подполковника Галкина, для обучения военному строю в учебных заведениях Министерства народного просвещения»². Дополнительно Учебное бюро обратилось в министерство с просьбой об освобождении помещений учебных заведений от лазаретов и других учреждений, «чтобы воспользоваться этими помещениями для обучения военному строю»³.

По результатам предварительных совещаний Министерством народного просвещения 23 декабря 1915 г. был разослан циркуляр попечителям учебных округов с прилагаемым экземпляром положения «О мобилизации спорта», в котором предлагалось помимо устройства на местах военно-спортивных комитетов изменить расписание занятий в средних учебных заведениях.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 342. Л. 35 об.

² Там же. Л. 39 об.

³ Там же.

Министерство не стало настаивать на кардинальном изменении учебного плана. Так, в двух старших классах предписывалось осуществлять преподавание военного строя вместо трех часов в неделю, которые отводились на гимнастику. Эти часы предлагалось разбить на два урока в неделю и проводить в конце учебного дня. По воскресеньям учащихся выпускных классов рекомендовалось привлекать на двухчасовые занятия по строевой подготовке. С наступлением весны предусматривались занятия на воздухе с увеличением времени обучения¹.

Поскольку было решено отменить экзамены для выпускных восьмых классов в гимназиях и в седьмых в реальных училищах, учебный год для этих выпускников должен был закончиться в апреле, а время, предназначавшееся для экзаменов, до 1-го июня нужно было «употребить исключительно на занятия военным строем, установив число часов занятий в зависимости от местных условий»². Учащиеся, признанные педагогическими советами недостаточно подготовленными для перехода в следующие классы, должны были «подвергаться проверке знаний до или после каникул по желанию»³.

Что же касается высших начальных учебных училищ, то учитывая, что основное количество учащихся в них не достигло 16-летия – «военный спорт» было предложено вводить здесь постепенно, не изменяя порядок обучения и переводных испытаний. В профессиональных учебных заведениях было решено не вводить военную подготовку, учитывая, что мастерские при них уже работали для нужд обороны, т. е. по факту учащиеся уже были мобилизованы. Так, например, директор реального училища в Самаре сообщал в военно-промышленный комитет, что 21 учащийся из старших классов училища, с согласия родителей, выразил желание в каникулярное время работать по изготовлению снарядов на одном из местных заводов⁴.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 342. Л. 32.

² Там же. Л. 33.

³ Средняя школа // Школа и жизнь. 1916. № 13. С. 9.

⁴ Школа и война // Школа и жизнь. 1916. № 5. С. 6.

Учебный отдел Министерства торговли и промышленности также издал свой циркуляр относительно введения допризывной подготовки в двух старших классах в реальных училищах, подчинявшихся этому ведомству. Предложенные изменения учебного процесса в основном повторяли соответствующий документ Министерства народного просвещения, однако, они не отменяли выпускных экзаменов, а только сокращали их количество. Так, были оставлены письменные экзамены по русскому языку, бухгалтерии и устные – по математике, политической экономии, законоведению¹.

Совещания директоров учебных заведений, которые проводились в начале 1916 г. дополнительно продемонстрировали сложности экстренного введения курсов допризывной подготовки для учащихся. Так, на совещании директоров Петроградского учебного округа выяснилось, что для реализации программы потребуется не менее 20 военных специалистов для ведения строевых занятий, так как на тот момент они имелись лишь в шести государственных гимназиях и реальных училищах города. К февралю таких преподавателей имели 8 из 14 государственных гимназий². Директора посчитали, что в помощь военным преподавателям «было бы желательно иметь также унтер-офицеров, которые могли бы вести дело обучения военному строю в качестве инструкторов по группам»³. Таких инструкторов, по их подсчетам, только для Петрограда требовалось 30 человек.

Необходимо отметить, что до начала войны в некоторых учебных округах (например, в Московском) практиковалось использование офицеров местных гарнизонов для преподавания гимнастики в высших начальных училищах, в которых по штатному расписанию не было предусмотрено существование такой должности, как преподаватель физкультуры⁴. Однако с началом военных действий военные подразделения поменяли свою дислокацию, а вместе с ними поменяли места жительства и офицеры, преподававшие гимнастику.

¹ Школа и война // Школа и жизнь. 1916. № 13. С. 8.

² Школа и война // Школа и жизнь. 1916. № 3. С. 7.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 342. Л. 58.

⁴ РГИА, Ф. 733. Оп. 182. Д. 67. Л. 4.

Вопрос наличия подготовленных преподавателей военного строя, действительно, являлся наиболее насущным. Не случайно П.Н. Игнатьев обращался непосредственно к военному министру А.А. Поливанову, подчеркивая, что «лучшими руководителями в данном случае могут явиться только военные лица», «с покорнейшей просьбой разрешить преподавание военного строя офицерским чинам, имеющимся в тех городах, где имеются учебные заведения»¹. Вместе с тем, он указывал на желательность учреждения Военным министерством при учебных округах кратковременных курсов для подготовки преподавателей военного строя по образцу устроенных подполковником Галкиным при Главной гимнастическо-фехтовальной школе в Петрограде.

В свою очередь А.А. Поливанов, ссылаясь на некомплект офицеров в действующей армии, а также на «весьма значительную потребность в офицерах для обучения молодых солдат, которыми переполнены запасные батальоны», указывал на невозможность командировать их для преподавания военного строя в средних учебных заведениях. При этом он не видел препятствий для использования с этой целью тех же офицеров в свободное от их непосредственной службы время. Кроме того, он предложил привлекать для преподавания «эвакуированных офицеров 2-й категории». Военный министр не посчитал возможным и «отчисления из строя лиц, получивших подготовку на курсах подполковника Галкина и в настоящее время состоящих на службе в войсках», однако, он не возражал против их командирования в отдельных случаях в учебные заведения по ходатайствам Министерства народного просвещения².

Тем не менее сохранились сведения относительно успешного опыта организации допризывной подготовки, прежде всего благодаря инициативам офицеров местных гарнизонов. Так, попечитель Московского учебного округа препроводил в Министерство народного просвещения копию представления от директора Вышневолоцкого реального училища «с донесением о бескорыстном труде и полезной

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 342. Л. 34.

² Там же. Л. 59.

деятельности г. г. офицеров местного гарнизона в деле допризывной подготовке учащихся»¹.

Согласно представлению, военно-спортивный комитет был образован в Вышнем Волочке 29 февраля 1916 г. для занятий в 6 и 7 классах реального училища. «Для большей продуктивности занятий, – сообщалось в тексте, – ученики 7 класса водворены на жительство в училище. В приспособленных помещениях установлен режим и создана атмосфера, соответствующая таковым в военно-учебных заведениях»². Планировалось всех учеников этого класса снабдить 3-х линейными винтовками и производить стрельбу боевыми патронами. Кроме этого всем ученикам 6 и 7 классов были предоставлены лошади, и они обучались вольтижировке на лошадях и верховой езде. Подготовка реализовывалась под наблюдением начальника Олитского конского запаса подполковника К.Г. Андриенко, непосредственно вели занятия эвакуированные по ранению и заболеваниям офицеры. Так, отмечалось, что поручик лейб-драгунского Псковского полка Г.А. Хрыпов «посвящает почти круглые сутки делу подготовки» и поселился вместе с учениками в помещении училища». Прапорщик Сибирского казачьего полка С.Н. Скрипицин, георгиевский кавалер, вел теоретические занятия и занятия по верховой езде. Принимал участие в подготовке учащихся и корнет 15 гусарского Малороссийского полка К.С. Шеманчевский. Причем все офицеры «категорически отказались от какого бы то ни было вознаграждения»³. Кроме этого, подполковник Андриенко предоставил «средства передвижения учащимся для совершения образовательных экскурсий на заводы, фабрики и в окрестные города»⁴.

Межведомственное совещание, образованное при Министерстве финансов, рассмотрев 8 марта 1916 г. вопрос, «не встретило со своей стороны препятствий» для выделения на реализацию программы помимо первоначального аванса в 100

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 177. Л. 237.

² Там же. Л. 238.

³ Там же. Л. 239.

⁴ Там же.

тыс. руб. чрезвычайного кредита в 520 тыс. 750 руб. учебным заведениям на допризывную подготовку учащихся выпускных классов¹.

Однако, несмотря на выделенные средства, реализация «мобилизации спорта» на местах вызывала множество вопросов. Не везде на местах имелись напечатанные экземпляры положения и инструкция, программа подготовки и расписания занятий военной подготовкой тоже различались².

С целью разъяснения возникающих вопросов Министерство народного просвещения 3 мая 1916 г. разослало попечителям учебных округов дополнительные указания, в пункте первом которых было сказано: «Согласно ст. 2 положения о мобилизации спорта допризывную подготовку должны пройти все ученики выпускных классов гимназий, реальных училищ, учительских институтов, семинарий, высших начальных училищ и всех вообще средних и низших учебных заведений разных наименований, в коих имеются ученики старше 16-летнего возраста»³.

По мнению министерства, поскольку в курс «допризывной подготовки военного строя» входило много полезных сведений, «изучение которых может способствовать приучению учащихся к совместным действиям и дисциплине, развивая в них вместе с тем сознание долга и преданности Царю и Родине»⁴, необходимо было, «чтобы ученики, освобожденные от физических упражнений, прошли остальную (словесную) часть программы, изложенной в высочайше одобренном руководстве по допризывной подготовке»⁵. Только после этого, к концу мая, была предусмотрена выдача аттестатов и выпускных свидетельств. Решение об этом, согласно «Положения о мобилизации спорта», должна была принимать особая комиссия, представленная от местных военно-спортивных комитетов. Исключения возможны были только для тех выпускников, которые

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1596. Л. 2 об.

² *Никулин Д.О.* Деятельность Новониколаевского военно-спортивного комитета по допризывной подготовке в 1916-1917 годах // Исторический курьер. 2021. №5 (19). С. 182.

³ Правительственные распоряжения. О мобилизации спорта (3-го мая 1916 года, № 4112) // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 63. № 6. Июнь. С. 71.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Правительственные распоряжения. О мобилизации спорта (3-го мая 1916 года, № 4112) // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 63. № 6. Июнь. С. 72.

планировали поступать в военные училища, где прием документов происходил раньше заявленного срока.

Проблемы возникали и в связи с обеспечением курсов допризывной подготовки необходимыми помещениями для занятий и оборудованием¹. Военное обучение с необходимостью означало в том числе и знакомство учащихся со стрелковым оружием. В связи с этим с началом 1916 г. в Главное артиллерийское управление стали поступать ходатайства от директоров средних учебных заведений «об отпуске для занятий годных или бракованных винтовок, или же о разрешении заказать винтовки в оружейных заводах». В свою очередь Главное артиллерийское управление сообщило в Департамент народного просвещения, что, «несмотря на сознание желательности всеми мерами способствовать обучению в учебных заведениях военному строю, оно, в виду полного недостатка в оружии, не имеет никакой возможности снабжать военные заведения годным оружием, негодное же оружие не сможет соответствовать целям обучения»².

Исходя из этого Главное артиллерийское управление предлагало свое решение проблемы, а именно: использовать для практического обучения деревянные ружья, а устройство системы винтовок изучать по чертежам. С ходатайством о высылке чертежей винтовок директорам учебных заведений надлежало обращаться в магазин изданий Главного штаба. Однако уже 19 мая 1916 г. Главное артиллерийское управление сообщило, что чертежи винтовок офицерской стрелковой школы распроданы и просило соответствующих распоряжений о заказе на будущее.

В циркуляре главнонаблюдающего, разосланном военно-спортивным комитетам 22 октября 1916 г., отмечалось, что не всеми ими «были одинаково правильно усвоены поставленные в основу их учреждения задачи и поэтому некоторые из статей Положения не получили должного применения»³. Для предотвращения недопонимания в будущей работе, циркуляр конкретизировал цели и задачи комитетов,

¹ См.: *Никулин Д.О.* Деятельность Новониколаевского военно-спортивного комитета по допризывной подготовке в 1916-1917 годах // Исторический курьер. 2021. №5 (19). С. 185.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 177. Л. 347.

³ Там же. Л. 331 об.

определяя их работу не только с учащимися школ и членами спортивных обществ, но и «для посторонних лиц из местного населения данного района, могущих подлежать призыву к отбыванию воинской повинности»¹. Предписывалось как можно шире оповещать местное население о целях допризывной подготовки и об учреждении курсов с тем, чтобы предоставить возможность как можно большему числу лиц пройти ее. В местностях, где отсутствовали учебные заведения и спортивные общества, допризывной подготовкой могли заниматься и частные лица, получив разрешение губернатора и под контролем ближайшего военно-спортивного комитета.

В циркуляре пояснялось, что деньги, выделяемые казной на допризывную подготовку, являются собственностью учебного заведения, отчету не подлежали, а поэтому остаток средств должен был расходоваться на оборудование гимнастических залов, устройство спортивных площадок, приобретение деревянных ружей, на покупку сапог, гимнастеров, т. е. всего необходимого для проведения занятий инвентаря². Специально оговаривался вес деревянного ружья, который должен был составить не менее 8,5 фунтов со штыком, причем его центр тяжести должен был находиться между прицелом и штыком.

Размер вознаграждения преподавателей и инструкторов в средних учебных заведениях с учетом накопленного опыта, согласно циркуляра, следовало дифференцировать. Для лиц со специальным образованием и офицеров оплата составляла не более 2 руб. за 40-минутный урок и не более 3 руб. за 60-минутный урок. Для инструкторов, к которым причислялись и унтер-офицеры и другие нижние чины – 1 руб. 10 коп. за 40-минутный урок и 1 руб. 66 коп. за 60-минутный урок³.

Несмотря на ряд сложностей и проблем, сохранившиеся отчеты попечителей учебных округов демонстрируют, что военная подготовка была во втором полугодии учебного 1915/1916 года внедрена в средние учебные заведения Российской империи. Общие данные по всем учебным округам отражены в таблице 1.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 177. Л. 331 (б).

² Там же. Л. 331 (б) об.

³ Там же. Л. 331 (в)

Таблица 1. Количество учащихся, проходивших допризывную подготовку по всем учебным округам Российской империи.

Название округов	Количество учебных заведений, в которых была организована допризывная подготовка	Число учащихся		Число учащихся, освобожденных от допризывной подготовки		
		Занимавшихся допризывной подготовкой	Окончивших допризывную подготовку	По болезни	По причине поступления в военные училища	По другим причинам
Петроградский	105	3181	2223	222	173	238
Виленский	34 (?)	1361	681	83	54	60
Оренбургский	39	1099	658	114	62	35
Одесский	128	2999	2047	277	172	133
Варшавский	24	555	362	37	6	7
Западно-Сибирский	35	855	314	54	40	43
Рижский	55	1233	800	107	61	44
Харьковский	93	3068	2349	245	106	222
Туркестанский	6	123	117	21	15	1
Московский	144	4728	3427	479	194	114
Казанский	70	2180	1381	150	105	32
Киевский	?	2268	1493	250	206	181
Кавказский	72	2700	1591	172	50	131
Восточно-Сибирский	12	374	202	24	27	7
Приамурский	20	555	299	28	23	29
Всего:	837	27279	17944	2263	1294	1277

Составлено по: РГВИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 177. Л. 271–272.

Данные по ряду губерний были неполными. Прежде всего, это касалось Виленского учебного округа¹. Так, попечитель округа сообщал в августе 1916 г. во Врачебно-санитарную часть учебных заведений Министерства народного просвещения, что допризывную подготовку удалось ввести в 12 мужских учебных заведениях из 33-х существовавших на тот момент в округе. Основные причины объяснялись «обстоятельствами военного времени», а именно: оккупацией части губерний или разорением их территорий в ходе военных действий. В результате чего 11 гимназий были полностью закрыты, а в девяти гимназиях из-за отсутствия учащихся не было старших классов. Из 11 реальных училищ подготовка была организована в 9, а 2 училища на тот момент не функционировали. Высшие начальные училища Виленской, Гродненской и Ковенской губерний по большей части не работали. Имелись лишь сведения по Могилевской и Минской губерниям².

В начале 1917 г. генерал-майор В.Н. Войков обратился в Министерство финансов с ходатайством об отпуске чрезвычайного сверхсметного кредита в 800000 руб. на предстоящие полгода для последующего его распределения учебным заведениям и спортивным обществам, организующим допризывную подготовку, и на расходы по содержанию военно-спортивных комитетов. К этому времени выделенная на «мобилизацию спорта» сумма в 620750 руб. была по большей части израсходована. Так, по расчетам на 1 ноября 1916 г. на подготовку 22111 человек и 187 инструкторов было потрачено 451570 руб. и выдано аванса на последующую работу – 39200 руб. Кроме этого, на почтовые, канцелярские, хозяйственные расходы и делопроизводство была выделена 71000 руб. Общая сумма уже истраченных денег составила 561770 руб.³

Из отчета следовало, что из общего количества 325 военно-спортивных комитетов полный курс подготовки был реализован лишь в 246. Таким образом,

¹ Территориальная единица управления учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения, охватывавшая несколько губерний на западе Российской империи, а именно: Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Витебскую, Могилевскую.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 177. Л. 271–272.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 931. Л. 48 – 48 об.

22111 подготовленных призывников распределялись в среднем по 108 чел. на комитет. Исходя из этих цифр, генерал-майор В.Н. Воейков полагал, что в 325 открытых комитетах удастся подготовить в 1917 г. примерно 32000 человек, а для этого, соответственно, потребуется сумма в 650000 руб. На подготовку инструкторов в количестве 500 человек по его подсчетам будет затрачено 25000 руб., на прочие расходы – приблизительно 71500 руб. Таким образом, общая сумма должна была составить 746500 руб.¹ Предусматривая расширение деятельности уже существовавших военно-спортивных комитетов, планируя открытие новых, В.Н. Воейков запрашивал общую сумму ассигнования в 800000 руб.

Ходатайство было рассмотрено образованным межведомственным совещанием при Министерстве финансов, «которое не встретило со своей стороны препятствий к ассигнованию на указанные надобности» с отпуском средств «по мере действительной необходимости»². В результате оно было внесено на рассмотрение Совета министров. Однако в связи с изменившейся внутривластной ситуацией так и не было окончательно одобрено. В счет запрошенного кредита в распоряжение главнонаблюдающего был выделен аванс в 200000 руб.³

Согласно постановлению Исполнительного комитета Государственной думы от 3 марта 1917 г. и распоряжению Министра народного просвещения уже Временного правительства от 7 марта 1917 г., допризывная подготовка должна была быть продолжена. Её руководителем был назначен бывший заместитель главнонаблюдающего И.Е. Срезневский, получивший должность «уполномоченного Временного правительства по делам допризывной подготовки и физического развития»⁴. В его распоряжение было выделено 100000 руб.⁵

Допризывная подготовка, действительно, реализовывалась в учебных заведениях по всей России вплоть до наступления летних каникул. Представление нового

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 931. Л. 49.

² Там же. Л. 49 об.

³ ГАРФ. Ф. 1778. Канцелярия министра председателя Временного правительства. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 об.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 177. Л. 382.

⁵ ГАРФ. Ф. 1778. Канцелярия министра председателя Временного правительства. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 об.

уполномоченного было подготовлено для доклада 1 июня 1917 г. на совещании товарищей министров Временного правительства. В нем речь шла о выделении следующего аванса в 200000 руб.¹ Однако циркуляром от 15 июня 1917 г. деятельность военно-спортивных комитетов, а вместе с ними и допризывная подготовка были приостановлены до специального решения нового состава Временного правительства².

В сентябре уполномоченные по российским учебным округам получили уведомление от уполномоченного по делам допризывной подготовки и физического развития, что «по финансовым затруднениям, претерпеваемым в настоящее время государством, дальнейший отпуск кредитов на дело ведения допризывной подготовки прекращен»³. Директора учебных заведений, которые в начале учебного года решали проблему кадрового состава и его финансового обеспечения, в том числе это касалось преподавателей и инструкторов «военного строя», обратились за подробными разъяснениями в Министерство народного просвещения. Попечители учебных округов 5 октября 1917 г. получили очередной циркуляр от Департамента народного просвещения, в котором сообщалось о приостановке циркуляра от 23 декабря 1915 г., и изданных в дополнение и разъяснение к нему последующих распоряжений «по осуществлению мероприятий, изложенных в Положении 8 декабря 1915 г. о мобилизации спорта».

Таким образом, реализация программы «мобилизации спорта» в Российской империи заняла достаточно короткий период, а именно 1916 – весна 1917 гг. За это время предвоенной подготовкой оказались охваченными, прежде всего, учащиеся мужских средних учебных заведений далеко не в полном их составе. «Скромные» успехи начинаний В.Н. Воейкова объяснялись многими причинами, ряд из которых уже упоминался выше. Прежде всего, необходимо выделить долгий путь межведомственного согласования процесса реализации программы, недостаточно ясные

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Канцелярия министра председателя Временного правительства. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 177. Л. 391.

³ Там же.

указания и инструкции, которые не всегда вовремя доходили до губерний, малое количество имевшихся инструкторов военного строя на местах, нехватка соответствующих помещений и отсутствие необходимого оборудования.

В то же время необходимо отметить, что сама идея дополнительной физической и строевой подготовки молодежи оказалась востребованной уже в ближайшей исторической перспективе. Советская власть в полной мере оценила ее потенциальные возможности, приняв в апреле 1918 г. «Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству»¹, а в его развитие «Декрет об организации допризывной подготовки и спорта», в рамках которого Совет народных комиссаров постановил: «К обязательному прохождению допризывной подготовки привлечь граждан подготовительного периода в возрасте 16-18 лет»². Существующие в стране спортивные организации, клубы, площадки, в том числе Главная гимнастическо-фехтовальная школа и их имущество передавались в ведение Центрального управления всеобщего военного обучения. Тем самым закладывались не только основа всеобщей предвоенной подготовки, но и организация массового спорта в масштабах страны.

¹ Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 151.

² РГВА. Ф. 33988. Секретариат заместителя председателя РВСР. Оп. 2. Д. 146. Л. 192.

ГЛАВА III

УЧАЩИЕСЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УЧАСТИИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ТЫЛА В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

3.1. Сельскохозяйственные дружины учащихся средней школы как элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны

В условиях практически любой затяжной войны, а Первая мировая была ярким тому подтверждением, перед всеми странами-участниками вставала задача активного включения в своеобразное соревнование, предусматривавшее накопление беспрецедентного количества людей, трудившихся в тылу и воевавших на фронте, а также огромных материальных ресурсов. Проблема заключалась в том, что до начала активных военных действий ни один из их участников не представлял объемов будущих расходов и масштабов предстоящей экономической мобилизации на нужды фронта.

До войны в российской армии насчитывалось 1,4 млн человек, уже по первой всеобщей мобилизации было призвано в войска 3,9 млн человек, а до конца 1914 г. – еще 1,2 млн. В течение 1915 г. из-за значительных потерь под ружье было поставлено 5 млн человек, и общее количество к концу года доведено до 11,5 млн. В течение первой половины 1916 г. было призвано относительно немного людей – 775 тыс., но с июня того же года – еще 1,97 млн человек. Наконец, в первые два месяца 1917 г. было призвано 630 тыс. Таким образом, с начала войны армия поглотила 14,9 млн человек трудоспособного населения¹.

По официальным данным, опубликованном в «Правительственном вестнике» и воспроизведенным в журнале «Трудовая помощь», деревня в Европейской России для пополнения действующей армии дала около 5,5 млн воинских

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во «Наука», 1973. С. 450.

чинов, что составило 20% общего числа крестьян в рабочем возрасте, определяемом в 27 млн человек. Уменьшившимся и по количеству, и по качеству силам предстояло обработать свыше 100 млн десятин, т. е. на каждого рабочего приходилось из них по 5¹. В азиатской части страны эта ситуация была еще острее из-за бóльшей площади запашек на одну крестьянскую семью.

Российская власть оказалась захваченной врасплох, но это не освобождало ее от необходимости в срочном порядке решать насущные проблемы. Война началась 19 июля 1914 г. по старому стилю (1 августа по-новому), как раз во время уборки урожая. В средней полосе на июль приходился сенокос, уборка хлеба (озимая рожь была основной культурой в крестьянском хозяйстве), вспашка земель, находившихся под паром. В августе в разных районах продолжалась уборка и молотьба, сев озимых.

Все же, несмотря на значительные трудовые потери, мобилизация 1914 г. еще не могла катастрофически сказаться на ходе уборочных работ. На первых порах в деревне взаимопомощь и общественная поддержка оказали содействие семьям призванных в войска. Однако традиционной взаимной поддержкой в рамках общины, которая с каждым новым воинским призывом теряла свой трудовой потенциал, проблему недостатка рабочих рук в деревне было решить уже невозможно. Спустя короткое время помощь потребовалась половине крестьянских хозяйств.

Одновременно ситуация 1914 г. в аграрном секторе характеризовалась прогнозами низкого урожая в отношении значительной части сельскохозяйственных культур². Рассматривая валовый сбор хлебов, отраженный в научной литературе, приходится констатировать, что «урожай 1914 г. был значительно хуже урожая 1913 г., а урожай 1915 г. в силу благоприятных условий погоды

¹ Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь. 1915. № 6. Июнь. С. 37.

² Речь. 1914. № 176. 1 июля.

был намного выше урожаев предвоенного пятилетия. В 1916 г. хлеба уродились хуже, чем в 1915 г., но не хуже довоенных лет, хотя по ряду районов урожай был плохой, а 1917 г. дал ещё большее снижение урожайности»¹.

В сложившихся условиях создание трудовых дружин из учащейся молодежи для оказания помощи сельским жителям выступало в качестве одной из возможностей пополнения рабочей силы. Начавшись летом 1914 г., трудовая деятельность учащихся продолжалась до середины 1917 г. и при этом постепенно стала обретать строго разработанные правила.

Авторы публикаций, посвященных деятельности молодежных трудовых дружин, едины в оценке сроков и места их возникновения. Брошюра, выпущенная в 1916 г. Департаментом земледелия, констатировала: «Трудовые отряды для работ в хозяйствах воинов – были едва-ли не впервые применены в сельскохозяйственных учебных заведениях Министерства земледелия уже осенью 1914 года»². В журнале «Русская школа» на этот счет присутствовала своя информация: «Насколько позволяют судить литературные данные, еще осенью 1914 года трудовая помощь в деревне на полях семей запасных была частично осуществлена учащимися сельскохозяйственных низших и средних учебных заведений ведомства Главного управления землеустройства и земледелия»³.

В отличие от выводов, содержащихся в брошюре Департамента земледелия, автор публикации в журнале говорил о трудовой помощи, а не о трудовых дружинах, т. е. не об организованной системе поддержки крестьянских хозяйств, а об инициативе, исходившей от самих учащихся. Этой же точки зрения придерживаются исследователи И.В. Фомичев и В.М. Крюков, которые обозначили возникновение этой инициативы периодом летних каникул 1914

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 467.

² Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. Пг., 1916. С. 1.

³ Лебедев С. Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Русская школа. 1916. Январь. Кн. 1. С. 1.

г.¹ Подобные сведения содержатся в докладной записке И.Н. Ливчака, являвшегося инспектором Могилёвской мужской, имени императора Александра I гимназии. Документ хранится в Российском историческом архиве (РГИА): «Первоначально их труд носил неорганизованный характер, учащиеся трудились на собственных землях отдельно друг от друга и об их работе знали только родственники и ближайшие соседи»².

Начало учебного года в общеобразовательных школах должно было состояться уже в августе, поэтому первые попытки организованной помощи были предприняты в белорусских специальных учебных заведениях Главного управления землеустройства и земледелия и студентами педагогических учебных заведений. Этот факт выделяет в своей работе историк С.В. Букалова, относя его к воспитанникам Витебского учительского института и Полоцкой учительской семинарии³. Подробности содержатся также в докладной записке того же И.Н. Ливчака: «Первую ячейку трудовой организации основали по инициативе учебного начальства воспитанники Витебского учительского института и Полоцкой учительской семинарии. Учащиеся собирались втроём, вчетвером, ходили из деревни в деревню, оказывая помощь наиболее нуждавшимся семьям. В свободное от полевых занятий время, они же учили грамоте крестьянских ребят. Их примеру последовали другие учительские семинарии»⁴.

¹ Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы Первой мировой войны // Материалы третьей международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы», г. Пинск, 23-25 апреля 2009 г. Пинск, 2009. Ч. 2. С. 27–28.

² Рабочие дружины из учащихся Виленского учебного округа на полевых сельскохозяйственных работах в 1916 году // РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 224.

³ Букалова С.В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодёжной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 143.

⁴ Рабочие дружины из учащихся Виленского учебного округа на полевых сельскохозяйственных работах в 1916 году // РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 224.

Рассмотрение начального процесса создания трудовых дружин учащихся, на наш взгляд, оставляет за рамками причин их возникновения ситуацию, связанную с условиями развернувшихся военных действий, характеризовавшихся особыми отношениями гражданских и военных властей. Последним подчинялась не только губернская администрация, но и значительная часть центральных государственных учреждений, интересы которых были так или иначе связаны с территориями, находившимися в непосредственной близости от фронта.

Этим объясняется признанное всеми авторами первенство Минской и Виленской губерний в создании трудовых дружин. В самом начале войны сложившаяся военно-окружная система претерпела изменения, и основная часть бывших Виленского и Варшавского округов вошла в состав вновь созданных Двинского и утвержденного 28 июля 1914 г. Минского, оказавшихся в центре военных событий¹. В штабе Верховного главнокомандующего, который с начала войны располагался в Барановичах Новогрудского уезда, был сформирован новый специальный отдел, возглавляемый А.А. Лодыженским и предназначенный для руководства гражданскими делами военной администрации².

Назначение этой структуры – решение дел гражданского управления в 33 губерниях, объявленных на военном положении. Гражданские власти руководствовались законами мирного времени, но при этом контролировались военным командованием. Часть территорий Минского военного округа вошла непосредственно в войсковой район, а остальная выступала в качестве тыловой, т. е. обеспечивала материальными ресурсами армии, находившиеся непосредственно на фронте. Именно эти районы, находясь в непосредственной близости от военных действий и пополняя состав войск, в наибольшей степени пострадали с точки зрения людских ресурсов. Этим объясняется активность Главного управления землеустройства и земледелия, губернского земства и

¹ Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 31.

² Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж: [Б. и.], 1984. С. 38.

минского губернатора Алексея Федоровича Гирса в деле создания трудовых дружин.

Еще одно важное обстоятельство, касавшееся первенства учебных заведений Виленского учебного округа в деле организации помощи учащимся в осуществлении полевых работ, объясняется тем обстоятельством, что на этой территории контингент обучавшихся преимущественно состоял из крестьянских детей, знакомых с полевыми работами. Все «учительские семинарии, гимназии: Мозырская, Слуцкая, реальные училища: Паневежское, Пинское, Рогачевское и ряд других учебных заведений, особенно в уездных городах, почти наполовину состоят из учащихся детей крестьян»¹, которые стали помогать родственникам и односельчанам, а их пример вылился в широко распространенную инициативу, подхваченную самими учащимися средних учебных заведений по всей стране.

В Главном управлении землеустройства и земледелия были собраны сведения о помощи учебных заведений хозяйствам запасных в течение осеннего периода 1914 г. В этих работах приняло участие 79 сельскохозяйственных учебных заведений из 48 разных губерний и областей. Характер оказанной ими агрономической помощи зависел от запросов населения, а также от наличия в самом учебном заведении сельскохозяйственного инвентаря*, от состава учащихся и учителей.

¹ Рабочие дружины из учащихся Виленского учебного округа на полевых сельскохозяйственных работах в 1916 году // РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 224.

* Крестьянские хозяйства не могли обеспечить целую дружину необходимым инвентарем. Некоторые из наиболее необходимых для летних работ орудий труда, например, косы являлись предметом острого дефицита, поскольку большая их часть для России производилась в Австрии, теперь воевавшей на стороне Германии. Из Вильно был также эвакуирован «Подковный и гвоздильный завод Э.Л. Посселя», который производил подковные гвозди, шипы, кавалерийские подковы и ковочный инструмент, в том числе косы. Осталось лишь одно предприятие – уральский Артинский завод, который был в состоянии удовлетворить лишь 15 % годовой потребности в косах (См.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 454). Коса являлась также таким «тонким сельскохозяйственным орудием», что каждый должен был иметь свою косу, освоиться с ней. В противном случае это сильно понижало продуктивность труда. «Непривычная коса – это хуже, чем для музыканта чужой инструмент» (*Чембулов Ф.З.* Трудовые дружины учащихся. Доклад совещанию по организации посевной площади в 1917 г. 22-24 ноября 1916 г. // РГИА.

Наиболее интенсивная помощь учебных заведений выразилась в форме организации дружин учащихся с сельскохозяйственным инструментом и рабочим скотом, но таких «центров поддержки» было немного. В остальных случаях наряду с полевыми работами оказывалась самая разнообразная хозяйственная помощь: собирали, например, валежник, участвовали в ремонте помещений, участвовали в сборе и сушке фруктов и овощей и т. д.¹

Таким образом, осенний полевой период 1914 г. в стране был относительно благополучно завершён благодаря общим усилиям односельчан, помогавшим семьям ушедших на фронт и местных организаций Главного управления землеустройства и земледелия. Зато к весне следующего года помощь деревне обрела более организованный характер. Со стороны государства были определены правила для использования в сельскохозяйственных работах труда военнопленных, предусматривалось широкое участие уездных земских управ, волостных попечительств, а также отделений Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, объединявших деятельность правительственных и частных учреждений.

Однако в данном случае речь шла об относительно крупных хозяйствах и помещичьих имениях, куда направлялись, например, по ходатайствам хозяев пленные из близлежащих лагерей. В мелких крестьянских хозяйствах труд учащихся, которые проявили огромный интерес к этому начинанию, зачастую становился незаменимым.

Ситуация с недостатком работников резко изменилась в 1915 г., особенно во время уборки хлебов. В этом году из 81% губерний последовали сообщения о нехватке рабочих рук². Вероятно, этим объясняется визит 27 июля 1915 г. А.А. Лодыженского вместе с главным начальником Минского военного округа в распоряжение трудовой дружины учащихся в деревне Малые Луки,

Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 67). Дружинники должны были, ко всему прочему, быть снабжены косами малого размера (трёх четвертей).

¹ Прибавление к Вечернему времени. 1915. № 1177. 14 июля.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6840. Л. 1.

недалеко от Барановичей. Результатом поездки явилось распоряжение при-
слать материалы по организации первых трудовых дружин в России¹.

Инспектор сельского хозяйства Минской губернии А.В. Вельяминов-
Зернов составил записку «К вопросу об организации первых в России трудо-
вых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в деревнях
Минской губернии». Из нее следовало, что крестьянским хозяйствам не хва-
тало агрономической и трудовой помощи и после проведённого экономиче-
ского обследования семей, «обездоленных в отношении рабочих сил», к ним
были направлены организованные отряды трудовых дружин учащихся для
«мирного труда на ниве сельского хозяйства»². Инспектор Могилёвской муж-
ской гимназии И.Н. Ливчак, отмечал роль минского губернатора в деле пра-
вильной организации трудовых дружин. Он образовал комиссию из начальни-
ков учебных заведений города, членов землеустроительной комиссии, участ-
ковых агрономов и других лиц³.

Из состава учащихся старших классов средних и низших учебных заве-
дений в начале апреля 1915 г. были составлены списки добровольцев, которые
поступили для одобрения руководителям учебных заведений. После полной с
их стороны поддержки к делу создания трудовых дружин был подключен аг-
рономический персонал Главного управления землеустройства и уездные ад-
министрации во главе с предводителями дворянства, представителями от
местного Елизаветинского комитета. Минским губернатором 18 апреля 1915
г. были утверждены «Основные правила», подготовленные всё тем же А.В. Ве-
льяминовым-Зерновым.

Ключевые моменты этого документа явились основой деятельности тру-
довых дружин во многих регионах страны. Министерство народного просве-

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 161. Военно-политическое и гражданское управление при
Верховном главнокомандующем.

² Там же. Л. 162 об.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 224.

щения 6 июня 1915 г. направило попечителям учебного округа письмо, в котором отметило, что призыв на действительно военную службу большинства работоспособного населения империи «не может не вызывать опасения за благополучное течение полевых работ и своевременную уборку урожая», поэтому ведомство предлагало учебным заведениям принять к руководству начинание минского губернатора.

В то же время министр народного просвещения П.Н. Игнатъев высказал свое отношение к сформулированным единым правилам: «При этом считаю необходимым пояснить, что от правил этих могут быть сделаны отступления, сообразно местным условиям и особенностям, и что средства на организацию и содержание дружин должны быть изысканы в местных источниках (земства, благотворительные общества и т. п.)¹. Напомним, что на момент начала подготовки участия учащихся в сельскохозяйственных работах в Министерстве народного просвещения проходила активная стадия разработки предполагаемой реформы школы. Практически весь апрель 1915 г. прошел в совещаниях, на которых обсуждались эти проблемы, поэтому, как и в 1914 г., министерство не выступило в качестве главного инициатора и руководителя намечавшегося движения учащихся.

По-прежнему активную роль в решении проблем, остро вставших перед российским сельским хозяйством, играл главноуправляющий землеустройством и земледелием Александр Васильевич Кривошеин, в ведомстве которого П.Н. Игнатъев служил до назначения его на пост министра народного просвещения. А.В. Кривошеин обратился 30 июня 1915 г. к бывшему подчиненному с письмом, в котором сообщил о своем распоряжении в адрес начальников сельскохозяйственных учебных заведений, которых обязал оказывать содействие дружинам, созданным из учащихся. По мнению главноуправляющего: «Участие в таких сельскохозяйственных работах является средством развития у учащихся добрых чувств и предоставления возможности ближе

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 7 об. – 8.

ознакомиться сельской жизнью и природой. Считаю, что было бы полезным организовать такие сельскохозяйственные занятия и на будущее время»¹.

В ответном письме министр народного просвещения высказал свою точку зрения на эту проблему, не вполне совпадавшую с позицией А.В. Кривошеина: «Что же касается придания дружинам постоянного характера, то, вполне сочувствуя этой мысли, я вместе с тем полагал бы, что вопрос этот был бы целесообразнее поставить на очередь по наступлении нормальных условий жизни, когда при том выяснятся и результаты деятельности дружин»².

Немаловажным фактором оценки работы учащихся являлась материальная составляющая, поскольку дружинников надо было привозить из города и отвозить их обратно, а главное – обеспечивать питанием, причем значительно лучшим, по сравнению с обычной крестьянской пищей. Необходимость кормить работников в ненастные дни, каковых в начале лета было обычно много, также являлась причиной неудобств, поскольку работа дружин могла обойтись значительно дороже, чем наем простых поденных рабочих³.

Сохранившиеся сведения о средствах, отпущенных на содержание трудовых дружин не позволяют точно определить масштабы организационных расходов из-за многообразия ситуаций, территориальных, временных и других особенностей этого широкомасштабного явления. Некоторые работники из учащихся вполне довольствовались крестьянской пищей, другие в условиях непривычного тяжёлого труда не могли приспособиться к крестьянскому пайку и получали, например, 6 руб. в месяц от Комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны⁴.

Осторожность выводов П.Н. Игнатьева во многом также была связана с финансовыми проблемами, поскольку ни в 1914, ни в 1915 гг. не были точно

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 45.

² Там же. Л. 46 об.

³ Там же. Ф. 398. Оп. 75. Д. 639. Л. 19 об.

⁴ *Вельяминов-Зернов А.В.* К вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в Минской губернии. М.: Тип. Т-ва Сытина, 1916. С. 11.

определены источники содержания дружин учащихся. Очевидным было только то, что с крестьянских хозяйств оплату труда дружинников брать не следовало, да и сами крестьяне в своем большинстве с этим были бы не согласны.

Примером сложности финансирования дружин может служить следующий сохранившийся отчет: «На работы дружин было израсходовано 221 руб., в том числе на продовольствие – 177 руб. 38 коп., на инвентарь – 34 руб. 51 коп., на извозчиков – 9 руб. 11 коп. Средства были получены из следующих источников: от Елизаветинской комиссии – 100 руб., от устроенного гуляния – 132 руб. Кроме того, управой было израсходовано на вспашку, уборку, перевозку хлеба – 306 руб.»¹ Особой статьей проходило вознаграждение технику, наблюдавшему за работой предоставленных сельскохозяйственным обществом для дружины машины-жнейки, молотилки и веялки.

Исходя из сметы, составленной петроградским обществом «Народная помощь» и входившим в него Родительским кружком, в августе 1915 г. на каждого дружинника в месяц требовалось 15 руб. Расходы по сбору, отправке на место и на приобретение инвентаря на каждую дружину составляли 50 руб. Считая, что учащиеся должны были пробывать на работе с уборкой хлеба около 2 месяцев, на содержание каждой дружины из 15 человек необходимо было около 500 руб.² Не оценивая детально размеры расходов, можно с уверенностью констатировать, что затраченные суммы были значительными.

Весной 1915 г. неактивная работа со стороны Министерства народного просвещения по созданию трудовых дружин не позволила вовремя привлечь в них значительное число учащихся. В качестве дополнительных мер были повсеместно подготовлены объявления следующего содержания: «Министерство народного просвещения разрешило организацию трудовых дружин из учащихся средних учебных заведений. Посему, если бы вы с согласия ваших

¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 639. Л. 20.

² Там же. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 58.

родителей пожелали вступить в такую дружину, администрация гимназии просит Вас сделать о том заявление в возможно скором времени инспектору гимназии для получения соответствующих указаний»¹.

Столичные и провинциальные газеты также были наполнены призывами к учащиеся молодёжи. Пироговское общество в Нижнем Новгороде объявляло о сборе молодёжи на работу в деревню и обещало бесплатный проезд на место, питание за счёт организаторов, предоставление необходимых орудий земством. С призывом к учащимся обращалось Западно-Сибирское общество сельского хозяйства, которое заявляло, что на переселенческих складах, которые находились в Ново-Николаевске, Барнауле, Каргате, Купине и Бийске, находились сельскохозяйственные машины и орудия. Общество организовало бесплатное обучение на сельскохозяйственных уборочных машинах для всех желающих².

Петроградская газета «Новое время» отмечала, что «пример минских дружин подействовал так заразительно, что теперь нет, пожалуй, ни одного города, в котором бы не сформировалось ученической дружины. Зовут молодёжь в поле на помощь семьям запасных общественные деятели и общественные организации, зовут их директора гимназий и реальных училищ, а кое-где, как, например, в Царицыне, они идут в поле по собственной инициативе; в одних местах дружины содержатся на средства Красного Креста, в других на средства земства»³.

В то же время в ряде мест отмечалось равнодушное отношение земских учреждений «к горячему порыву учащиеся молодёжи», иногда возникали вообще неожиданные ситуации. Так, в июле 1915 г. в «Новом времени» была опубликована заметка о посещении членом Государственной Думы, депутатом от области Войска Донского М.С. Воронковым министра народного про-

¹ Новое время. 1915. № 14130. 13 июля.

² Учащаяся молодёжь на полях // Новое время. 1915. № 14116. 29 июня.

³ К организации ученических дружин // Новое время. 1915. № 14130. 13 июля.

свещения. Во время встречи депутат сообщил, что в некоторых местностях административные органы чинят препятствия в организации сельскохозяйственных рабочих дружин из учащихся. Граф П.Н. Игнатьев был этим удивлён и выразил по поводу услышанного недоумение, так как работа учащихся в сельском хозяйстве и в оказании помощи семьям воинов признана «в центральных правительственных учреждениях полезной во всех отношениях»¹. Таким образом, из публикации в газете сложно сделать вывод о причинах создаваемых административных препятствий и о месте, в котором это происходило.

Однако удалось выяснить, что была еще небольшая заметка в другой петроградской газете «Биржевые ведомости» от 19 июля 1915 г. под названием «Артели учащихся для полевых работ», которая не была пропущена в номер военной цензурой, но сохранилась в архиве. В ней говорилось о том что член Государственной Думы М.С. Воронков посетил также военного министра генерала А.А. Поливанова, которому сообщил, что помощник наказного атамана области Войска Донского генерал Туроверов не разрешил собрания для организации артели учащихся для уборки полей призванных в ряды армии.

Военный министр приказал провести по этому поводу расследование, в результате которого выяснилось, что это заседание было запрещено на том основании, что атаман понял так, что предстояла встреча учащихся, а не взрослых для организации артели. Против собрания взрослых для обозначенной цели он бы не возражал². Таким образом, в этом случае проявилась устоявшаяся практика борьбы против потенциальной угрозы возникновения спланированных молодежных организаций.

Несмотря на приложенные усилия, в 1915 г. ситуацию с созданием массовых трудовых отрядов учащихся кардинально изменить не удалось. При подведении итогов работы отмечалось, что «полезная сама по себе – это мера не имела успеха на местах. Министерское распоряжение было получено

¹ Новое время. 1915. № 14133. 16 июля.

² РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 281. Л. 2.

только к июлю. Учебные заведения обращались к ученикам и через повестки от канцелярии, и через газетные публикации, но собрать учеников было трудно, а между тем ученические дружины могли бы оказать значительную помощь, в некоторых местностях из-за недостатка в рабочих рук полевые работы шли с большим опозданием, бывали случаи что поля оставались и совсем не убранными»¹.

Минская губерния, по уже названным причинам, по-прежнему была одной из передовых в деле организации трудовых дружин, а разработанные здесь «Основные правила» явились материалом для решения организационных проблем при создании отрядов из учащихся по всей стране. Летом 1915 г. в Минской губернии действовало 22 трудовых дружины, состоявших из учащихся учебных заведений Министерства народного просвещения. Из них только 8 были составлены из учеников городских средних учебных заведений и 14 – из низших, с общим количеством 280 человек².

Дружины трудились на «вспашке и бороновании паров, заделке яровых посевов, запашке навоза, расчистке луговых и лесных площадей, уборке сена, озимых, яровых хлебов и т. п. хозяйственных операциях»³. Обычно помещения для проживания дружинников в деревнях служили (с разрешения учебных властей) здания народных школ, которые пустовали в течение летних каникул. Чаще всего одна из комнат использовалась для ночлега, а другая служила для приема пищи. Рабочий день начинался с 6 часов утра, в 12 дня наступал часовой перерыв на обед, затем работа возобновлялась до 7-8 часов вечера с получасовым перерывом на вечерний чай. С 8 часов вечера дружинники отдыхали, некоторые из них отправлялись в город⁴.

Практически можно говорить о мобилизации учащихся на решение проблем, связанных с осуществлением сельскохозяйственных работ в пользу

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 65–65 об.

² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 163.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 173 ж.

снабжения армии. При этом регулярно присутствовало обоснование полезности привлечения учащихся к «здоровому сельскому труду» в целях решения государственно-воспитательных задач подготовки будущих общественных деятелей.

Наиболее общие положения правил, подготовленных в Минской губернии, сводились к следующему: запись обучающихся в старших классах осуществлялась поуездно, добровольно, с ведома учебного начальства и с согласия родителей; во главе каждого коллектива, численностью не более 15-20 человек, должен был находиться особый начальник, – местный учитель народных школ или с. х. староста; дружинники за свой труд не получали никакого особого вознаграждения, кроме еды и жилья от обслуживаемых крестьянских хозяйств (расходы крестьян предусматривалось компенсировать за счет средств отделений Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны); распределение трудовых дружин производилось начальниками учебных заведений по предварительному соглашению с агрономами землеустройства в конкретном уезде; разрешение всех вопросов, касавшихся организации работ, находилось под контролем уездной и губернской администрации¹.

Отдельно в § 7 было оговорено передвижение трудовых дружин на значительные расстояния из одной части уезда в другую. Оно «должно быть совершенно исключено для пользы дела, а потому трудовые дружины обслуживают лишь тот район (волость), откуда записались учащиеся»². Опасения относительно возможного хаотичного передвижения учащихся на территориях, приближенных к линии фронта, были вполне объяснимы.

В мае в Минском, Борисовском, Бобруйском и Новогрудском уездах было сформировано 13 дружин³. В начале июля 1915 г. император, осведомившись из доклада губернатора об усердии, с которым трудовые дружины уча-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 32.

² Там же. Л. 10.

³ Новое время. 1915. № 14062. 5 мая.

щихся в Минской губернии работают на полях своих старших братьев, защитников Родины, помогая их семьям, повелел передать дружинникам свою благодарность¹. Департамент земледелия 31 декабря 1915 г. наградил активных воспитанников средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений, участвовавших в помощи хозяйствам запасных, книгами сельскохозяйственного содержания с надписью на лицевой стороне переплёта «за участие в деле агрономической помощи семьям воинов в войну 1914 года»².

В 1916 г. был учрежден специальный нагрудный знак, утвержденный 28 июня императором. «Знак имел вид медали и носился на левой стороне груди. С внешней его стороны на зеленом эмалевом фоне помещался вензель великой княгини Елизаветы Федоровны. Средняя часть окружена эмалевым белым ободком с золотой надписью "За участие в ученических дружинах"»³.

Возможные отступления от правил, разработанных в Минской губернии, о которых говорил П.Н. Игнатъев, произошли при организации трудовых дружин в столичном Петрограде. В апреле 1915 г. в газетах было опубликовано обращение к молодёжи от Петроградского родительского кружка, в котором говорилось о желательности использования продолжительного летнего отдыха учащихся для посильной помощи семьям воинов в сельскохозяйственных работах⁴. Тогда же были разработаны правила по созданию трудовых дружин и указания для их организаторов.

По сравнению с «минской», в инструкцию родительского кружка были заложены принципы, нацеленные на создание условий для осуществления воспитательного процесса в ходе летних работ учащихся. Например, заявлялось

¹ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14943. 4 июля.

² Дело о выдаче наград ученикам сельскохозяйственных учебных заведений, участвовавшим в организации агрономической помощи семьям призванных в войска // РГИА. Ф. 398. Оп. 72. Д. 29616. Л. 112.

³ Карпова В.В. К вопросу о формах поощрения участников ученических сельскохозяйственных дружин в годы Первой мировой войны // XXIII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. СПб., 2019. С. 189.

⁴ Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь. 1915. № 6. Июнь. С. 37.

о желательности предоставления участникам дружины более широкой самостоятельности и самоуправления, для чего они могли из своей среды выбрать старосту, на которого возлагались бы все хозяйственные заботы, и наблюдение за порядком в дружине, налаживание отношений с местной сельской интеллигенцией. Разумеется, эта самостоятельность не исключала постоянного посещения дружины наблюдателями (лучше всего педагогами), которые являлись бы её защитниками и советниками¹. Они также поддерживали связь с местным земством или сельскохозяйственным обществом, которые указывали районы, наиболее нуждавшиеся в помощи дружины, оказывали агрономическую поддержку, содействовали размещению дружинников².

В петроградской инструкции говорилось также о «мужских» и «женских» дружинах, которые должны были формироваться отдельно. Женские, в отличие от мужских, предназначались для обслуживания домашнего хозяйства, а также по их желанию – полей, огородов, садов. Например, в Таганроге из 25 учениц старших классов женской гимназии была образована артель, которая трудилась в поле и, по мнению местных жителей, справлялись с работой гораздо лучше, чем подёнщицы³. Зато в Перми местные женские средние учебные заведения на призыв помочь населению образовали особые отряды из старших учениц для работы в детских сельских дневных приютах и яслях⁴.

В инструкции Родительского комитета рекомендовалось предварительно съездить на место будущих работ, попытаться заранее преодолеть возможное недоверие со стороны крестьянства. «Желательно, чтобы дружина от крестьян получала не только совет и, при установившихся добрых отношениях, некоторые услуги: женщина, у которой дружина работает, может приготовить им обед, для переезда крестьяне могут дать им лошадь и т. д., но все

¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 639. Л. 22.

² Там же.

³ Новое время. 1915. № 14119. 2 июля.

⁴ Там же. № 14134. 17 июля.

продукты – молоко, сено для постели, а при условии не сложившихся отношений и все услуги, должны оплачиваться, так как требования со стороны дружинников в обмен своей работы дорогих продуктов и услуг легко может возбудить в крестьянах недоверчивое и враждебное к ним отношение¹.

О проблемах отношений крестьян к школьным дружинам писала газета «Речь». Организовавший дружину учитель Мышкинского высшего начального училища в Ярославской губернии рассказывал, что крестьяне одной из деревень говорили следующее: «И, барышни, не за свое дело взялись! Зачем от нас отбивать хлеб. Поди, ведь казна вам платит немало? Как вы получаете: поденно или помесечно? Что бы эти денежки нам, крестьянам, дали, мы бы и сами все сработали»². Местные администраторы пытались убедить крестьян, что дружина прибыла работать бесплатно, но те все же опасались, как бы за эти работы земство потом не стало высчитывать и, не лишат ли из-за них «царского пайка», полагавшегося по закону семьям находившихся на фронте³. Устойчивыми были рассуждения о том, что «барышни и кавалеры» отнимают у них заработок, а казна «незнамо за что платит им деньги»⁴.

В Минской губернии учащиеся, к удивлению местного населения, успешно трудились на полях, и крестьян стал волновать вопрос: «А кто же будет платить им за работу?» Когда местному населению стали разъяснять, что дружины будут работать для них бесплатно, недоверие всё-таки сохранялось. В одном из мест сомнения разрешило только высказанное одним из крестьян соображение: «Так значит вас Царь прислал нам на помощь? Да, да именно царь прислал»⁵, – ответили руководители дружин, и вопрос оказался исчерпан.

Кустанайское сельскохозяйственное общество констатировало, что помощь учащихся реального училища и женской гимназии не состоялась из-за

¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 639. Л. 22.

² Речь. 1915. № 195. 18 июля.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 232.

⁴ Речь. 1915. № 195. 18 июля.

⁵ Оздоровление молодёжи // Новое время. 1915. № 14109.

категорического отказа крестьян. «Причинами явилась вообще крайне некультурность населения, заставляющая его с предубеждением относиться ко всякому новому явлению, нарушающему обычный уклад его жизни, из-за сомнения в работоспособности этих дружин, так как они были составлены главным образом из учеников средних и младших классов реального училища. Гимназисток же крестьяне вообще не признали за рабочую силу, могущую принести пользу в их хозяйствах»¹.

В итоговом докладе совещанию по организации посевной площади в 1917 г. отмечалось повсеместное наличие «грустных фактов» отношения крестьян к дружинникам, «склонность к эксплуатации, слабая готовность предоставлять для дружинников предметы питания, стремление взять за них непомерно большую плату и т. п.»² Однако, благодаря проявлению энтузиазма в труде со стороны учащихся, повсеместно отмечалось снижение числа этих негативных проявлений, сменяемых на «признательность, часто переходящую в слёзную благодарность солдаток, искренние подношения, тёплые проводы и т. д.»³

В 1915 г. движение трудовых дружин приняло более организованные формы, по сравнению с 1914 г. они выросли численно, но полученные результаты были довольно скромными и, естественно, не могли решить проблемы, стоявшие перед сельским хозяйством страны. В докладной записке уполномоченных Могилевского губернского земства констатировалось: «Недостаток рабочих рук сильно сказался в минувшем году; урожай 1915 года полностью не был собран; посевная площадь уже сократилась, и осенняя обработка полей не была исполнена в значительной мере. Целым рядом призывов контингент сельскохозяйственных рабочих к настоящему времени ещё более сокращён;

¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 639. Л. 19.

² Чембулов Ф.З. Трудовые дружины учащихся. Доклад совещанию по организации посевной площади в 1917 г. 22-24 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 69.

³ Там же. Л. 69 об.

скотоводство идёт к уничтожению; сельскому хозяйству и производительности земли, если не будет принято соответствующих экстраординарных мер, грозит в далёком времени полное расстройство, и наши губерния, находящаяся в ближайшем тылу, не только не будет в состоянии питать армию, удовлетворяя острую и спешную нужду в фураже и других продуктах, но даже для пропитания самого населения вынуждена будет прибегать к ввозу из восточных губерний»¹. В качестве срочных мер, направленных на исправление ситуации земство предлагало ограничить привлечение местного населения для строительства оборонительных сооружений, использовать труд военнопленных и беженцев, находившихся на отдыхе войсковых частей и слабосильных команд². Ученические трудовые дружины в список возможного пополнения трудовых ресурсов не входили.

В то же время обращения к учащимся с предложением принять участие в летних работах в целях защиты хозяйств семей, потерявших на временной или постоянной основе своих кормильцев, стали наполняться новым содержанием. В условиях продолжавшейся войны такая деятельность давала возможность молодым людям реализовать свои патриотические устремления и отдать гражданский долг стране, оказавшейся в сложной экономической ситуации. Действовавшие власти в дальнейшем опирались на накопленный опыт в 1915 г.

П.Н. Игнатъев уже 7 февраля 1916 г. обратился к министру земледелия (с ноября 1915 г.) и председателю Особого совещания по продовольственному делу Александру Николаевичу Наумову с предложением организовать по примеру 1915 г. трудовые дружины из учащихся различных учебных заведений Министерства народного просвещения. В письме предлагалось привлекать агрономов и других специалистов Министерства земледелия для оказания на местах более активной помощи³.

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 171.

² Там же. 171 об. – 172.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 66 б.

Спустя десять дней, 17 февраля 1916 г., Министерство народного просвещения издало циркуляр, посвященный трудовым дружинам. В нем отмечался положительный опыт их работы и возросшая необходимость в такой деятельности в новых условиях, предлагалось отдать «свой летний досуг на дело помощи в полевых работах»¹. В документе констатировалось, что последовавшие с лета 1915 г. новые призывы военнообязанных в ряды армии ещё в большей степени ослабили кадры трудоспособного населения деревни и поставили перед государством и обществом в более острой форме задачу обеспечить ход полевых работ².

Еще спустя два месяца, 27 апреля 1916 г., в новом циркуляре министерства дополнительно отмечалась воспитательная роль участия молодежи в деятельности дружин. П.Н. Игнатьев 27 апреля 1916 г. в письме к попечителям учебных округов подчеркивал, что помимо несомненной практической пользы для нуждавшегося в трудовой помощи сельского населения, осмысленный физический труд учащихся на чистом деревенском воздухе требовал много сметливости, находчивости и настойчивости, должен был укрепить их волю³. По мнению министра, участие в трудовых дружинах должно было также восполнить «некоторую односторонность исключительно книжного знания, присущую нашей школьной молодежи»⁴. Ссылаясь на признание императором воспитательного значения для юношества участие в трудовых дружинах, министр высказывал надежду на то, что все органы учебного ведомства приложат необходимые усилия для решения поставленных производственных и воспитательных задач⁵.

¹ Циркуляр Министерства народного просвещения № 3952 «О трудовых дружинах» от 17.02.1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 62. (№ 4). Апрель. С. 80.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 67 – 67 об.

³ Там же. Л. 100 – 100 об.

⁴ Циркуляр Министерства народного просвещения № 1350 «О трудовых дружинах» от 27.04.1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 64. (№ 7). Июль. С. 22–23.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 101.

В начале февраля 1916 г. в Министерство народного просвещения стали поступать ходатайства о прекращении учебных занятий к началу весенних полевых работ. Так, 8 февраля 1916 г. главный агроном Уральской области направил министру письмо, в котором говорил о заметном сокращении в 1915 г. посевных площадей и отмечал, что весенние полевые работы обычно начинались в промежуток между 28 марта и 6 апреля и продолжались на протяжении приблизительно 3 недель, поэтому предлагалось освободить школьников досрочно от занятий, но даже не всех в старших классах, а только тех, кто войдет в состав рабочей дружины¹.

Поскольку учащимся шестого класса предстояло после окончания полевых работ держать выпускные экзамены, то их участие в дружинах могло быть допустимо лишь в исключительных случаях, а обучавшимся в седьмом классе, которым свидетельства в этом году должны были выдаваться без экзаменов на основании годовых оценок, вполне было уместно освобождение от учебных занятий в последние две недели. Всего из числа 26 учащихся седьмого класса на весенние работы изъявили желание отправиться и получили на это согласие родителей 18 человек².

В марте 1916 г. министерство разработало примерные правила для дружин и разослало их попечителям учебных округов³. Инструкция во многом повторяла подобного рода документы, разработанные в 1915 г., состояла всего из шести пунктов. В примечании ко второму из них в первоначальном проекте было сказано «достигшие 16 лет», но в окончательном варианте это ограничение было снято⁴. Вероятно, сказались опасения относительно полноты набора дружин учащихся в очередную сельскохозяйственную кампанию.

Каждая трудовая дружина должна была находиться под контролем особого лица, избираемого попечительным или педагогическим советом. В

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 73–74.

² Там же.

³ Там же. Л. 125.

⁴ Там же. Л. 127.

очередной раз оговаривалось, что дружинники должны были работать бесплатно, крестьянские же хозяйства, в которых они трудились, обязывались предоставить им кров и обычное крестьянское довольствие за особую плату. Руководителям созданных дружин предлагалось обращаться за финансированием к местному земству или в отделения Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Для подготовки дружинников агрономам предполагалось прочитать несколько лекций.

Циркуляры Министерства народного просвещения, изданные в начале 1916 г. и посвященные проблеме формирования трудовых дружин учащихся, на наш взгляд подтверждают высказанную мысль о том, что государственно-воспитательные начала в них нашли отражение лишь в процессе фактической «трудовой мобилизации» учащихся на решение проблем, возникших в стране в условиях войны. Надо также учитывать тот факт, что в течение 1915 г. были окончательно сформулированы основные положения реформы средней школы, в которых было отведено значительное место воспитательным, в том числе трудовым началам.

В решениях, связанных с использованием труда учащихся, принимаемых не только в учреждениях Министерства народного просвещения, но и в губернских и уездных администрациях в 1916 г., стали присутствовать воспитательные элементы. Более того, Министерство народного просвещения предписало всем учебным округам предоставить отчеты, в которых обязательными пунктами, наряду с численностью и результатами работ, присутствовали финансовые вопросы, проблемы отношений с местным населением и «влияние физического труда на здоровье учащихся и их психическое состояние»¹. Так, нижегородский губернатор 27 марта 1916 г. в своем обращении отмечал, что при недостатке рабочих рук в деревне учащиеся являлись рабочим резервом, наряду с военнопленными и беженцами, но при этом подчеркивал, что участие в таких дружинах «будет

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 165.

иметь немаловажное воспитательное значение и для самих учащихся, а именно: участие учащейся молодёжи своим посильным личным трудом в общем деле мобилизации сил и средств даст им нравственное удовлетворение и правильный выход патриотическому чувству, любовь к нашей деревне»¹.

Однако проблемы воспитания служили не только стимулом к созданию трудовых дружин, но в отдельных случаях препятствовали их организации. Так, попечитель Западно-Сибирского учебного округа 5 мая 1916 г. сообщал министру народного просвещения о том, что пришёл к заключению о невозможности выполнения местной инструкции по созданию дружин учащихся в средних заведениях города Томска. По его мнению, это было «неприемлемо главным образом с педагогической точки зрения, поскольку на полевых работах учащиеся неминуемо должны были соприкасаться с трудившимися там военнопленными»². Опасения были связаны с возможным отрицательным влиянием авторитета военнопленных, проблемами нравственного характера, наличием людей, соприкосновение с которыми было недопустимо в политическом отношении³. Наконец, учащиеся должны были наблюдать за военнопленными, с чем министерство было категорически не согласно: «вообще мысль передать руководящую роль юнцам необходимо признать совершенно неудачной»⁴.

Министерство отрицательно относилось также к случаям, когда учащиеся выполняли работу на платной основе. Так, в том же Томске предполагалось платить учащимся по 30 руб. за труд и 20 руб. на разъезды. «Что же касается платы за труд, то она представляется совершенно недопустимой, так как в корне подрывает самую идею добровольной жертвы (*подчеркнуто в тексте. – А.П.*) со стороны учащихся»⁵. Министерство соглашалось, что помимо обеспечения ученических дружин продовольствием, можно только предоставить учащимся обувь, которая стала к этому времени дефицитной.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 193 об.

² Там же. Л. 154 – 154 об.

³ Там же. Л. 154 – 154 об.

⁴ Там же. Л. 158.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 159 об.

Однако этот принцип не являлся абсолютным и предусматривал определенные исключения, которые были вызваны военными условиями. Так, главноуполномоченный по устройству беженцев на Северо-Западного фронте Сергей Иванович Зубчанинов 22 апреля 1916 г. обратился к министру народного просвещения с просьбой об организации сельскохозяйственных дружин, главной задачей которых являлось увеличение площади травосеяния в районе ближайшего тыла.

Увеличение посевных площадей кормовых трав должно было удовлетворить огромную потребность армии в фураже, который сложно было доставить из внутренних губерний. Учащиеся должны были обеспечиваться для работы лошадьми, полученными в результате скупки их у беженцев¹. Была установлена плата в размере 1 рубля за пуд сена из средств, которыми располагало ведомство главноуполномоченного. Дружины учащихся должны были работать совместно с работоспособными мужчинами, женщинами и подростками из беженцев.

Время, свободное от посева и уборки трав, могло быть использовано для помощи населению в удобрении, обработке и уборке полей под яровыми и озимыми хлебами, также для других хозяйственных работ, например, для заготовки дров². Плата рабочим была определена в размере 1 руб. 50 коп. за рабочий день, а учащимся – 30 руб. в месяц, предполагалось дополнительно снабдить их обувью³.

На фоне этих проблем особое звучание получила история с трудовыми дружинами, созданным по правилам Союза «Северопомощь» в апреле 1916 г. и одобренным Министерствами земледелия и внутренних дел без участия ведомства народного просвещения. Этот проект был принят для Витебской губернии и рассчитан на создание 10 больших групп людей, состоявших (каж-

¹ Там же. Л. 136 – 136 об.

² Там же. Л. 137 об.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 136 – 136 об.

дая) из 50 рабочих, 3 приказчиков, 2 старших рабочих, 5 конюхов, с обеспечением 100 лошадей, 50 плугами, 25 пружинными боронами и 50 телегами¹. На время уборки урожая к 50 рабочим добавлялись 50 учащихся старших классов средних учебных заведений. Каждая дружина делилась на 5 отрядов. Учащимся-дружинникам выдавалось по 20-25 руб. на покупку сапог и непромокаемых плащей и вознаграждение в размере 30 руб. за работу. Кроме того, предполагался сухой паек продуктами или деньгами из расчета 12-14 руб. в месяц².

В июле 1916 г. в московской газете «Русское слово» была помещена телеграмма по городу Витебску следующего содержания: «Из ряда местностей губернии поступают сведения, что трудовые дружины учащихся, организованные "Северопомощью", попали в самые неблагоприятные условия. Юношей плохо кормят, за ними нет никакого надзора, и работа у них плохо налаживается»³. Вопреки пожеланию Министерства народного просвещения, «Северопомощь» вносила «в идейное дело меркантильные соображения, нарушала важные педагогические требования и этические цели»⁴. Однако некоторые школьники не получили обещанные деньги за приобретенные плащи и сапоги, учащиеся не были выделены в отдельные дружины, оказались среди взрослых рабочих по несколько человек, т. е. «в ежедневном своём образе жизни и в распределении труда должны были подчиняться наблюдателям за работами – крестьянам, которые обращались с учащимися грубо»⁵.

Вероятно, можно по этому случаю судить о правильности принятых положений в отношении учащихся, привлекаемых к сельскохозяйственным работам. Там, где эти правила нарушались, возникали ситуации, вызывавшие взаимные претензии, отрицательный общественный резонанс, повлиявший на результаты трудовой деятельности. «Северопомощь» получила малопродуктивную работу со стороны учащихся и понесла убытки при этих работах в размере

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 207 об.

² Там же. Л. 228.

³ Русское слово. 1916. № 162. 14 июля.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 207

⁵ Там же. Л. 246 – 246 об.

48%¹. В то же время по мере роста цены на продовольствие росли расходы Министерства народного просвещения, которое стало нацеливать попечителей учебных округов на допуск определенных отступлений от установленных жестких правил, исходя из местных условий и особенностей. Средства на организацию и содержание дружин должны были изыскиваться из местных источников (земства, благотворительные общества и т. п.)², поскольку наблюдалось увеличение доли расходов за счет «специальных средств соответственных учебных заведений», т. е. денег, полученных за обучение учащихся от их родителей.

Так, в одном из отчетов от попечительств отмечалось, что «источниками содержания дружин во время полевых работ были в 23 учебных заведениях специальные средства этих учебных заведений, в 12 учебных заведениях – средства земств и специальные средства учебных заведений, в 4 учебных заведениях – средства родительских комитетов тех учебных заведений, в которых обучались дружинники и в 6 учебных заведениях средства принимавших участие в дружинах»³. Зато попечитель Виленского учебного округа сообщил летом 1916 г. в Департамент народного просвещения о том, что в округе была организована 21 дружина с общим количеством 543 учащихся и из них только 4 содержались на специальные средства соответствующих учебных заведений, а остальные получали поддержку от местных управ, из «Северопомощи» и Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны⁴. Во Владимирской губернии местное земство постановило выразить благодарность участникам трудовых дружин и внесло в смету на 1917 г. на их расходы 2200 руб. вместо 1000 руб., отпускаемых в 1915 и 1916 гг.⁵

В конце 1916 г. отмечалось, что на организацию и содержание дружин повсеместно употреблялись специальные средства учебных заведений, родительских организаций, иногда городских самоуправлений. Все эти источники

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 246 об.

² Там же. Л. 169.

³ Там же. Л. 158 об.

⁴ Там же. Л. 165.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 262.

предполагалось привлечь и в 1917 г., но учащимся рекомендовалось собственными усилиями, за счет различных благотворительных сборов, например, провести однодневный сбор под лозунгом «Трудовая помощь земледельческому населению» и т. д. создать специальный фонд¹.

В начале декабря 1916 г. минский губернатор в письме к министру народного просвещения, подводя итоги работы учащихся за год, привел следующие цифры: «Минувшим летом работало 14 дружин, в которых приняло участие 370 учащихся (270 мальчиков и 100 девочек), 29 руководителей – учителей и учительниц, 20 служащих в качестве кухарок, хлебопёков и в некоторых случаях сторожей училищ (всего 419 человек)»². Таким образом, один представитель персонала приходился на 7,5 учащихся, что, естественно, в значительной мере удорожало результаты труда. Губернатор предлагал осуществить перед новым полевым сезоном 1917 г. «созыв совещаний из начальников учебных заведений и учителей народных училищ губернии, представителей от крестьянских учреждений, а также агрономического и медицинского персонала, на которых своевременно могли бы быть выработаны меры наиболее *целесообразного* (курсив мой. – А.П.) использования труда учащихся»³.

Совещание по организации посевной площади в 1917 г., проведенное Главным комитетом Всероссийского земского союза, подвело итоги работы дружин учащихся за предыдущие годы и наметило задачи на очередной полевой сезон. В основном докладе было отмечено, что «средняя продуктивность ученической работы она невысока, но и не так ничтожна, как это иногда кажется при рассмотрении работы отдельных дружин»⁴. При сравнении результатов их работы с расходами, которые были произведены на их содержание, выяснилось,

¹ *Чембулов Ф.З.* Трудовые дружины учащихся. Доклад совещанию по организации посевной площади в 1917 г. 22-24 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 68.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 263.

³ Там же. Л. 263 об.

⁴ *Чембулов Ф.З.* Трудовые дружины учащихся. Доклад совещанию по организации посевной площади в 1917 г. 22-24 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 61 об.

что рабочий день дружинника обошёлся в 77 коп. в том числе питание – 51 коп., т. е., сумма была очень небольшой даже при нерентабельности их труда¹.

Низкая стоимость содержания учащихся на сельскохозяйственных работах объяснялась тем, что почти повсюду они имели бесплатное жильё, состоявшее большей частью из школьных помещений, одежду и обувь, за исключением отдельных случаев, носили свою, а орудие труда им предоставляли земства, сельскохозяйственные общества или кооперативные организации.

При дороговизне рабочих рук в стране в 1917 г. работа учащихся в деревне была необходима, более того, деятельность дружин сдерживала рост цен на наемный труд. Еще одним плюсом участия школьников в полевых работах являлось то, что они обслуживали главным образом слабосильные хозяйства солдаток².

В основном докладе на совещании прозвучала также критика в отношении отказа от оплаты труда учащихся. Против нее выступали преподаватели и часть родителей по соображениям отчасти педагогического свойства, а также из-за боязни чрезмерной требовательности со стороны хозяев. Земские же работники и даже сами солдатки высказывались за посильную для них оплату работы школьников, поскольку важность момента была связана со своевременной уборкой урожая и материальная заинтересованность давала определенные гарантии успеха³. В качестве компромиссного решения было принято следующее положение: «Содержание дружинников на местах должны взять на себя местные земские самоуправления, но с предоставлением им права за работы, произведённые учащимися, взимать плату»⁴.

В докладе также было отмечено, что бесплатность труда оттолкнула от участия в сельскохозяйственных работах тех из обучавшихся, которые вынуж-

¹ Там же.

² Там же. Л. 65.

³ Там же.

⁴ *Чембулов Ф.З.* Трудовые дружины учащихся. Л. 65 об.

дены были «уже на школьной скамье собственным трудом добывать себе средства к существованию»¹. Потеря этих наиболее ценных, с точки зрения трудоспособности, работников была крайне не оправданна, «поэтому для этих юношей необходимо признать не только допустимость платной работы, но и желательность»².

В марте – июле 1917 г. Министерство народного просвещения возглавлял Александр Аполлонович Мануйлов, отметившийся на этом посту циркуляром об упрощенном правописании, ставшими обязательными после прихода к власти большевиков. Его распоряжение от 17 мая 1917 г. в адрес попечителей учебных округов, констатировало мобилизацию всех сил страны Временным правительством для своевременной посевной компании и для уборки урожая. Как и в минувшие годы привлекались трудовые дружины, а их участникам без особого ходатайства позволялось оставаться на сельскохозяйственных работах до 1 сентября: «Министерство народного просвещения считает возможным установить сроком начала учебных занятий для учебных заведений всех типов 1-го сентября 1917 г.»³

В мае 1917 г. Министерством продовольствия были разработаны очередные правила по созданию губернских и уездных комитетов организации дружин. В духе того времени предполагалось созвать по окончании работ Всероссийский съезд деятелей по организации трудовых дружин учащихся. Совет съездов должен был стать главным центральным руководящим органом движения учащихся по всей России. Однако последующие революционные события, аграрные беспорядки не позволяют судить о результативности предпринятых мер⁴.

Таким образом, на начальном этапе войны государственное участие в процессе формирования и функционирования трудовых дружин, состоявших

¹ Там же.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 237 – 237 об.

⁴ См.: Карпова В.В., Семёнова Л. Н. Молодёжные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России. СПб., 2014. Вып. 5. С. 158.

из учащейся молодежи, проявилось на территориях, находившихся в непосредственной близости от военных действий. Однако сохранились, например, сведения и о помощи учеников крестьянам в уборке хлебов в 1914 г. в приволжских губерниях. Предложение о помощи в сельскохозяйственных работах поступило в 1914 г. в Воронежское земство. Управа не поверила в возможность оказания школьниками действительно серьёзной помощи и ответила отказом¹, но в дальнейшем такого рода сомнения не возникали ни здесь, ни на других территориях страны.

В российской средней школе на протяжении войны среди учащихся популяризировалась мысль о значении оказания помощи семьям воинов, но при этом не допускалась обязательность участия в этой акции. Именно добровольное содействие со стороны школьников этим мероприятиям приняло массовый характер и большинство из них в летнее время, после окончания учебного года, по собственной инициативе отправлялись в деревню, сознательно отвергая финансовое вознаграждение, проживая в малопригодных условиях, занимаясь тяжёлым и непривычным физическим трудом. Во многих случаях они по собственной воле увеличивали продолжительность рабочего дня, отказывались от праздничного отдыха². Такая самоотверженность заслужила общественное одобрение и уважение со стороны учебной администрации, родителей.

Необходимость трудовой помощи проявлялась всё в больших масштабах с каждым годом войны. Было очевидно, что и после ее окончания, когда работники не вернутся во многие семьи или вернутся, в значительной степени потеряв трудоспособность, участие школьников в сельскохозяйственном труде должно было сохранить свою актуальность³.

Не являясь исключительно воспитательным мероприятием, нацеленным на развитие трудовых, коллективистских начал, на потенциальное сближение

¹ Сельский труд учеников // Новое время. 1915. № 14038. 11 апреля.

² Помощь сельскохозяйственных школ // Новое время. 1915. № 14040. 13 апреля.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 249.

города и деревни, государственная деятельность обернулась во многом неожиданным и общепризнанно положительным результатом, благодаря активному участию в этих мероприятиях самих учащихся, придавших этому направлению деятельности средних учебных заведений большую образовательную и воспитательную ценность. «Ни одна книга не могла дать городским мальчикам столько пищи для размышлений и чувств, сколько эти несколько месяцев труда в сельской местности, никакие теоретические наставления о помощи ближнему не могли оказать такого глубокого воздействия, как сам факт оказания этой помощи и видение ее практических результатов»¹.

Однако если сравнить число дружинников с общим количеством учащихся, то процент участников помощи крестьянским семьям будет не очень высок. Одних мужских средних учебных заведений Министерства народного просвещения без Варшавского, Виленского, Рижского округов, занятых частично или полностью неприятелем, насчитывалось 550, а вместе с учебными заведениями Министерств торговли, промышленности, земледелия, финансов и духовных доходило до 1000. Если считать только три старших класса (по 40 человек в классе), то получится армия учащихся в 120000 человек, по отношению к которой количество членов дружин не составило и 10%². Таким образом, участие в полевых работах не закрывало проблему трудового обучения, обозначенную в реформе средней школы. Образовательные учреждения находили и другие варианты реализации этой важной воспитательной задачи.

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. P. 83.

² Чембулов Ф.З. Трудовые дружины учащихся. Доклад совещанию по организации посевной площади в 1917 г. 22-24 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 67 – 67 об.

3.2. Активизация учащихся в практической деятельности на нужды фронта в сфере промышленного производства

Россия, вступив в мировую войну, столкнулась с таким явлением, как дезорганизация экономической жизни. Отчасти оно было следствием убеждения большинства политических государственных и военных российских деятелей, что начавшаяся война закончится не позднее предстоящего Рождества 1914 г. На основе таких прогнозов делался вывод о том, что военных ресурсов, накопленных в мирное время, вполне хватит для решения всех поставленных задач.

Однако, как известно, война приняла затяжной позиционный характер и потребовала не просто принятия срочных мер в сфере промышленного производства, но и масштабной военно-экономической мобилизации, которая, в том числе, затронула и учащихся средних учебных заведений.

Рабочие, занятые на предприятиях военной промышленности пользовались бронью. Однако по мере продолжения военных действий они также стали призываться в армию, что создавало проблему нехватки рабочих рук и порождало необходимость привлечения в экономическую сферу большего количества пожилых людей, женщин, а также подростков. При этом основные производственные силы были брошены на предприятия, производившие и ремонтировавшие вооружение, осуществлявшие металлообработку. Определенная доля инициативы в этих вопросах была передана отдельным ведомствам, к числу которых относилось и Министерство народного просвещения.

Так, уже через двенадцать дней после начала войны, 31 июля 1914 г., Отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения направил за подписью министра Л.А. Кассо попечителям учебных округов циркуляр, в котором указывалось, что молодое поколение, обучавшееся в различных учебных заведениях империи, не может остаться в стороне от дела защиты Отечества.

В документе отмечалось, что промышленные учебные заведения имели оборудованные мастерские и лаборатории согласно своей специализации, а

следовательно – «в той или иной мере могли бы способствовать выполнению заказов, производству испытаний материалов, изготовлению различных принадлежностей для местных нужд военного ведомства, органов и учреждений Красного Креста и городского и земского самоуправлений»¹. В дополнении к экономической целосообразности мероприятий, министерство усмотрело в них и педагогическую составляющую, подчеркнув в циркуляре: «Привлечение к этим работам и испытаниям учащихся промышленных учебных заведений, отвечая местным и государственным нуждам, дало бы в то же время глубокое моральное удовлетворение запросом молодого поколения в деле помощи своему Отечеству, и имело бы большое воспитательное значение»².

Начальникам округов предписывалось предложить директорам технических средних и низших, а также мужских и женских ремесленных учебных заведений уведомить соответствующие местные органы военного ведомства, Красного Креста, городских и земских управ о тех работах и заказах, которые эти учебные заведения смогут выполнить в соответствии с военными нуждами. При этом подразумевалась обязательная оценка этих работ в соответствии с затраченными материалами, необходимым оборудованием и наймом дополнительной рабочей силой.

Однако более менее планомерная работа по привлечению учащихся средних заведений в производственную сферу началась только летом 1915 г.

В июне 1915 г. прошел целый ряд совещаний, нацеленных на мобилизацию промышленности, которая проявилась в активном переоснащении заводов, в обновлении оборудования, в эвакуации из-за военных неудач фабрик, из «веками насиженных районов» в другие производственные области, где имелось сырьё для требуемого производства, «причём смена эта зачастую переворачивает все соображения, перспективы и планы вчерашнего дня»³.

¹ См.: О работах для нужд военного времени. В годовую тяжелых испытаний, выпавших на нашу Родину. 31-го июля 1914 года, № 5657 // ГАРФ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 70. Л. 1 – 1 об.

² См.: там же. Л. 1 об.

³ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 263. Л. 1.

22–23 июня 1915 г. состоялось совещание представителей Императорского технического училища и технических школ Московского учебного округа для обсуждения вопросов о мобилизации и наилучшем использовании учебных заведений округа для нужд военного времени.

Совещание, очевидно, носило конструктивный характер. Именно поэтому Министерство народного просвещения не стало инициировать подобные собрания в других учебных округах. Было принято решение направить в регионы по 10 экземпляров журнала с материалами московского совещания с тем, чтобы обсудить вопросы о наилучшем использовании потенциала промышленных учебных заведений на местах¹.

Прежде всего на московском совещании были выявлены возможные направления привлечения учебных заведений к производству различного рода продукции, необходимой для военного ведомства. При этом подчеркивалось, что реализация производственных задач в любом случае зависела и от активного привлечения учащихся².

При первом варианте, который был определен как «пассивный», технические училища предоставляли свои станки, помещения, работников в лице обучавшихся, преподавателей и т. д. предприятиям, занимавшимся реализацией военных заказов³. Например, московское Комиссаровское техническое училище, которому в 1916 г. было присвоено звание «Императорского», предоставило свои мастерские для ремонта автомобилей 2-й автомобильной роты, инструктором по ремонту в которой оказался один из служащих мастерских училища. Он сумел организовать всё дело, пользуясь энтузиазмом учащихся. В училище также изготавливались «кусачки», а на будущее имелось в

¹ Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 6-7. С. 550.

² Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года // Журнал Совещания гг. представителей Императорского технического училища и технических школ Московского учебного округа для обсуждения вопросов о мобилизации и наилучшем использовании этих школ для нужд военного времени. 22–23 июня 1915 г. М., 1915. С. 5.

³ Там же.

виду осуществлять некоторые подготовительные работы по производству снарядов и других предметов, соответствовавших оборудованию мастерских училища¹.

При другом варианте, отмеченном в документах совещания, учебные заведения принимали заказы и изготавливали сами в своих мастерских различные более или менее сложные предметы и снаряжение для военного ведомства. Такого рода заказы являлись чаще всего случайными, и их реализация не имела планомерного характера. Причём технические средства и силы учебного заведения использовались обычно не в полном объёме².

Так, исследователь Н.С. Ватник в одной из своих статей показывает деятельность Павлово-Посадского реального училища и Коломенской мужской гимназии, как примеры успешной такого рода организации. В первом под мастерскую была приспособлена часть училищной столовой, где расположили верстаки и деревообрабатывающие станки и «под наблюдением мастера и педагогов старшеклассники изготавливали и ремонтировали снарядные ящики; работы велись с 17 до 19 часов»³. Во второй – учащиеся старших классов «в учительской комнате под руководством учителей производили траншейные перископы по образцам, предоставленным командованием запасного 198-го пехотного батальона»⁴.

В связи с вышеуказанным вариантом необходимо было решать проблемы снабжения учебных мастерских материалами, устройства складов и доставки материалов на места, организовывать приёмку готовых изделий. При реализации работы в две-три смены возникали вопросы оплаты труда, возни-

¹ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 8.

² Там же. С. 5.

³ Ватник Н.С. Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 99.

⁴ Там же.

кала необходимость принятия мер к увеличению оборотных средств отдельных учебных заведений¹. Некоторым учебным заведениям, в этом случае, благодаря особенностям их оборудования, пришлось бы работать совместно с другими школами или с соседними заводами, производя, скорее всего, лишь какую-нибудь работу, в соответствии с возможностями ее оборудования. Тем не менее, именно на этом варианте настаивали участники совещания, которые считали, что каждая школа не обязана реализовывать для военного ведомства какой-либо заказ в полном объеме. Будет вполне достаточно, считали они, если школы станут изготавливать какие-то отдельные детали или производить определенную ограниченную работу по тем или иным военным заказам².

Еще одним из возможных вариантов организации было объединение деятельности нескольких учебных заведений для выполнения плановых военных заказов. Так, например, произошло в Киеве, где по ходатайству члена Государственной Думы от Киевской губернии В.Я. Демченко были даны разрешения Министерством народного просвещения и Министерством торговли и промышленности собрать все станки промышленных учебных города в одном месте и обустроить Центральную мастерскую.

Помимо этого, на общем собрании Комитета по оказанию помощи раненым семьям запасных в Киевском учебном округе 1 июля 1915 г. было решено организовать мастерскую по изготовлению противогазовых масок. Из средств Комитета было арендовано помещение, заготовлены материалы и оборудование, а затем в местных газетах опубликовано воззвание к преподавателям и учащимся с приглашением принять участие в работе по изготовлению намеченной продукции.

Мастерская была открыта в помещении Педагогического музея и работала ежедневно: в будние дни с 10 утра до 10 часов вечера, в воскресные и

¹ *Ватник Н.С.* Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны. С. 7.

² Там же. С. 6.

праздничные дни с 12 до 6 часов вечера. Работа велась как в отведенном здании, так и на дому. С июля по сентябрь 1915 г. в мастерской в общей сложности работало 2395 человек, т. е. в среднем по 49 человек в день. Работниками являлись представители педагогического персонала, сами учащиеся женских и мужских учебных заведений, их родители и родственники. Каждый день в среднем изготавливалось 100 масок, а всего за отчетный период было произведено 4432 маски¹.

Во главе объединённой деятельности промышленных училищ в Харькове был поставлен Технологический институт императора Александра III. Он же должен был выступать в качестве посредника между училищами и местным Военно-промышленным комитетом². С целью наилучшего использования промышленных училищ для нужд военного времени 29 июня 1915 г. в городе состоялось совещание под председательством инспектора отдела промышленных училищ Б.П. Овсянникова. Согласно указанию Министерства народного просвещения, денежные средства, необходимые для выполнения военных заказов, технические училища могли брать в виде авансов из своих специальных средств (в основном получаемых за обучение от учащихся) в пределах 2000 руб. до получения выплат от соответствующих организаций³.

Обсуждение всевозможных вариантов привлечения учебных заведений выявило следующий важный момент. Выполнение военного заказа в мастерских училища зависело от наличия следующих факторов: 1) соответствующего оборудования; 2) необходимых материалов и 3) специалистов. Например, «в мастерской есть и материалы, и станки, и можно было бы работать, да сама мастерская в данное время представляет своеобразный "музей", так как заведующий мастерской и мастера взяты на войну», – сетовали участники совещания⁴.

¹ См.: Отчёт о деятельности мастерской Киевского учебного округа по изготовлению противогазовых масок (за время с 10 июля по 1 сентября 1915 г.). Киев, 1915. С. 5.

² Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1915. № 8. Август. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 9.

Не случайно, уже в декабре 1914 г. «Обществу улучшения народного труда в память царя-освободителя Александра II» было разрешено пользоваться в Виленском учебном округе мастерскими и оборудованием ремесленных учебных заведений для обучения военнопленными подростками различным ремёслам. Оговаривалось, что такое обучение должно было проходить под жёстким контролем с допущением в качестве преподавателей исключительно военнопленных-славян¹. Новое циркулярное распоряжение № 490 от 7 февраля 1915 г. предусматривало распространить обучение военнопленными и на мастерские технических и других промышленных училищ с их оборудованием².

С целью решения проблемы обеспечения выполнения военных заказов промышленными учебными заведениями от лица министра народного просвещения было принято решение возбудить ходатайство перед военным ведомством о сохранении им необходимых кадров, в том числе из тех, кто подлежал военному призыву.

Активное вовлечение учебных заведений в военное производство вызвало необходимость изменения учебных планов. Так, было рекомендовано в 1915/1916 учебном году прохождение учебных дисциплин в меньшем объеме по сравнению с довоенным временем. Причем педагогические советы промышленных училищ имели право изменять объем учебных программ по своему усмотрению таким образом, чтобы они оставались «жизнеспособными»³.

В этой же связи было принято предложение отказаться от выполнения части программных практических учебных работ и переориентировать обучение на освоение производства продукции, необходимой для военных нужд. С этой целью рекомендовалось провести конкретную методическую подготовительную работу: предоставить в учебные заведения готовые чертежи, схемы,

¹ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1915. № 2. Февраль. С. 129–130.

² Там же. № 4. Апрель. С. 297.

³ Там же. № 8. Август. С. 14.

образцы продукции, которые могли бы изготавливать технические училища и пр.¹

Параллельно с этим необходимо было видоизменить всю существующую «концентрическую» систему преподавания практических дисциплин. Так, согласно программе, в первом центре учащиеся знакомились с инструментами и с общими элементарными приёмами обработки металла и дерева. Во втором центре обучения проводились работы по обработке на станках частей какой-нибудь машины, взаимной пригонке этих частей, сборке машины и её испытанию. Эта вторая часть обучения была организована следующим образом: копировались какие-нибудь станки или другие, преимущественно зарубежные механизмы. К этим работам привлекались и учащиеся, но им чаще всего предлагалась «неответственная и не дававшая устойчивых навыков работа». К тому же они по неумению могли повредить часть оборудования. Причинами такого подхода была скудная материальная база учебных заведений, при которой на имевшемся хорошем оборудовании выполнялись различные частные заказы, необходимые для пополнения бюджета. Наконец, постоянная необходимость экономии не позволяла использовать большое количество материалов в процессе обучения, предусматривавшего высокий процент брака².

Необходимо было учитывать и то обстоятельство, что школьные мастерские оснащались, как правило, упрощёнными типами станков не предназначенных для выполнения сложных заказов. В учебных заведениях отсутствовали детально разработанные исполнительные чертежи, а штат мастеров чаще всего не обладал необходимыми навыками их составления³. Привлечение уча-

¹ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1915. № 8. Август. С. 9.

² См.: Материалы по обсуждению проекта правил о порядке организации и деятельности местных совещаний по делам профессионального образования, присланные на заключение // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 421. Л. 2 об.

³ См.: Материалы по обсуждению проекта правил о порядке организации и деятельности местных совещаний по делам профессионального образования, присланные на заключение. Л. 2 об.

щихся, не имевших специальной подготовки, требовало определенного времени на обучение, поэтому предлагалось ставить у станка два человека, из которых один уже мог работать, а другой постепенно втягивался в трудовой процесс, по мере обретения необходимых навыков¹.

Принимая во внимание отмеченные особенности профессиональной подготовки учащихся, на совещании предлагалось «понизить масштаб задач» для среднетехнических училищ, поручая им, главным образом, упрощенные кузнечные и токарные работы. Более того, допускалось насколько это было возможно и снижение точности в выполнении военных заказов. Так, например, совещание посчитало вполне посильным для учащихся изготовление некоторых частей для шрапнелей². Предполагалось, что такого рода решения позволят разгрузить училища, которые имеют большие объемы производства, а также специальные предприятия, непосредственно изготавливавшие военное снаряжение.

Примером такой организации было техническое училище в Твери, которое работало совместно с Тверской мануфактурой, и осуществляло исключительно первоначальную обработку деталей³.

По сообщениям периодических изданий, в Саратове «началась патриотическая работа по мобилизации промышленности», а именно: Александровское ремесленное училище, располагая 400 учащимися, занялось производством станков для изготовления снарядов, местное «техническое училище сделало громадную партию подков»⁴.

Специального решения требовал вопрос о возможности использования труда учащихся там, где было организовано непрерывное 24-часовое производство. Предполагалось, что каждую ситуацию такого рода следует рассматривать отдельно. Так, например, можно было привлекать желающих учащихся

¹ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 12.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Русское чтение. 1915. № 142. 1 июля.

не только технических школ, но и общеобразовательных учебных заведений данного района для выполнения срочного военного заказа, в случаях, когда ощущалась острая нехватка рабочих рук. При этом они должны были использоваться на несложных, доступных для них работах не более четырех часов в день¹. Считалось, что такой подход обеспечит большую продуктивность без переутомления и других нежелательных последствий². Министерство народного просвещения предлагало этот принципиальный вопрос детально рассматривать на педагогических советах учебных заведений, поскольку именно эти органы школьного управления лучше всего могли ориентироваться в данных вопросах, учитывать все обстоятельства, возникавшие в конкретных случаях такого рода практической деятельности³.

При всех принятых решениях и рекомендациях Московское совещание подчеркивало, что учебные заведения не должны отказываться от собственной инициативы, особенно те из них, которые уже наладили связи с местными учреждениями и заводами и начали производство военной продукции.

В конечном итоге, для учебных заведений, имевших свое оборудование и станки, было признано желательным создать общую в населенном пункте центральную организацию, которая могла в свою очередь входить в состав тех структур, которые занимались вопросами снабжения армии. Таким образом, создавалась возможность для каждой такой школы работать с заказами военного ведомства, доступными её силам и средствам.

Для более эффективного использования технического и людского потенциала учебных заведений и координации их действий с промышленными предприятиями министр народного просвещения направил своего специального представителя В.И. Рыкова в Центральный военно-промышленный комитет в Петрограде⁴.

¹ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 11.

² Там же. С. 17.

³ Там же.

⁴ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 5.

К середине 1915 г. была разработана схема управления школами техническими и ремесленного типа между собой и с Центральным военно-промышленным комитетом в Петрограде. Все школы учебных округов были разбиты на отдельные группы в соответствии с губерниями, входившими в состав округа. Для каждого района были назначены директора из таких училищ, которые могли бы связываться с центральными органами и с небольшими учебными заведениями на своей территории, давая им необходимо указания по всем вопросам, связанным с военными заказами.

Например, в Московском учебном округе были определены директора училищ, которые должны были координировать связь с небольшими учебными заведениями этого района. По Владимирской губернии был определен начальник Иваново-Вознесенского технического училища, по Калужской губернии – Калужского технического училища, по Костромской губернии – Костромского технического училища, по Московской губернии – Московского промышленного училища, по Нижегородской губернии – Нижегородского технического училища, по Рязанской губернии – Касимовского и Егорьевского технического училища, по Тверской губернии – Тверского технического училища, по Тульской губернии – Комиссаровского технического училища, по Ярославской губернии – Ярославского технического училища.

Директор уездного Брянского технического училища был назначен координатором по учебным заведениям двух губерний – Орловской и Смоленской. Учебное заведение с 19 августа 1915 г. приступило к реализации заказов, которые были получены через Брянский Арсенал, местный комитет Всероссийского земского союза для Главного артиллерийского управления и непосредственно от действующей армии через начальника хозяйственной части 119 пехотного Коломенского полка. Учащиеся училища, в соответствии с заказом от Всероссийского земского союза, занимались изготовлением различных металлических изделий для артиллерийского обоза, деревянных ящиков

для укладки снарядов, чугунных втулок для колёс. Мастерские использовались для выполнения военных заказов по 8 часов в сутки. Столярные и слесарные мастерские имели по 68 рабочих мест¹.

В новых экономических условиях деятельность Московского технического училища по организации производства специальной продукции для нужд армии становилась всё более показательной. Министерство народного просвещения уже подтвердило смету расходов, необходимых для соответствующей реконструкции заведения. Более того смета была отправлена в Военное министерство для окончательного утверждения с тем, чтобы приспособить одну из мастерских училища к массовому изготовлению метательных снарядов. По поручению Всероссийского союза городов один из преподавателей Московского технического училища был направлен в Англию, а затем и в Америку для закупки нужных станков и инструментов².

В целом московские технические училища действительно демонстрировали немалые успехи в деле промышленной мобилизации.

Так, руководитель чертёжного бюро Главного по снабжению армии Комитета Всероссийских земского и Городского союзов (Земгора), которое занималось усилением оборудования существовавших оружейных заводов станками по винтовочному делу, в заявлении на имя директора Императорского московского технического училища, отмечал, что к их изготовлению были привлечены некоторые средние технические училища Московского района, а также мастерские Томского технологического института. Из письма следовало, что училища получали заказ от Земгора на различные типы станков, в соответствии с имеющимся оборудованием. «Оборудование и технические силы школ оказались вполне достаточными для выполнения заказов на станки, — указывал руководитель бюро и подчеркивал, — добросовестность же их в

¹ Переписка с посторонними учреждениями об изготовлении предметов для нужд военных // Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 337. Оп. 1. Д. 239. Л. 73.

² См.: РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 263. Л. 1. Мобилизация технических учебных заведений.

смысле цен, качества фабрикатов и сроков дала работе со школами значительные преимущества перед большинством частных предпринимателей»¹.

Успехи училищ оказались столь показательными, что в письме настоятельно рекомендовалось «сохранить созданную в условиях войны производственную кооперацию училищ для создания отечественного изготовления станков, завозимых ранее из-за границы (российское производство составляло лишь 20%)». Такая организация должна была способствовать лучшей подготовке специалистов, усилить материальную базу училищ. Немаловажным, по мнению автора, был аспект экономии средств, так как «школы могут довольствоваться более скромной прибылью, нежели частные предприниматели»².

В ходе обсуждения вопросов, связанных с привлечением учебных заведений к изготовлению продукции, востребованной в военном деле, обозначилась необходимость централизованного сбора информации об этом³. С этой целью Министерство народного просвещения 9 июля 1915 г., т. е. вскоре после московского совещания, издало циркуляр за № 30577 «О доставлении сведений о работах учащихся для армии». В нем на основании доклада попечителя Виленского учебного округа обобщался опыт работы учащихся учебных заведений городов Вильно и Минск по изготовлению респираторов и очков для противогазов. В Вильно эта работа осуществлялась в помещении мужской гимназии имени императора Александра I Благословенного. Здесь трудились 219 учащихся из 17 средних и низших, мужских и женских, учебных заведений города. В итоге, с 27-го мая по 5-е июня 1915 г. было изготовлено 12100 штук респираторов⁴.

В Минской гимназии производством респираторов для действующей армии занимались 80 учащихся и, как следовало из текста циркуляра, школьники

¹ Его превосходительству господину директору Императорского Московского технического училища. Преподавателя механического отделения Ивана Ивановича Куколевского заявление. На правах рукописи. Б.м., б.г.

² Там же.

³ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 11.

⁴ Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XLI. 1915. Октябрь. С. 51.

«выражают настойчивое желание изготовлять не менее 5000 респираторов в день»¹. Материал для выпуска продукции доставлялся в гимназию местным отделением Всероссийского земского союза. С 15 июня в работах стали принимать участие учащиеся всех средних (мужских и женских) учебных заведений города Минска.

Министерство народного просвещения высоко оценило результаты деятельности гимназий двух этих городов и предложило руководителям учебных округов сообщать обо всех случаях привлечения учебных заведений «к таким или подобным работам на пользу наших доблестных воинов»².

Впрочем, в масштабах страны было достаточно много примеров эффективного использования производственного потенциала учебных заведений. Например, в училище Егорьевска было сосредоточено достаточное количество хорошего оборудования, но при этом не хватало учащихся и мастеров для его непрерывного использования в течение 24 часов. Для решения проблемы были привлечены учащиеся из других школ³.

Из субсидируемых не специальных учебных заведений заслуживал внимания опыт Вяземской гимназии Смоленского земства, организовавшей производство различных учебных пособий. Организаторам производства пришлось затратить определенное время на выяснение состава материала имевшихся пособий, преимущественно немецкого производства. После этого учащиеся в мастерской смогли приступить к работам по изготовлению мулежей органов человеческого организма (сердце, печень, желудок, гортань), «не уступающих заграничным моделям».

Учениками был также изготовлен макет лагеря допризывной подготовки и рельефный план местности, которые могли были быть использованы для допризывной подготовки и занятий с младшими чинами. Из папье-маше были

¹ Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть ХLI. 1915. Октябрь. С. 52.

² Там же.

³ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 13.

выполнены фигурки участников. В результате в мастерскую стали поступать заказы от местных батальонов и из других мест¹.

Руководителям учебных заведений из Министерства народного просвещения 29 июля 1915 г. было направлено письмо «Об организации при ремесленных и технических училищах ремонта сельскохозяйственных орудий и машин в помощь местным земледельцам». Из-за сокращения отечественного производства в условиях войны и затруднений, связанных с ввозом сельскохозяйственных машин и инвентаря, министерством предлагалось организовать ремонт уже имевшихся в хозяйствах орудий производства. Главным затруднением в организации ремонта в деревне служило отсутствие опытных специалистов, а также оборудованных мастерских. В этой связи необходимо было использовать уже существовавшие при ремесленных и технических учебных заведениях мастерские и рабочий персонал, а также обучавшихся в них воспитанников, которые могли бы принять участие в организованных подвижных ремонтных мастерских. Объединение этого дела, оказание материальной помощи и техническое руководство подвижными ремонтными организациями принимало на себя Главное управление землеустройства и земледелия².

В отдалённых районах роль центра в производственной сфере для учебных заведений мог играть близлежащий завод, размещавший в них свои возможные заказы³. Например, в Костромском химико-техническом училище были попытки изготовления хлороформа, скипидара, производились жидкое мыло, колёсная мазь, осуществлялась сухая перегонка древесины⁴.

Мануфактурно-техническое училище при Прохоровской трёхгорной мануфактуре в Москве, лишившейся значительного числа своих рабочих, призванных на фронт, направило 140 своих учащихся в мастерские предприятия.

¹ Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 21. 1 июня. С. 3.

² Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 6-7. С. 522.

³ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 14.

⁴ Там же.

Результат был положительным и учебному заведению пришлось раньше закончить учебные занятия и ускорить выпускные экзамены, чтобы дать возможность учащимся продолжать работать на фабрике¹.

Необходимо отметить, что Министерство народного просвещения не считало возможным выдавать общие директивы, подчёркивая, что использование сил учащихся в производственной деятельности может осуществляться исключительно на их добровольном желании с учетом специфики конкретной общеобразовательной школы, применительно к местным условиям. Так, например, в Кавказском учебном округе в 1915 г. продолжали функционировать ремесленные отделения по таким своеобразным отраслям, как чеканное мастерство, ткачество, керамика, скульптурно-каменотёсное дело, консервирование².

Отдельно пришлось решать вопрос об оплате труда учащихся, задействованных в производстве военной продукции.

Отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения 16 августа 1915 г. направил в учебные округа документ, в соответствии с которым предлагалось возбуждать ходатайства «о выдаче вознаграждения за особые труды по изготовлению предметов военного снаряжения». Денежные награды предлагалось выдавать за счёт тех сумм, которые поступали в учебные заведения в качестве оплаты за выполненные работы, с выдачей этого вознаграждения по четвертям года³. В целом же рекомендовалось участие учащихся в различных трудовых начинаниях, направленных на поддержание материального снабжения армии, реализовывать на безвозмездных началах.

Комиссия по развитию профессионального образования в Российской империи была создана еще в 1911 г. В 1912–1913 гг. был создан специальный фонд, основанный на частных пожертвованиях, для обеспечения учебных мастерских необходимым оборудованием. Однако выводы, к которым пришла

¹ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 14.

² Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 6-7. С. 630.

³ Там же. С. 542.

комиссии в 1914 г., свидетельствовали об отсутствии необходимой производственной базы для подготовки квалифицированных молодых рабочих и других специалистов для производства. Причина виделась в несоответствии системы профессионального образования тем специальным требованиям, которые были предъявляемы ей со стороны современной промышленности. Накануне Февральской революции, 14 февраля 1917 г., Общество заводчиков и фабрикантов возобновило работы, образованной в 1911 г. Комиссии по профессиональному образованию. Поскольку государство так и не смогло найти достаточных средств для создания необходимого количества учебных мастерских в заведениях профессионального образования, руководство этим делом было передано в частные руки.

Однако организация не только целой сети, но даже одной учебной мастерской оказалось делом далеко нелёгким, требующим тщательной разработки, а главное – весьма значительных материальных затрат. Комиссия, рассматривая вопрос о типе учебных мастерских, пришла к заключению, что всё время пребывания ученика в них должно было занято практическими работами, причем со второго года эти работы должны были исполняться так, чтобы продукт мог быть предметом сбыта¹.

Исходя из расчетов, предполагалось не делать упор на массовое создание специальных, хорошо оборудованных мастерских, ограничивая их деятельность подготовкой учащихся на уровне первого концентратора. Практические же занятия второго концентратора планировалось производить вне школьных мастерских, причем делать это не на частных предприятиях, а путем организации

¹ Материалы по обсуждению проекта правил о порядке организации и деятельности местных совещаний по делам профессионального образования, присланные на заключение РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 421. Л. 2.

районных учебно-промышленных центров, объединявших практические занятия учащихся старших классов, подготовленных систематическими работами по ремеслу в школьных мастерских¹.

Эти предприятия должны были быть оборудованы на уровне требований современного для того времени специального машиностроения и должны «во избежание простоя станков, работать непрерывно в течение года, обслуживая школы определённого района»². Такая схема предусматривала значительную экономию средств как в деле технического оснащения, так и с точки зрения привлечения необходимого привлечения специалистов для обучения учащихся средних специальных заведений. Для создания такой системы обучения появилась возможность воспользоваться не только частным капиталом, но и средствами государства, наконец-то оценившего за годы войны важность подготовки необходимых для экономики страны специалистов³.

Комиссии по профессиональному образованию, ознакомившись с предположениями Министерства народного просвещения и Министерства торговли и промышленности о профессиональном образовании, наметило дальнейший план деятельности, который в общих чертах сводился к тому, чтобы выработать свой собственный тип школы, не слишком расходившийся с министерским, но в то же время и совершенно самостоятельный. Однако на этом этапе работу прервала Февральская революция.

Новый министр народного просвещения Временного правительства А.А. Мануйлов подписал документ о создании «Совета по делам профессионального образования в России», в состав которого должны были войти представители промышленных организаций, заинтересованные в деятельности в этом направлении. Министерство планировало организацию в каждой из губерний особых губернских совещаний для разработки сети профессиональных

¹ Материалы по обсуждению проекта правил о порядке организации и деятельности местных совещаний по делам профессионального образования, присланные на заключение. Л. 3.

² Там же.

³ Там же. Л. 3 об.

школ. Также намечалось проведение районных совещаний, охватывавших несколько губерний, «отмеченных теми или иными общими для них местными признаками в хозяйственном или в иных отношениях»¹.

Местные совещания должны были теперь открываться не Обществом заводчиков и фабрикантов, а государством. Учебный отдел Общества обязан был принять на себя самостоятельную, отдельную от правительственных мероприятий роль, но строго соотносить свои мероприятия по созданию учебно-промышленных предприятий с государственными интересами, нацеленными на массовое производство. Таким образом, должно было получиться вполне рациональное разделение компетенций: чисто педагогическая сторона дела отводилась специалистам в области педагогики, а промышленная оставалась в руках практиков². Однако намеченным планам не суждено было сбыться из-за изменения политического строя в стране.

Подводя предварительные итоги необходимо отметить определенную роль, которую сыграла экономическая мобилизация учащихся в годы Первой мировой войны. Конечно, речь не идет об их важном и заметном вкладе в решении экономических задач в масштабах страны. Результаты мобилизационных мероприятий проявились, прежде всего, в консолидации слоев российского общества, и учащиеся занимали в этом процессе немаловажное место. Зачастую бескорыстное участие учащихся технических училищ, а порой и общеобразовательных школ в общей работе всей страны «в помощь фронту» естественным образом способствовало выработке у них гражданской позиции, и их приобщению к гражданскому единению, охватившему всё общество в экстремальных условиях.

¹ Материалы по обсуждению проекта правил о порядке организации и деятельности местных совещаний по делам профессионального образования, присланные на заключение. Л. 3.

² Там же. Л. 4 об. – 5.

Необходимо отметить и тот опыт в широком смысле, который получила российская система образования в перестройке работы учебных заведений узкой производственной специализации в выполнении разного рода государственных заказов в экстремальной ситуации¹. Причем этот опыт касался как общеобразовательной учебной работы, так и освоения непосредственных профессиональных навыков учащимися, которые пришлось корректировать, исходя из запросов военного времени.

¹ Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года. С. 16.

3.3. Участие учащихся средних школ Российской империи в решении социальных проблем, вызванных войной

Учащиеся школ в силу их возрастных особенностей и впечатлительности чрезвычайно эмоционально реагировали на начавшиеся военные действия. Министерство народного просвещения и в целом педагогическое сообщество, как уже отмечалось, предпринимало определенные усилия, чтобы направить их устремления в созидательное русло для решения проблем фронта и тыла. В том числе это относилось к некоторым видам непосредственной практической занятости учащихся. При этом предполагалось, что под руководством взрослых трудовая деятельность содержит в себе «элементы гражданского воспитания, самоуправления, самодисциплины во имя общего дела, общественной солидарности и общественных идеалов»¹.

Например, одной из острейших проблем, возникших с начала войны, явилась транспортировка раненых с линии фронта. Уже первый месяц войны продемонстрировал неготовность военного ведомства к масштабам понесенных потерь. Помощник управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов вспоминал, что «первые же боевые столкновения дали огромное количество раненых, которого не могли предвидеть даже самые пессимистические расчёты, основанные на опыте прежних войн»².

Так, в сообщении от 21 августа 1914 г. говорилось о поезде в 52 товарных вагона, проследовавшем с ранеными через Барановичи. В нем не было медицинского персонала и перевязочных средств. Раненых, у которых не было денег, никто несколько дней не перевязывал и не кормил³.

О масштабах проблемы можно судить по следующим цифрам: в августе 1914 г. по сведениям Московского городского управления предполагалось, что

¹ Известия по народному образованию. 1915. Часть XLV. Июнь. С. 115.

² Яхонтов А. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7. С. 276.

³ РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 2. Д. 653. Л. 12.

в городе необходимо подготовить для раненых с фронта 37 тыс. коек, из которых непосредственно городские власти должны были обслуживать 20 тыс. Однако уже в начале сентября план был расширен до 30 тыс., а вскоре и этого оказалось недостаточно. В октябре в Московском городском управлении уже насчитывалось несколько сотен госпиталей и лазаретов с 50 тыс. коек¹.

После того, как Штаб Верховного главнокомандующего распорядился принять самые решительные меры к исправлению ситуации с медицинским обслуживанию армии, положение дел медленно, но стало меняться в лучшую сторону. Тем не менее с ходом войны периодически возникали экстремальные обстоятельства, когда ни военное ведомство, ни Красный Крест, подключившийся к работе по оказанию помощи раненым, не могли справиться без дополнительной помощи.

Так, 31 августа 1914 г. в телеграмме курского губернатора Муратова в Штаб Верховного главнокомандующего сообщалось, что накануне губернский город принял 800 человек раненых, а на следующий день снова пришёл поезд, в котором находилось 718 раненых, которых необходимо было выгрузить, «каждому оказать медицинскую помощь и обеспечить приют»². Эвакуация раненых в Курск распоряжением главнокомандующего была приостановлена на 3 дня, что должно было дать возможность разгрузить железнодорожную станцию и обеспечить уже прибывшим надлежащий уход.

К 1916 г. многие из проблем, существовавших в начальный период войны были решены, но при этом сохранялись вопросы, которые трудно было снять с существовавшей повестки. Эвакуационный пункт для приема раненых чаще всего не имел запасов белья и одежды, особенно тёплой, а прибывшие, обязаны были оставлять бельё санитарного поезда, в котором они доставлялись, и передеваться на вокзале³. С этой целью в распоряжение тех или иных

¹ Деятельность Московского городского управления в 1913–1916 гг. М., 1916. С. 55.

² РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 2. Д. 653. Л. 62.

³ РГИА. Ф.733. Оп. 201. Д. 498. Л. 51.

благотворительных организаций, помимо денежных пожертвований, поступали необходимые вещи, которых зачастую не хватало и в их сборе помощь школьников играла важную роль.

В больших городах раненых после прибытия размещали в сводный госпиталь или в особые распределители. В них производился приём и «сортировка» раненых воинов, выдавалось питание, оказывалась первичная медицинская помощь. Через некоторое время их распределяли по городским лазаретам.

Особенности процесса приема раненых в тылу иногда надолго задерживали начало оказания им необходимой серьезной медицинской помощи. Причем время требовалось не только на необходимую в этих случаях регистрацию. Большие сложности возникали с доставкой тяжело раненых и неспособных самостоятельно передвигаться воинов в госпитали из-за отсутствия в распоряжении эвакуационного пункта специального персонала для их принятия из вагонов, а при использовании речного транспорта – на пристанях.

В этой ситуации приходилось пользоваться услугами добровольцев, среди которых заметную роль играли учителя и учащиеся старших классов средних учебных заведений¹. Департамент народного просвещения уже 11 ноября 1914 г. специально уведомил попечителей учебных округов, что участие в переносе раненых воинов и сборах на нужды войны может быть разрешено ученикам средних учебных заведений только в свободное от учебных занятий время и при условии согласия их родителей².

Действительно, в различных средних школах повсеместно, часто под руководством школьного врача, стали создаваться специальные медицинские отряды. Например, в Двинске был организован такой отряд санитаров-добровольцев из учащихся реального училища и гимназии³.

¹ РГИА. Ф.733. Оп. 201. Д. 498. Л. 51 об.

² Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1915. № 6. Июнь. С. 462–463.

³ *Билинцов С.И.* Социальная активность школьного юношества в России в годы Первой мировой войны // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4 (43). Ч. 3. С. 230.

Больных и раненых воинов обычно переносили на носилках из вагонов с вокзала в экипажи. В некоторых случаях их приходилось на носилках транспортировать вплоть до лазаретов. Так, 17 учеников старших классов Карачевской гимназии Орловской губернии во внеучебное время трудились санитарями, доставляя раненых, прибывших с позиций со станции, непосредственно в военные лазареты¹.

Для обеспечения удобной транспортировки раненых предпринимались административные меры. Например, в Москве для их перевозки были переоборудованы трамвайные вагоны и к распределительному пункту подведены трамвайные пути. Помимо этого, существовали специальные кареты скорой помощи, использовались автомобили (в том числе и частные). Трамвайная линия была подведена к самому вокзалу в Казани, а несколько вагонов в трамваях были оборудованы кроватями-носилками. Там же госпитали удалось разместить в центре города, с тем, чтобы к ним почти вплотную подходили линии трамвая. Однако, несмотря на это, ни одна партия раненых не попадала в лечебные заведения без участия санитарной молодёжной дружины, которая занималась переноской неспособных самостоятельно передвигаться².

Старшеклассники петроградской Ларинской гимназии летом 1916 г. находились в воинских частях и работали в качестве санитаров, помощников заведующих питательными пунктами, банями и пр. Всего в работах было занято 14 гимназистов, некоторые были удостоены письменных благодарностей от командиров подразделений³.

Положительные результаты при перевозке и уходе за ранеными, послужили дополнительным доказательством ошибочности образовательной поли-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 796. 13 об. Отчёт по Карачевской мужской гимназии за 1916 г. Орловская губерния.

² Там же. Оп. 201. Д. 498. Л. 52.

³ Там же. Оп. 205. Д. 115. Л. 6 об. Отчёт Петроградской Ларинской гимназии за 1916 г.

тики, связанной с недоверием к ученику и подавлением его желания к индивидуальной активной деятельности¹. Практика такого рода в конечном счете не только не мешала школьной работе, но и приносила учащимся большое моральное удовлетворение, способствовала росту среди них духа бескорыстия, давала им опыт общественной работы и дисциплины.

В женских гимназиях распространенным видом деятельности на уроках рукоделия было шитье белья для раненых и воинов, находившихся на фронте. Министерство народного просвещения через попечителей учебных округов обратилось еще в конце 1914 г. к начальницам женских средних учебных заведений с предложением включиться в эту работу. При этом, однако, учебное ведомство также настаивало на отказе от принудительных мер, предлагало опираться исключительно на добровольное желание самих учениц.

Изготовление необходимых для раненых вещей должно было осуществляться на уроках рукоделия, с исполнением части заданий и в домашних условиях. Такого рода деятельность, по мнению министерства, имела бы очень полезное профессиональное и воспитательное значение. Материалы для швейных предлагалось приобретать родителям учащихся, а малоимущим предполагалось осуществлять в этом деле помощь со стороны учебных заведений и благотворительных организаций².

Например, ученицы Казанской частной женской гимназии изготовили с начала войны по 1 января 1915 г. 2473 разного рода вещей для раненых: рубашек, носков, перчаток, халатов, наволочек и пр.³ Необходимый для этой цели материал выдавался местными благотворительными организациями, но часто приобретался и за свой счет.

¹ Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. P. 82.

² См.: *Фомичёв И.В.* Школа и просвещение в России в условиях войны революции. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. С. 52–53.

³ Извлечение из отчета о состоянии Казанской частной женской гимназии, с полными правами министерских гимназий за 1914 год. Казань, 1915. С. 20.

Сохранившиеся сведения о деятельности Тихвинской женской гимназии свидетельствуют, что в течение августа-декабря 1914 г. ученицы изготавливали бельё для раненых, эвакуированных с театра военных действий и находившихся на излечении в местных лазаретах. Многие ученицы жертвовали материал для белья, работа производилась на уроках рукоделия в урочное время, а также в воскресные праздничные дни в гимназии и дома¹.

В специально составленном отчете швейной мастерской, созданной при гимназии А.С. Алферовой в Москве, отмечалось, что она начала функционировать уже с 25 августа 1914 г. От фирмы Зингер безвозмездно гимназии были переданы 22 швейных машины, которые использовались непосредственно в мастерской ученицами гимназии, их матерями, а также выпускницами. Мастерская была открыта ежедневно с 13 до 16 часов и с 18 до 20 часов. Работа в праздничные дни осуществлялась с 13 до 16 часов. Все работницы также брали работу на дом. Всего с 25 августа 1914 г. по 10 января 1915 г. было сшито 6682 различных изделий для лазарета: простыни, наволочки, нижнее бельё, полотенца, платки, халаты, передники, фартуки, мешки и пр.²

Ученицы 2-й Екатеринбургской гимназии за первое полугодие 1916 г. собрали для воинов 1851 различных вещей. При этом 496 предметов были изготовлены за счет пожертвований учащихся, еще 1055 – из материалов, полученных от местных благотворительных организаций³.

В конце сентября 1914 г. в Московской XI гимназии начала работать группа учащихся по изготовлению бинтов. Марля в количестве 600 аршин (около 430 м.) была превращена в бинты и отправлена в действующую армию⁴. Ученики Царскосельского реального училища императора Николая II (Николаевской) трудились в медицинском отделе Царскосельского отделения

¹ Лебедевский С.Н. Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875–1915. Тихвин, 1915. С. 94.

² Отчёт о деятельности лазарета, столовой для детей запасных и швейной, учреждённых при гимназии А.С. Алферовой. М., 1915. С. 13-14.

³ Архангельская Л.В. Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. 2016. История. Вып. 2 (33). С. 72.

⁴ Отчёт о состоянии Московской XI гимназии за 1914–1915 учебный год. М., 1916. С. 75.

склада императрицы Александры Федоровны. За усердный труд 36 из них 14 августа 1916 г. были вызваны специальными повестками в Большой дворец, где императрица собственноручно вручила им специальные жетоны на память о работах по намотке бинтов летом 1915 и 1916 гг.¹

Летом 1915 г. учащиеся средних заведений стали подключаться к еще одному виду работ – изготовлению противогазных масок в связи с необходимостью поставки на фронт экстренных средств защиты против отравляющих газов. В отчете о деятельности мастерской Киевского учебного округа по изготовлению противогазных масок за время с 10 июля по 1 сентября 1915 г. сообщалось об изготовлении в день в среднем 100 масок, которые смачивались специальным раствором и упаковывались в резиновые мешочки. В работе принимали участие представители учебного персонала, родители учащихся, а также сами учащиеся мужских и женских учебных заведений округа. Всего за отчетный период было отпущено призванным в армию педагогам, их родственникам, а также военным, приезжавшим с фронта, за отчетный период 4432 маски².

Согласно отчету попечителя Виленского учебного округа, с учащимися городов Минска и Вильно была организована работа по изготовлению респираторов и противогазовых очков. В Вильно работа осуществлялась в помещении местной мужской гимназии имени императора Александра I, в ней приняли участие 219 человек из 17 средних и низших мужских и женских заведений города. С 27 мая по 5 июня 1915 г. было изготовлено 12100 респираторов. В Минске в работе приняли участие 80 гимназистов, намереваясь довести количество изготавливаемых респираторов до 5000 в день. С 15 июня к работам планировалось привлечь всех учащихся средних (мужских и женских) заведений города³.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 231. Л. 2–2 об. Отчёт по Царскосельскому реальному училищу императора Николая II за 1916 г.

² Отчет о деятельности мастерской Киевского учебного округа по изготовлению противогазовых масок (за время с 10 июля по 1 сентября 1915 г.). Киев, 1915. С. 5.

³ О сообщении в Министерство народного просвещения обо всех случаях привлечения учебных заведений округа к работам по изготовлению респираторов и других предметов

В Перми изготовление респираторов и противогазов началось несколько позже, чем в западных губерниях, из-за отсутствия необходимых материалов¹.

Новые ощущения и заботы учащихся, которые непосредственно были связаны с войной, переплелись с прежними чисто учебными проблемами и занятиями. В адресованных из Петрограда родителям домой письмах 17-летней гимназистки, выдержки из которых в 1915 г. были приведены журналом «Вестник воспитания», эти явления нашли свое характерное отражение. Так, в них одновременно рассказывалось об успехах в изучении латыни и о сшитых за прошедшую неделю учащимися 538 штуках белья. Ученица повествовала о том, что её класс сшил для Вольно-экономического общества постельное белье на 100 кроватей и получил за это благодарность, и что VI, VII и VIII классы гимназии работали в Красном Кресте в бинтовом отделении².

В соответствии с циркуляром Министерства народного просвещения от 19 января 1915 г. за № 497, руководящая роль в деле «обновления школьной жизни» должна была принадлежать попечителю учебного округа, на обязанности которого ложилось всестороннее обсуждение подобных мероприятий³. Показательным примером проявления такого рода «обновления» явились распоряжения попечителя Кавказского учебного округа, подготовившего в конце 1914 г. – начале 1915 г. ряд циркуляров для начальников мужских и женских учебных заведений, с целью организации «школьной трудовой помощи», направленной не только на решение проблем, вызванных войной, но и на улучшение воспитательной работы с подрастающим поколением. Конкретные формы организации деятельности школьников, предложенные им, не полу-

для действующей армии (9 июля 1915 № 30557) // Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1915. Октябрь. № 10. С. 6–7.

¹ *Архангельская Л.В.* Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере пермской губернии) // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 2 (33). С. 73.

² *Звягинцев Е.* Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 139–141.

³ Съезд директоров, начальниц, председателей попечительных и педагогических Советов, родительских комитетов и преподавателей средних учебных заведений Казанского учебного округа, бывший в г. Казани с 3 по 11 июня 1916 г. Казань, 1916. С. 4–5.

чили широкого применения в других учебных округах. Однако виды предлагаемого практического применения труда школьников вполне соответствовали распространенным в масштабах всей страны.

Так, для учащихся средней школы циркуляр рекомендовал участие в санитарной и продовольственной помощи, в изготовлении белья и перевязочных средств, некоторых частей воинского снаряжения и т. д. Такого рода деятельность школьников, по замыслу начальника учебного округа, должна была реализовываться не только в военные годы, но и в последующее послевоенное время, а главная ее задача состояла в том, чтобы воспитать в юношестве «чувство личной ответственности, мужество, находчивость, благородство, правдивость, понимание гражданского долга»¹.

Учащиеся должны были разделяться на группы, причём каждая из них имела своего руководителя из числа представителей учебного воспитательного персонала или родителей. Эти группы-ячейки «школьной трудовой помощи» должны были представлять собой небольшие единицы, не превышавшие 10-15 человек. Составлялись они из учащихся, добровольно и по своему собственному влечению избравших одинаковое направление деятельности, которой должны были придерживаться как минимум до конца учебного года.

Каждый такой «десяток» должен был жить совершенно самостоятельной жизнью, за исключением тех случаев, когда ему необходимо было принять участие в общей работе, например, в физических упражнениях или ради каких-то иных целей. Учащиеся каждого такого объединения избирали старосту в качестве ближайшего помощника руководителя.

В обязанности руководителя входило разъяснение принципов организации «школьной трудовой помощи», иллюстрация ее конкретными примерами,

¹ О привлечении учащихся Кавказского учебного округа к участию в организации «школьной трудовой помощи». Анапа, 1915. С. 6.

составление и предложение плана занятий как для отдельных членов «десятки», так и для всех вместе, ведение отчётности¹.

Вступая в число членов организации «школьной трудовой помощи», каждый учащийся давал торжественное обещание соблюдать ее правила, заключающиеся в исполнении своего долга в оказании «помощи ближнему» и следования принятому распорядку. Если член организации нарушал своё обещание, то после трёх предупреждений он лишался права оставаться в составе своего «десятка».

Специализировались созданные группы в соответствии с запросами, которые выдвигали чрезвычайные события и в зависимости от типа учебного заведения. Со стороны юношей помощь должна была быть направлена на несение обязанностей братьев милосердия, санитаров, например, «носильщиков» раненых и, вообще такого рода деятельности, которая была вызвана особенностями конкретной местности и сложившейся ситуации. Воспитатель и родители должны были заботиться о том, чтобы участники «школьной трудовой помощи» имели возможность раскрыть как можно в большей степени свои индивидуальные способности².

Журнал «Вестник воспитания», оценивая «по свежим следам», инициативы попечителя Кавказского учебного округа, отмечал, что «этот организационный элемент, если только он получит достаточное развитие и приобретет прочность, должен явиться совершенно новым в нашей школе воспитательным фактором очень серьезного значения»³. По справедливому утверждению автора публикации в журнале, трудовые организации учащихся, хотя бы и руководимые взрослыми, несли в себе элементы гражданского воспитания, самоуправления, самодисциплины во имя общего дела, общественной солидарности и общественных идеалов⁴.

¹ О привлечении учащихся Кавказского учебного округа к участию в организации «школьной трудовой помощи». С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Вестник воспитания. 1915. № 4. Апрель. С. 115.

⁴ См.: там же.

Как уже отмечалось, в трудовых дружинах, оказывавших помощь семьям ушедших на фронт в сельской местности, трудилось не более 10% от общего числа учащихся. Это было связано с определенными организационными, включая материальные, трудностями. Наконец, трудиться могли главным образом старшеклассники мужского пола, обладавшие необходимыми физическими данными. Более массовым вариантом привлечения учащихся средних школ к агрономическим работам являлось создание в городах школьных огородов.

Предположение об использовании с этой целью пустующих земельных площадей родилось в Министерстве земледелия и землепользования, а вызвано оно было резким ростом цен на необходимые продовольственные продукты, в том числе и на овощи.

Чиновник особых поручений при Министерстве земледелия, учёный-агроном, явившийся главным исполнителем проекта по созданию общественных огородов в Петрограде, П.Н. Елагин, 9 марта 1916 г. обратился в Министерство народного просвещения с письмом, в котором отмечал: «Считаюсь с крайне повышенными ценами на необходимейшие продукты продовольствия, в том числе и на овощи – в Петрограде сейчас цена четверти картофеля доходит до 16 руб., а местами и с почти полным отсутствием таковых продуктов, создание предстоящим летом общественных огородов для снабжения населения овощами, без сомнения, является делом неотложным. <...> Полагаю, что к работам на общественных огородах с отличными результатами могут быть допущены учащиеся всех без изъятия учебных заведений»¹.

До этого в феврале 1916 г. П.Н. Елагин выступил с докладом перед общим собранием Всероссийской сельскохозяйственной палаты. В нём он перечислил важнейшие овощи, которые необходимо возделывать на огородах: картофель, горох и бобы, капусту, свёклу, морковь, репу. С прибавлением к ним хлеба эти овощи могли, по его замыслу, «дать здоровую вполне нормальную сытную пищу населению»². Важным обстоятельством, по его суждению, выступало то,

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 90.

² Там же. Л. 93 об.

что с увеличением расстояния от места производства до места сбыта цена на овощи значительно возрастала, поэтому растительные продукты были наиболее выгодны для потребления их на местах непосредственного производства. Еще одним обстоятельством, определявшим создание огородов в непосредственной близости от городов, выступала слаборазвитая в условиях войны железнодорожная сеть, испытывавшая постоянный дефицит железнодорожного подвижного состава. Результатом являлась невозможность своевременной доставки даже столь необходимых грузов, как продовольствие для населения.

В апреле 1916 г. попечитель Одесского учебного округа отмечал, что грядущее сокращение потребления мяса в России, несомненно, приведет к развитию огородничества, которое должно стать полезным для учащихся в воспитательном отношении. «Урожай огородов может быть передан бесплатно, за исключением понесённых расходов по обработке огородов, по окончании войны огороды эти могли быть переданы в пользование учебных заведений и на дальнейшие времена»¹.

В мартовском циркуляре Министерства земледелия и землепользования речь шла об общественных огородах для снабжения населения овощами, поэтому предлагалось привлечь «земские общественные силы, местных чинов Министерства земледелия, а, в случае добровольного предложения услуг и чинов других ведомств, особенно из учебного персонала ведомств Министерства народного просвещения, Торговли и промышленности, Святейшего Синода и других, которые в летнее время будут свободны от своих прямых учебных обязанностей»².

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 75–75 об.

² Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленных Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте Земледелия. Пг., 1916. С. 20–21.

В качестве свободных площадей, расположенных вблизи городов, рассматривались заброшенные сады, парки, выгоны для скота, обочины железнодорожных, шоссеиных и почтовых дорог, а также другие подобные земельные участки.

Вопрос о практической занятости учащихся в период летних каникул поднимался еще в 1915 г. Ссылаясь на газету «День», общественно-педагогическое издание «Школа и жизнь» пыталось ответить на этот вопрос, предполагая участие школьников в устройстве огородов в городах. Предлагались и другие варианты: «Можно было бы организовать отряды для рубки леса и пилки дров, для перевозки по рекам на баржах и плотам топлива и продовольствия, отряды для ловли и консервирования рыбы, для собирания ягод и грибов»¹.

В Елисаветграде директор одного из училищ вошёл в городскую управу со следующим предложением: взамен участия в обычной посадке деревьев, организуемой ежегодно городской управой, педагогический комитет училища остановился на другой форме привлечения учащихся средних и старших классов к распространению «культуры растений», форме, которая более соответствовала текущему моменту. Из учащихся средних и старших классов, в особенности остававшихся на лето в городе, организовывалась особая артель, которая под руководством и наблюдением членов педагогического комитета с весны до осени 1915 г. «будет занята огородными работами в черте города, соединив их с древонасаждением»². Учащиеся могли бы работать на местах постоянного жительства, не отлучаясь далеко от дома, допускалось также участие в работах их близких родных – старших по возрасту. «Недостаточно материально обеспеченные семьи могли бы в данном случае рассчитывать и на некоторое вознаграждение за свой труд но не деньгами, а выращенными овощами»³.

¹ Школа и жизнь. 1915. № 12. 23 марта. С. 3.

² Там же. С. 7–8.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 90 об. – 91.

В 1916 г. Министерство народного просвещения посчитало необходимым повсеместное привлечение именно к делу организации огородов как лиц учебного персонала, так и учащихся «обоего пола и разных возрастов» из различных учебных заведений, которые пожелали бы посвятить свой летний досуг этому полезному делу. В отличие от 1915 г., новая продовольственная ситуация придавала действиям министерства большую решительность. В его документах особое внимание уделялось привлечению к работам школьников из столичных и крупных российских городов, поскольку они в меньшем числе могли быть заняты в хозяйствах своих родителей, по сравнению с учащимися сельских школ, да и в плане оздоровительных мероприятий работа «в огороде на свежем воздухе могла принести определенную пользу»¹.

К тому же от возросших цен на овощную продукцию в большей степени страдали именно городские жители, покупавшие такую продукцию за деньги. В отдельных случаях, из-за «мобилизации лошадей», которую осуществляла армия, и призыва на фронт преподавателей, учебные заведения оказывались сами в затруднительном положении и едва справлялись со своим подсобным хозяйством².

На 1916 г. в Петрограде предполагалось заложить свыше 30 огородов и садов, в Царском Селе – 6. При 12-15 огородах предусматривалось устройство пасек с пчёлами. «Учащиеся могли бы своим малым трудом оказать помощь раненым. Независимо от этого, работа сблизит их с природой, а физический труд на свежем воздухе, поскольку почти все огороды расположены на окраинах, будет положительно влиять на здоровье»³.

Министерство народного просвещения издало на этот счет специальный циркуляр от 17 февраля 1916 г., за № 1350, а также дополнительно уведомило попечителей учебных округов о необходимости оказать возможное содействие популяризации этой идеи в среде преподавателей и учащихся. В конце

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 76.

² Прибавление к Вечернему времени. 1915. № 1177. 14 июля.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949. Л. 91.

марта того же года последовало издание на этот счет соответствующих циркуляров по учебным округам империи¹.

Практическое осуществление устройства городских огородов было связано с решением ряда проблем: требовалось, прежде всего, выяснить, какие огороды и сады могли бы быть предоставлены для обработки в городах и пригородах; определить, как вознаградить владельцев садов и огородов; найти знающих людей, которые взялись бы за ведение этого дела; собрать школьников, оставшихся на всё лето в городе, которые согласны были бы работать (несмотря на циркуляр министерства, добровольность участия в таких работах оставалась основным принципом организации учащихся); наконец, продумать нормы вознаграждения за труд в виде доли при разделе сбора урожая. «Все эти способы использования труда учащихся будут целесообразны, если учащиеся достаточно проникнутся серьёзностью своих обязанностей и если летние работы будут содействовать развитию в них самостоятельности и самодеятельности»².

Кроме чисто агрономической помощи населению, педагогический персонал учебных заведений вместе с учащимися принимал участие в благотворительной помощи семьям запасных деньгами и работами в местных благотворительных учреждениях. Отдельные учебные заведения помогали семьям запасных путём отпуска, льготного или бесплатного, некоторых продуктов, валежника, выполнения всякого рода работ, например, починка зданий и т. д. Из школ садоводства многие приняли участие в сборе и сушке плодов и овощей для армии³.

В отношении учащихся старшего возраста предполагалось, чтобы не оставлять им в период каникул «праздного досуга», вредного с воспитательной точки зрения, и «чтобы дать выход переживаемым ими

¹ Например: «О привлечении к участию лиц педагогического персонала и учащихся к организации общественных огородов». 19 марта 1916 г. № 2473.

² *Сент-Илер К.* Из печати // Школа и жизнь. 1915. № 12. 23 марта. С. 3.

³ Прибавление к Вечернему времени. 1915. № 1177. 14 июля.

чувствам и настроением, следует путём планомерной организации привлечь их теми или другими способами к общенародному делу защиты Родины в широком смысле этого слова»¹. Предлагалось сформировать разного рода ученические организации для помощи раненым, беженцам, для тех или иных работ, находившихся в ведении Общеземского союза и Союза городов или других существовавших в военное время обществ, избрав те отрасли их деятельности, которым может быть полезна добровольческая помощь. Участие в работах на огородах отчасти могло способствовать решению этой педагогической задачи.

В целях оказания помощи семьям лиц, призванных в армию, по надзору и уходу за детьми, Святейшим Синодом была предположена организация повсеместно в России особых временных детских приютов-яслей с привлечением к этому возможно большего контингента из местных интеллигентных кругов, главным образом женщин, которые пожелали бы принять участие в этой деятельности.

Проблема заключалась в том, что во время полевых работ крестьянки вынуждены были оставлять детей без присмотра или оставлять их на руках таких нянек, которые сами нуждались в присмотре старших. Результатом явилось увеличение числа различного рода несчастных случаев, связанных как со здоровьем самих детей, так и с общими проблемами деревень. Например, возросло количество пожаров, вызванных отсутствием надзора за детьми. В городах эта проблема имела свои особенности, но также существовала.

Синод обратился к Министерству народного просвещения с предложением оказать содействие в решении этой возникшей проблемы через выделение школьных помещений для яслей, а где это будет возможно – привлечением для участия в этом деле преподавателей и учащихся². В ответ на это предложение педагогическое ведомство 28 апреля 1915 г. издало за № 19969 специальный циркуляр «О содействии устройству временных приютов-яслей». В нем говорилось о том, что происходившие «чрезвычайные военные события

¹ Звягинцев Е. Из жизни средней школы // Вестник воспитания. 1915. № 5. Август. С. 97.

² Известия по народному образованию. 1915. Часть XLV. Июль. С. 40–40.

вызвали значительный отлив из сельских местностей мужского населения в связи с чем в предстоящий летний рабочий период на оставшуюся часть населения и, в особенности, на женщин ляжет усиленный труд по обработке, обсеменению и уборке полей»¹.

Устройство и содержание яслей должно было осуществляться приходскими попечительными советами, которые собирався организовать Синод, особыми женскими кружками, «которые пожелают посвятить этому благому делу свой личный труд и усердие»², а также уже существовавшими особыми приютами для детей от Ведомства учреждений императрицы Марии и отдела Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. Однако школы также могли принести в это дело ощутимую пользу.

Министр народного просвещения П.Н. Игнатьев в свою очередь обратился к попечителям учебных округов с циркуляром, в котором, сославшись на определение Святейшего Синода о призыве женщин к уходу за детьми лиц, которые в этом будут нуждаться, просил попечителей оказать своё содействие в организации яслей путем отвода школьных помещений для них и привлечением для участия в этом деле педагогов и учащихся³.

Педагогические журналы сообщали в 1915 г. о том, что, например, в Ростове-на-Дону родительский кружок совместно со школьной комиссией Земского союза осуществлял устройство в деревнях яслей на время летних работ. Совместное заседание родительских комитетов учебных заведений в Новониколаевске (на Алтае) также выступил за создание сельских приютов-яслей в помощь деревне⁴.

Однако общественные организации (попечители городского Комитета общественной помощи) посчитали, что нельзя ограничиваться лишь созданием летних приютов для детей воинов, находившихся на фронте, что это слишком узкая

¹ Известия по народному образованию. 1915. Часть XLV. Июль. С. 40–41.

² Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1915. № 6. Июнь. С. 19.

³ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1915. № 14826. 5 мая.

⁴ Школа и жизнь. 1915. № 12. 23 марта. С. 8.

задача. Минская городская управа предполагала создание детских колоний непосредственно в городах и не только в летний период. Такого рода структуры должны были являться своеобразными клубами для детей младшего возраста и важная роль в их деятельности отводилась учащимся средних школ¹.

Министерство народного просвещения, руководство округов и учебных заведений, упомянутые родительские комитеты выступали инициаторами активности учащихся в оказании по разным направлениям помощи государству. Однако, необходимо отметить, что формы организации этой помощи и степень действительной сопричастности учащихся проводимым мероприятиям могли отличаться. В этом смысле показательными являются сообщения с мест, в которых школьная администрация, констатируя всеобщую самоотверженность подрастающего поколения, тем не менее отмечала определенные организационные проблемы.

Так, директор гимназии в Яранске – уездного города в Вятской губернии, в своем отчете в министерство указывал, что учащимися, благодаря собранным средствам, было изготовлено несколько сотен подарков солдатам, уходившим на войну. При непосредственном участии учеников прошло три концерта, значительная доля дохода от которых была также предназначена на нужды, так или иначе связанные с войной. Наконец, летом гимназисты принимали «некоторое участие» в полевых работах с целью оказания помощи семьям солдаток².

Однако, рассуждая об общественной активности учащейся молодёжи в Яранске, директор гимназии все же сетовал на то, что только один из воспитанников учебного заведения в 1914 году ушёл добровольцем на фронт.

По мнению руководителя гимназии, это объяснялось местоположением Яранска, который представлял собой «слишком глубокий тыл, откуда гроза военных событий слышится совсем заглушённой». В Яранске не было лазарета для раненых, рассуждал он, – «из волны в 10000 беженцев, направлявшейся по первоначальному предначертанию администрации в Яранский уезд, докатилась

¹ Новое предположение в Минске // Минский голос. 1915. № 1675. 8 апреля.

² Отчёт по Яранской мужской гимназии за 1915 год. Яранск, 1916. С. 18.

лишь небольшая часть в несколько сот человек. Нет в Яранске и войска. Таким образом, для яранской молодёжи отпадают те моменты, которые имеют особенную силу, когда взвешивается решение, вступить ли сейчас в ряды защитников Родины или продолжать учиться, пока есть возможность»¹.

Тем не менее, директор гимназии выражал уверенность в том, что гимназисты Яранска способны на такую же отзывчивость к переживаемым событиям, которую, «судя по сообщениям о том в печати», проявляет молодёжь в других городах. «Когда придёт время ученики Яранской гимназии исполнят свой долг, но пока об их высокой общественной активности говорить не представлялось возможным»², – заключал он.

Второй пример относится к учащимся ревельских учебных заведений, которым кроме летних занятий спортом, пения, рукоделия пришлось летом 1915 г. по причине военной обстановки возводить укрепления вокруг города. Городская управа, по предложению коменданта морской крепости обратилась к населению с воззванием 10 июля 1915 г., приглашая желающих принять участие в возведении оборонительных сооружений. В числе других записались 800 человек учеников и учениц разных возрастов³.

Председатель комиссии начальников учебных заведений Ревеля, по итогам проведенного среди директоров гимназий совещания обратился к эстляндскому губернатору с ходатайством о том, чтобы записавшиеся на работы учащиеся были выделены в особую рабочую артель, и чтобы для них был отведен особый определенный участок, где они могли бы работать и жить под непрерывным наблюдением лиц из педагогического персонала соответствующих учебных заведений. Ходатайство это было удовлетворено, для работ учащихся был избран участок крепостного района, расположенный в девяти верстах от города, по Нарвскому шоссе⁴.

¹ Отчёт по Яранской мужской гимназии за 1915 год. С. 18.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 490. Л. 162.

⁴ Там же. Л. 162 об.

Для учащихся средних учебных заведений (гимназий Александровской и императора Николая I, а также городского реального училища) была подготовлена только что отстроенная вместительная казарма, а для учащихся заведений других ведомств (торговой школы и железнодорожного училища) – 4 специальных барака.

Перед выходом на работы, председателем комиссии начальников учебных заведений города Ревеля было устроено заседание руководителей учебных заведений с участием преподавателей, изъявивших согласие отправиться вместе со школьниками на работы. На этом заседании в общих чертах был установлен повседневный режим для учащихся во время их пребывания на местах работы и соответствующая инструкция для преподавателей-наблюдателей¹. На том же заседании было решено исключить из числа записавшихся на работы всех учениц (их всего было около 50) и учащихся мужских учебных заведений в возрасте до 14-15 лет. Таким образом решено было привлечь на работы от средних учебных заведений лишь 405 человек при 44 преподавателях².

Осуществление намеченных работ началось с 14 июля. Каждый день, за исключением воскресных, они длились с 7 часов утра до 7 часов вечера, с перерывом на обед и на отдых от 12 до 15 часов.

Учащимся средних учебных заведений предложено было трудиться над устройством крепостного окопа с блиндажами и галереями для перехода из первого в последние, а учащимся всех остальных училищ предстояло обустроить батарею с прилегающими к ней блиндажами, переходами и погребами для снарядов. Работы были закончены 5 августа, учащимися остальных учебных заведений они были завершены 12 августа³. «На протяжении всего периода осуществления работ не было ни одного случая заболевания кого-либо из учащихся, не

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 490. Л. 163.

² Там же.

³ Там же. Л. 163 об.

замечалось и их физического переутомления. Более того, все они в течение времени работ отличались особенной бодростью»¹.

Таким образом, учащиеся занимались оказанием помощи раненым в тылу, в питательных пунктах по пути их следования, изготавливали бельё, организовывали сборы пожертвований и медикаментов, осуществляли санитарную и пожарную работу, о которой также встречаются упоминания.

«Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны» рассказывали об особенностях летних занятий учащихся. Среди них была работа в швейных, портняжных, сапожных, переплётных, кузнечно-слесарных, столярных мастерских. Школьники занимались рукоделием, починкой белья. Начиная с весны – огородничеством. Из подростков были созданы артели по заготовке и перевозке дров, организовывались бригады полотёров, дровосеков, учреждались плетёночная, ложечная, ткацкая мастерские².

Сложно определить масштабы энтузиазма учащихся, сопутствовавшего деятельности средней школы Российской империи в годы Первой мировой войны. Важным является в данном случае показать на материалах конкретных сохранившихся документальных свидетельств активность воспитанников учебных заведений в деле помощи государству, участвовавшему в войне, отразить особенности проявления этого энтузиазма.

Однако следует в первую очередь учитывать то обстоятельство, что продемонстрированная активность формально была вызвана мировой войной, но она была направлена не на ее поддержание, а на оказание помощи в первую очередь тем, кто от нее пострадал. В этом была значительная заслуга Министерства народного просвещения и педагогов, направлявших и участвовавших во всех проводимых мероприятиях вместе со своими воспитанниками.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 490. Л. 164.

² Обследование деятельности отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 22. 15 июня. С. 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании поднимается важная проблема соотнесения стереотипных представлений о массовом восприятии Первой мировой войны с явлениями, отличавшимися своими индивидуальными условиями происхождения и формами существования.

В данном случае речь идет о российской школе, жизнь которой временами соответствовала общим процессам, характерным для войны, но при определенных обстоятельствах – отличалась и выходила за их рамки, сохраняя особенности своей собственной реальности. Попытки в исследованиях подвести школьную действительность периода Первой мировой войны исключительно под воздействие происходивших в тот период событий или вывести систему образования из-под прямого влияния военных процессов, на наш взгляд, в равной степени терпят неудачу.

Изученная научная литература показывает, что российская средняя школа в конце XIX – начале XX вв. представляла собой множество различных типов учебных заведений. С одной стороны, очевидно, что это давало возможность получения среднего образования представителям различных сословий, с разным материальным достатком. С другой – отсутствие преемственности между уровнями школы значительно затрудняло процесс приобретения специального высшего и, тем более, университетского образования. Вызовам времени не отвечала не только структура среднего образования, но и внутреннее содержание учебного и воспитательного процессов. Прежде всего это касалось гимназий с существовавшим в них засильем древних языков. Однако только после окончания именно этих учебных заведений предоставлялось право на получение университетского образования. В целом для российской школы было характерно недостаточное внимание к преподаванию русского языка, истории, географии. Господствовала излишняя регламентация внутреннего и внешкольного распорядка жизни учащихся.

В то же время модернизация, которую переживала Российская империя, с необходимостью предъявляла запрос на значительное количество специалистов в различных общественных сферах. Попытки реформирования образовательной системы в России предпринимались неоднократно, однако каждый раз они не доводились до конца. Причинами незавершенности были низкий уровень финансирования сферы образования, непоследовательность и косность высшей бюрократии, ответственной за реформы, излишняя осторожность и боязнь перемен, которые могли, по ее мнению, привести к излишней политизации учащихся.

Тем не менее необходимо отметить, что определенная демократизация школьной системы в пореформенное время происходила. Причем это проявилось не только в изменении социального состава учащихся, среди которых становилось больше представителей непривилегированных сословий, но и в актуализации дискуссий как в общественной среде, так и непосредственно в педагогической о необходимости становления «русской национальной школы» и внедрения «национального воспитания», которые были аналогичны современным представлениям о патриотическом и гражданском воспитании.

Поражение в Русско-японской войне, а также общественно-политические процессы в российском обществе, предопределившие начало Первой русской революции, вновь выдвинули на повестку дня вопросы о необходимости изменения качества образования и воспитания подрастающего поколения.

Так, появление отрядов «потешных» можно рассматривать, как попытку введения элементов военно-патриотического воспитания, и в то же время формирования у учащихся самодисциплины, организованности, индивидуальной инициативы, т. е. качеств, по мнению организаторов этих отрядов, необходимых для солдат современных для того времени армий. Однако опыт создания «потешных» не получил массового распространения. С одной стороны, сказалась боязнь чиновников в отношении молодежных организаций, представители которых в силу возрастных особенностей могли быть склонны к радикализму. С другой – их формальный подход к реализации инициативы, интерес

к показательной, парадной составляющей движения, не способствовал его популярности у подрастающего поколения.

Исследование показало, что более востребованными в условиях начавшейся войны оказались те умения и навыки, которые прививались подросткам – участникам скаутского движения, которое сочетало в себе как военно-патриотическое, так и культурно-просветительное воздействие на подростков. Высокую степень патриотизма проявили участники сокольского движения, многие из которых уходили добровольцами на фронт или становились активными участниками различных акций в помощь фронту в тылу. Таким образом, опыт деятельности этих организаций продемонстрировал неэффективность воспитательного воздействия на подростков исключительно при помощи административной власти, без учета реальных интересов учащихся.

Тем не менее, на протяжении всех военных лет, когда учащиеся становились деятельными участниками всевозможных благотворительных, волонтерских, просветительских, военно-патриотических и других организаций, школе приходилось не просто выполнять организаторские функции. По мнению руководства Министерства народного просвещения, учебных заведений, рядовых педагогов, представителей общественности, их важнейшая задача состояла в сохранении качественного процесса передачи знаний, а также в пресечении распространившегося в среде учащихся желания стать непосредственными участниками боевых действий. В экстремальных условиях это означало и усиление административного контроля со стороны школы.

На наш взгляд российская образовательная система на протяжении войны проводила вполне оправданную политику, всячески поощряя инициативы учащихся по решению социальных проблем в тылу, тем самым отвлекая их от желания оказаться на фронте. В то же время министерство по возможности регламентировало реализацию этих молодежных инициатив, с тем, чтобы они не срывали учебный процесс. В результате решалась двуединая задача. С одной стороны, увеличивались масштабы социальной помощи населению, с

другой – у учащихся формировались установки, которые можно определить, как «социальный патриотизм».

Конечно, в целом вклад учащихся в решении социальных проблем в масштабах страны не был решающим, но это не принижало их усилий и параллельно способствовало становлению их гражданской ответственности, приобщению к общественному единению, охватившему страну в условиях начавшейся войны.

Сказанное выше относится и к трудовому участию учащихся в решении экономических проблем страны. Наиболее широкий резонанс получила акция организации трудовых сельскохозяйственных дружин.

Причем в начальный период войны инициатива спонтанно родилась в рамках Министерства земледелия и землепользования, что было вполне объяснимо с точки зрения того, что именно этому ведомству предстояло решить проблему сбора урожая в условиях массовой мобилизации сельскохозяйственных тружеников. Создание первых дружин в Минской губернии также объясняется проблемами начавшейся войны, поскольку только что образованный Минский военный округ являлся тылом и материальной базой Северо-Западного фронта, оказавшегося в центре боевых действий. В дальнейшем возникшую инициативу поддержало и Министерство народного просвещения, усмотрев в ней не только способ решения экономических проблем, но и воспитательный потенциал.

Необходимо отметить и тот опыт в широком смысле, который получила российская система образования в перестройке работы учебных заведений, в изменении школьных программ, в выполнении разного рода государственных заказов. Причем этот опыт касался как общеобразовательной учебной работы, так и освоения учащимися новых профессиональных навыков, которые пришлось корректировать, исходя из запросов военного времени.

Таким образом, представленное диссертационное исследование расширяет общую картину функционирования системы российского образования в условиях Первой мировой войны. Использование обширной источниковой

базы позволило восстановить историю принятия изменений к образовательному законодательству Российской империи, выяснить основную мотивацию творцов реформы, произошедшей именно в условиях войны. Реформа министра П.Н. Игнатьева в своей основной части заметно модернизировала структуру и содержание образования, ограничив объем изучения дисциплин, лежавших в основе классической системы и расширив изучение истории Отечества, русской литературы, родного языка и географии.

Предпринятый в диссертационном исследовании анализ периодической печати, освещавшей проблемы реформирования школы, показал, что с самого начала преобразований в прессе наблюдался своеобразный эмоциональный подъем, направленный на позитивное решение существовавших проблем. Даже попытки критического осмысления происходившего, не содержали отказа от ключевых направлений реформирования образования. Само Министерство народного просвещения тщательно следило за публикациями печати, о чем свидетельствуют многочисленные вырезки из газет, сохранившиеся в канцелярских делах ведомства.

Исследование показало, что несомненным достоинством разработанной реформы явились шаги к реальному расширению воспитательных начал в школе, призванных стать ответом на негативные тенденции, сопровождавшие набиравшую силу войну. Авторы преобразований были уверены, что в просвещении и в развитии самостоятельности и инициативности (предприимчивости) подрастающего поколения кроется главный успех благополучного развития России в настоящем и особенно – в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Законодательные акты

1. Высочайше утверждённые устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 30 июля 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2-е. – Т. 46 (1871). – Ч. 2. – № 49860.

2. Высочайше утверждённое положение: 1) о городских училищах и 2) об учительских институтах. 31 мая 1872 г. // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. 47 (1872). – №. 50909.

3. Именной высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах об обществах и союзах». 4 марта 1906 г. // ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. 26 (1906). – Ч. 1. – № 27479.

4. Декрет об обязательном обучении военному искусству, принятый в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М., 1959. – Том II. – С. 151–153.

5. Об образовании Верховного совета по призрению семей, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – Отдел первый. – 1914. – № 224. – Ст. 2239.

6. Положение о мобилизации спорта. 8 декабря 1915 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – Отдел первый. – 1915. – 20 декабря. – № 365.

7. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 592 с.

8. Совет министров. О разработке мер по физическому воспитанию лиц допризывного возраста. 21 октября 1915 – 22 января 1916 г. // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 11. – Д. 931.

9. Совет министров. Об отпуске средств на допризывную подготовку учащихся выпускных классов. 8 марта // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 12. – Д. 1596.

10. Совет министров. Об организации детских потешных полков // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 6. – Д. 460.

11. Совет министров. Об учреждении мужских гимназий и реальных училищ в составе только старших классов без четырех младших // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1277а. – Д. 1595.

2. Статистические материалы

1. Доклады Комитету Ее императорского высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий за 1914 год. – Петроград: Государственная типография, 1914.

2. Смета доходов, расходов и специальных средств Министерства народного просвещения на 1914 год. – СПб., 1913.

3. Статистический ежегодник России. 1915 г. (Год двенадцатый). Издание Центрального статистического комитета МВД. – Пг., 1916.

4. Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. – Пг., 1916.

3. Законодательные постановления и распоряжения по учебному ведомству

1. Законодательные постановления и правительственные распоряжения по учебному ведомству // Русская школа. – 1915. – № 9–10. – Сентябрь–октябрь.

2. Законодательные постановления и правительственные распоряжения по учебному ведомству // Русская школа. – 1916. – Кн. 4. – Апрель.

3. Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. министра народного просвещения. – Пг.: Сенатская типография, 1915. – 552 с.

4. Наставление для обучения гимнастике и строевому образованию потешных рот. – Одесса: Рус. гимнаст. о-во, 1910. – 58 с.

5. Наставления для учеников гимназий, прогимназий и реальных училищ г. Москвы казенных и полноправных. Составлено на основании правил, утвержденных г. Министром Народного просвещения. – М., 1912. – С. 9–10.

6. О привлечении учащихся Кавказского учебного округа к участию в организации «школьной трудовой помощи». – Анапа: типография А.Д. Басанько, 1915. – 16 с.

7. О разрешении ученикам VI, VII и VIII кл. средних уч. заведений, выразившим желание отправиться в действующую армию добровольцами, держать испытание в январе 1915 г. Сообщение по кругам. 1 декабря 1914 г., за № 34669 // Циркуляры по Виленскому учебному округу. – 1915. – № 1. Январь. – С. 32–33.

8. О сообщении в Министерство народного просвещения обо всех случаях привлечения учебных заведений округа к работам по изготовлению респираторов и других предметов для действующей армии (9 июля 1915 № 30557) // Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1915. – Октябрь. – № 10. – С. 6–7.

9. *Петровский В.В.* Памятка потешного воина. – СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1911.

10. Положение о военно-санитарном поезде № 96 Киевского учебного округа имени его императорского высочества Великого князя Николая Николаевича. – Киев, 1916. – 28 с.

11. Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. (Утверждены г. Министром народного просвещения 4-го мая 1874 г.). – Казань, 1874.

12. Правительственные распоряжения. О мобилизации спорта (3-го мая 1916 года, № 4112) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. Новая серия. – Ч. 63. – № 6. – Июнь. – С. 71.

13. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том второй. Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое (1825–1839). – СПб., 1864. – Ст. 731–732.

14. Совещания, происходившие в 1899 г. в Московском учебном округе по вопросам о средней школе, в связи с циркуляром г. Министра Народного Просвещения от 8 июля 1899 г. за № 16212: на правах рукописи. – М.: [б. и.], 1899. – Вып. 6.

15. Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. – Пг., 1916.

16. Циркуляр Министерства народного просвещения № 1350 «О трудовых дружинах» от 27.04.1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. – Новая серия. – Ч. 64. (№ 7). – Июль. – С. 22–23.

17. Циркуляр Министерства народного просвещения № 2473 от 19.03.1916 «О привлечении к участию лиц педагогического персонала и учащихся к организации общественных огородов».

18. Циркуляр Министерства народного просвещения № 3952 «О трудовых дружинах» от 17.02.1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. – Новая серия. – Ч. 62. (№ 4). – Апрель. – С. 80.

4. Делопроизводственная документация

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Военная цензура при Петроградском комитете по делам печати Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 281; Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 281.

2. Департамент земледелия. Дело о выдаче наград ученикам сельскохозяйственных учебных заведений, участвовавшим в организации агрономической помощи семьям призванных в войска // РГИА. – Ф. 398. – Оп. 72. – Д. 29616.

3. Департамент земледелия. Об организации трудовых дружин из учащихся // РГИА. – Ф. 398. – Оп. 75. – Д. 639.
4. Жалобы, долги и переписка по вырезкам из газет // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 156. – Д. 494.
5. Материалы по обсуждению проекта правил о порядке организации и деятельности местных совещаний по делам профессионального образования, присланные на заключение // РГИА. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 421.
6. Мобилизация технических учебных заведений // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 263.
7. О мероприятиях в связи с обстоятельствами военного времени // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 201. – Д. 490.
8. О мероприятиях к восстановлению нормальной жизни в учебных заведениях в местностях, пострадавших от военных действий // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 182. – Д. 179.
9. О мобилизации спорта // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 199. – Д. 342.
10. О разных вопросах в связи с обстоятельствами военного времени // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 201. – Д. 498.
11. Об организации трудовых дружин из учащихся для оказания помощи семьям призванных на войну в полевых работах. Часть 1 // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 196. – Д. 948.
12. Об организации трудовых дружин из учащихся для оказания помощи семьям призванных на войну в полевых работах. Часть 2 // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 196. – Д. 949.
13. Разная переписка по вопросам внешкольного образования // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 182. – Д. 177.
14. Реформа средней школы: общее основание и вопросы // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 168. – Д. 1182.
15. Реформа средней школы: разная переписка // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 168. – Д. 1202.

16. Реформа средней школы: разная переписка. Совещания, съезды попечителей учебных кругов в феврале 1915 г. и марте 1916 г. // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 168. – Д. 1207.

17. Совещание по реформе средней школы в апреле 1915 г. // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 168. – Д. 1206.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

18. Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем // РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 29.

19. Главное управление Генерального штаба. Отдел генерал-квартирмейстера // РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 6840.

20. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 653.; – Оп. 1. – Д. 1734.

21. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. – Ф. 2031. – Оп. 1. – Д. 1223.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Департамент полиции Министерства внутренних дел // ГАРФ. – Ф. 102 (Д.-2). – Оп. 73. – 1915. – Д. 10. – Ч. 46.

2. Канцелярия министра председателя Временного правительства // ГАРФ. – Ф. 1778. – Оп. 1. – Д. 43.

3. Таубе Михаил Александрович // ГАРФ. – Ф. 596. – Оп. 1. – Д. 70.

Российский государственный военный архив (РГВА)

1. Секретариат заместителя председателя Революционного военного совета республики // Ф. 33988. – Оп. 2. – Д. 146.

Государственный архив Брянской области (ГАБО)

1. Переписка с посторонними учреждениями об изготовлении предметов для нужд военных // Ф. 337. – Оп. 1. – Д. 239.

5. Отчеты, доклады, журналы заседаний по ведомству

Министерства народного просвещения

1. Всеподданнейший Отчет министра народного просвещения за 1912 год. – Пг., 1915. 251 с.
2. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. – Пг., 1916. 251 с.
3. Деятельность Московского городского управления в 1913–1916 гг. – М.: Городская типография, 1916. – 68 с.
4. Доклады Комитету Ее императорского высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий за 1914 год. – Петроград: Государственная типография, 1914.
5. Его превосходительству господину директору Императорского Московского технического училища. Преподавателя механического отделения Ивана Ивановича Куколевского заявление. На правах рукописи. – Б.м., б.г.
6. Извлечение из отчета о состоянии Казанской частной женской гимназии, с полными правами министерских гимназий за 1914 год. – Казань: Центральная типография, 1915. – 20 с.
7. О работах для нужд военного времени. В годовую тяжелых испытаний, выпавших на нашу Родину. 31-го июля 1914 года, № 5657 // ГАРФ. – Ф. 596. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 1 – 1 об.
8. Отчёт о деятельности лазарета, столовой для детей запасных и швейной, учреждённых при гимназии А.С. Алферовой. – М., 1915: Типография И.М. Машистова. – 16 с.
9. Отчет о деятельности мастерской Киевского учебного округа по изготовлению противогазовых масок (за время с 10 июля по 1 сентября 1915 г.). – Киев, 1915. – 16 с.
10. Отчёт о состоянии Вологодской императора Александра I Благословенного гимназии за 1914–1915 учебный год. – Вологда, 1915.
11. Отчёт о состоянии Московской XI гимназии за 1914–1915 учебный год. – М., 1916.
12. Отчёт по Яранской мужской гимназии за 1915 год. – Яранск, 1916.

13. Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – М. ; Л., 1926. – Т. VI. – 416 с.

14. Протокол № 1 заседания 22 июня 1915 года // Журнал Сопещания гг. представителей Императорского технического училища и технических школ Московского учебного округа для обсуждения вопросов о мобилизации и наилучшем использовании этих школ для нужд военного времени. 22–23 июня 1915 г. – М., 1915.

15. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 115. – Отчёт Петроградской Ларинской гимназии за 1916 г.

16. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 116. – Отчёт по пятой Петроградской гимназии за 1916 г.

17. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 118. – Отчёт Петроградской седьмой гимназии за 1916 г.

18. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 119. – Отчёт Петроградской восьмой гимназии за 1916 г.

19. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 120. – Отчёт Петроградской гимназии императора Петра Великого за 1916 г.

20. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 122. – Отчёт Петроградской Десятой гимназии за 1916 г.

21. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 125. – Отчёт о состоянии Петроградской тринадцатой гимназии за 1916 г.

22. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 126. – Отчёт по гимназии Императорского человеколюбивого общества за 1916 г.

23. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 140. – Отчёт по гимназии доктора Н.П. Шеповальникова в Петрограде за 1916 г.

24. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 141. – Отчёт по гимназии Г.К. Штемберга в Петрограде за 1916 г.

25. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 156. – Отчёт по Вологодской, имени императора Александра Благословенного гимназии.

26. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 156. – Отчёт Новгородской мужской гимназии за 1916 год.
27. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 231. – Отчёт по Царскосельскому реальному училищу императора Николая II за 1916 г.
28. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 231. – Отчёт по Царскосельскому реальному училищу императора Николая II за 1916 г.
29. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 751. – Отчёт по Московской 10-й гимназии за 1916 г.; РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 752. – Отчёт по Московской 11-й гимназии за 1916 г.
30. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 796. – Отчёт по Карачевской мужской гимназии за 1916 г. Орловская губерния.
31. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 904. – Отчёт Юхновского реального училища имени А.А. Сибарова Смоленской губернии за 1916.
32. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д.166. – Отчёт Петергофской гимназии имени императора Александра II за 1916 г.
33. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 228. – Д. 97. – Личная переписка министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева.
34. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 340. – Д. 164. – Отчёт Новгородской мужской гимназии императора Александра I за 1916 г.
35. РГИА. – Ф. 769. – Оп. 1. – Д. 146. – Романовский комитет. О ковровской роте потешных и об отправки её на полевые работы в помощи семьям призванных на фронт.
36. РГИА. – Ф. 773. – Оп. 205. – Д. 209. – Отчёт по Выборгскому реальному училищу за 1916.
37. Съезд директоров, начальниц, председателей попечительных и педагогических Советов, родительских комитетов и преподавателей средних учебных заведений Казанского учебного округа, бывший в г. Казани с 3 по 11 июня 1916 г. – Казань: Центральная типография, 1916.

38. *Чембулов Ф.З.* Трудовые дружины учащихся. Доклад совещанию по организации посевной площади в 1917 г. 22-24 ноября 1916 г. // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 196. – Д. 948.

6. Публикации в периодических изданиях

1. Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. – 1915. – № 14826. – 5 мая.
2. Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14943. – 4 июля.
3. *Блонский П.* О национальном воспитании // Вестник воспитания. – 1915. – № 4. – Апрель. С. 1–38.
4. Вестник воспитания. – 1915. – № 4. – Апрель.
5. Вестник воспитания. – 1915. – № 7. – Октябрь.
6. Вестник воспитания. – 1916. – № 6. – Сентябрь.
7. Вестник воспитания. – 1915. – № 4. – Апрель.
8. Вестник Оренбургского учебного округа. – 1915. – № 6-7.
9. Вечернее время. – 1915. – № 1036. – 21 февраля.
10. Война и школьная жизнь // Народное образование. – 1914. – Т. II. – Кн. 9. – С. 135–138.
11. Вырезки из газет // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 182. – Д. 140.
12. Вырезки из газет // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 182. – Д. 141.
13. Газета-копейка. – 1914. – № 2263. – 2 ноября.
14. Газетные вырезки по вопросам деятельности МНП // Ф. 733. – Оп. 228. – Д. 155.
15. Газетные вырезки // Ф. 733. – Оп. 186. – Д. 2462.
16. Гимназисты-добровольцы // Школа и жизнь. – 1914. – № 40. – С. 9–10.
17. *Горный Владимир.* Война и дети // Народный учитель. – 1916. – № 14. – С. 5–6.
18. *Егоров Т.* Деревенские дети о войне (Из опыта одной анкеты) // Народный учитель. – 1916. – № 11. – С. 3–5.

19. *Егоров Т.Г.* Что думают дети о войне // Народный учитель. – 1915. – № 7. – С. 5–8.
20. Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – Новая серия. – Ч. 60. – № 11. – Ноябрь.
21. Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – Новая серия. – Ч. 62. – № 3. – Март.
22. Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – Новая серия. – Ч. I. – Февраль.
23. Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – Новая серия. – Ч. XLI. – Октябрь.
24. Журнал Министерства народного просвещения. – 1901. – Ч. CCCXXXVII. – Сентябрь.
25. *Звягинцев Е.* Война и дети // Народный учитель. – 1914. – № 24.
26. *Звягинцев Е.* Война и школьники. Анкета // Народный учитель. – 1914. – № 22–23.
27. *Звягинцев Е.* Из жизни средней школы // Вестник воспитания. – 1915. – № 5. – Август.
28. *Звягинцева Е.* Отношение детей к войне // Вестник воспитания. – 1915. – № 4. – Апрель. – С. 134–156.
29. *Зенов Ф.* Война и дети // Народное образование. – 1914. – Кн. 12. – С. 481–496.
30. Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. – 1917. – № 21. – 1 июня.
31. Известия Петроградского родительского кружка. – 1915. – № 3.
32. Известия Петроградского родительского кружка. – 1915. – № 4.
33. Известия по народному образованию. – 1915. – Часть XLV. – Июль.
34. Известия по народному образованию. – 1915. – Часть XLV. – Июнь.
35. Итоги сбора на Красный Крест // Газета-копейка. – 1914. – № 2283. – 22 ноября.

36. К организации ученических дружин // Новое время. – 1915. – № 14130. – 13 июля.
37. Киевлянин. – 1916. – № 360. – 16 декабря.
38. *Лебедев С.* Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Русская школа. – 1916. – Январь. – Кн. 1. – С. 1-30.
39. *Левитин С.* Дети и война // Русская школа. – 1915. – № 5–6. – С. 82–101.
40. *Левитин С.* Крестьянские дети и война // Русская школа. – 1915. – № 9–10. – С. 68–97.
41. Минский голос. – 1915. – № 1712. – 15 мая.
42. Наши задачи // Голос средней школы. Непериодическое издание, посвященное жизни средней школы. – 1915. – Сборник первый.
43. Новое время. – 1915. – № 14062. – 5 мая.
44. Новое время. – 1915. – № 14062. – 5 мая.
45. Новое время. – 1915. – № 14119. – 2 июля.
46. Новое время. – 1915. – № 14130. – 13 июля.
47. Новое время. – 1915. – № 14133. – 16 июля.
48. Новое время. – 1915. – № 14134. – 17 июля.
49. Новое предположение в Минске // Минский голос. – 1915. – № 1675. – 8 апреля.
50. Образовательный ценз для председателей родительских комитетов // Новое время. – 1915. – № 4044. – 17 апреля.
51. Обследование деятельности отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. – 1917. – № 22. – 15 июня. – С. 5–7.
52. Оздоровление молодёжи // Новое время. – 1915. – № 14109.
53. Орловский вестник. – 1914. – № 202. – 25 августа.
54. Петроградский листок. – 1916. – № 358. – 29 декабря
55. По газетным вырезкам // Ф. 733. – Оп. 186. – Д. 2420.

56. Помощь сельскохозяйственных школ // Новое время. – 1915. – № 14040. – 13 апреля.
57. Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь. – 1915. – № 6. Июнь. – С. 35-42.
58. Прибавление к Вечернему времени. – 1915. – № 1177. – 14 июля.
59. Реформа средней школы // Биржевые ведомости. – 1915. – № 14819. – 2 мая.
60. Речь. – 1914. – № 176. – 1 июля.
61. Речь. – 1915. – № 195. – 18 июля.
62. Русское слово. – 1916. – № 162. – 14 июля.
63. Русское чтение. – 1915. – № 142. – 1 июля.
64. Сбор «звезды» // Газета-копейка. – 1914. – № 2285. – 24 ноября.
65. Сельский труд учеников // Новое время. – 1915. – № 14038. – 11 апреля.
66. *Сент-Илер К.* Из печати // Школа и жизнь. – 1915. – № 12.
67. Совещание директоров учебных заведений // Школа и жизнь. – 1914. – № 9. – С. 8.
68. Сокол. – 1913. – № 1-2.
69. Солдатская служба и жизнь // Сельский вестник. – 1907. – № 138. – 27 июня.
70. Список сокольских обществ // Вестник Русского сокольства. – 1914. – № 1. – С. 8-11.
71. Средняя школа // Школа и жизнь. – 1916. – № 13.
72. Трудовая помощь. – 1916. – № 1. – С. 76.
73. У.Р. Национальное воспитание // Школа и Жизнь. – 1914. – № 3.
74. Учащаяся молодежь на полях // Новое время. – 1915. – № 14116. – 29 июня.
75. Хроника // Вестник воспитания. – 1915. – № 4. – Апрель.
76. Циркуляр Одесского учебного округа. – 1914. – № 12.

77. Циркуляр по Виленскому учебному округу. – 1915. – № 2. – Февраль. – С. 129-130.
78. Циркуляр по Виленскому учебному округу. – 1915. – № 6. – Июнь. – С. 462–463.
79. Циркуляр по Рижскому учебному округу. – 1915. – № 1-2. – Январь-февраль.
80. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1915. – № 6. – Июнь.
81. *Чистяков В.* Война в переживаниях деревенских детей // Народный учитель. – 1915. – № 8. – С. 4–7.
82. Школа и бойскауты // Биржевые ведомости. – Утренний выпуск. – 1915. – № 14953. – 9 июля.
83. Школа и война // Школа и жизнь. – 1916. – № 13.
84. Школа и война // Школа и жизнь. – 1916. – № 3.
85. Школа и война // Школа и жизнь. – 1916. – № 5.
86. Школа и жизнь. – 1914. – № 30. – 29 июля.
87. Школа и жизнь. – 1914. – № 33. – 24 августа.
88. Школа и жизнь. – 1914. – № 42. – 20 октября.
89. Школа и жизнь. – 1914. – № 44. – 3 ноября.
90. Школа и жизнь. – 1914. – № 47. – 24 ноября.
91. Школа и жизнь. – 1915. – № 12. – 23 марта.
92. *Учительница.* Отражение войны в жизни школы // Русская школа. – 1915. – № 11. – С. 42–53.
93. *Femina.* В поисках подвига // Петроградские ведомости. – 1914. – № 217. – 26 сентября.

7. Мемуарная литература

1. Russian schools and universities in the world war Introduction, by Count Paul N. Ignatiev ... Primary and secondary schools, by Dimitry M. Odinetz ... Universities and higher technical schools, by Paul J. Novgorotsev. – New Haven: London: Yale University Press, 1929. – 239 p.

2. *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. – М., 1995. – 431 с.

3. *Кучин В.Л.* Скауты России. XX век. Воспоминания старших поколений. – М.: Издательство «ИСТЕК», 2003. – 320 с.

4. *Лебедянский С.Н.* Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875–1915. – Тихвин: Типография Е.П. Благовещенской, 1915. – 114 с.

5. Личная переписка министра народного просвещения графа П.Н. Игнатъева // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 228. – Д. 97.

6. *Лодыженский А.А.* Воспоминания. – Париж: [Б. и.], 1984. – 146 с.

7. *Луцкевич А.А.* Бахмутские «потешные»: (Автобиограф. очерк организатора «потешных» А.А. Луцкевича). – Бахмут: тип. И.Х. Новикова, 1912. – 62 с.

8. *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. – М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. – Т. 2. – 528 с.

9. *Таубе М.А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917) / Под ред. А. Сорокина, Т. Чеботаревой, авт. коммент. М.А. Волхонский, Ф.А. Гайда. – М.: «Памятники исторической мысли», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 272 с.

10. *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Флоринский М.Ф., Ганелин Р.Ш. – Русское прошлое. Историко-документальный альманах. – СПб., 1996. – Кн. 7. – С. 245–348.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Научные статьи и монографические исследования

1. *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). – СПб.: Издание О. Богдановой, 1912. – 346 с.

2. *Архангельская Л.В.* Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере пермской губернии) // Вестник Пермского университета. – История. – 2016. – Вып. 2 (33). – С. 70–78.

3. Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы Первой мировой войны // Материалы третьей международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы», г. Пинск, 23-25 апреля 2009 г. – Пинск, 2009. – Ч. 2. – С. 27–28.

4. *Белюков Д.А.* Физическая культура и спорт в уездных городах России в конце XIX – начале XX века (на примере Великих Лук) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 26–28.

5. *Бендриков К.* Школьная система России перед Февральской революцией // Народное образование. – 1947. – № 3. – С. 41–60.

6. *Билинцов С.И.* Социальная активность школьного юношества в России в годы Первой мировой войны // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 4 (43). – Ч. 3. – С. 229–233.

7. *Блонский П. О.* национальном воспитании. – М., 1915. – 40 с.

8. *Блонский П.* Как мыслить среднюю школу? – М., 1916. – 48 с.

9. *Блохин В.Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. – 2019. – № 3 (61). – С. 29–43.

10. *Букалова С.В.* Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодёжной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2 (17). – С. 141–147.

11. *Ватник Н.С.* Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 9. – С. 94–102.

12. *Вахтеров В.П.* Спорные вопросы образования. – М., 1907. – 14 с.

13. *Вельяминов-Зернов А.В.* К вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в Минской губернии. – М.: Тип. Т-ва Сытина, – 1916. – 35 с.

14. *Гаврилина Ю.Г.* Французские реформаторские идеи в сфере образования в педагогической теории России (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы образования. – 2009. – № 2. – С. 254–268.

15. *Гефнер О.В.* Военное и патриотическое воспитание молодёжи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // Вестник Омского университета. – 2010. – № 2. – С. 162–172.

16. *Горлова Н.И.* История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 5 (194). – С. 123–128.

17. Граф Игнатъев и развал школы. – Саратов, 1916. – 25 с.

18. *Григорьев С.* Средняя школа по нашим законам. (Исторический очерк). – СПб., 1900. – 96 с.

19. *Джунковская Е.В.* Война и воспитание. – Петроград; Москва: Издание товарищества М.О. Вольф, 1915. – 14 с.

20. *Иванов Н.П.* Подвижные игры в школах и «потешных» войсках русской молодежи. – СПб.: В. Березовский, 1911. – 108 с.

21. *Кайдышева Н.Н.* Роль общественности Пермской губернии в деле помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4. История. – 2014. – № 5 (29). – С. 91–103.

22. *Кальсина А.А.* Реформирование школьного образования в условиях Первой мировой войны. Школьная реформа графа П.Н. Игнатъева (1915 г.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V Международной научно-практической конференции. – М., Изд-во МНЭПУ, 2016. – С. 468–472.

23. *Карнова В.В.* К вопросу о формах поощрения участников ученических сельскохозяйственных дружин в годы Первой мировой войны // XXIII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор А.А. Беляева. – 2019. – С. 187–191.

24. *Карпова В.В.* К вопросу об организационных особенностях формирования ученических трудовых дружин в 1915 г. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2016. – СПб., 2016. – С. 61–67.

25. *Карпова В.В., Семёнова Л.Н.* Молодёжные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2014. – Вып. 5. – С. 148–157.

26. *Князев М.А.* Государственная деятельность В.Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 43–51.

27. *Ковалева Е.Д.* Влияние экономического и политического положения в России на молодежное движение скаутинг в нач. XX в. // Материальный фактор п предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2016. – С. 377–382.

28. *Козырев А.В.* Народное образование в России в годы подъёма революционного движения перед первой империалистической войной и в период империалистической войны до победы в буржуазно-демократической революции в России. – Ставрополь, 1948. –16 с.

29. *Константинов Н.А.* Из истории подготовки проекта реформы средней школы в России при министре народного просвещения графе Игнатеве (1915–1916 гг.) // Советская педагогика. – 1943. – № 8–9. – С. 28–38.

30. *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы: (гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г.). – М., 1947; 1956.

31. *Коняев Р.В.* Огневая подготовка нижних чинов в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой войны // Вестник КГУ. – Исторические науки и археология. – 2018. – № 4. – С. 14–17.

32. *Королев Ф.Ф.* Народное образование в России накануне Февральской революции 1917 г. // Советская педагогика. – 1951. – № 12. – С. 41–67.
33. *Кулешов И.* Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х годов по октябрь 1917 г.). – М.: ОГИЗ. Молодая гвардия, 1931. – 136 с.
34. *Левенсон М.Л.* Государственный совет [2-е изд.]. – Пг.: Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. – 148 с.
35. *Луначарский А.* Проблемы народного образования. Сборник статей. – М., 1925. – 224 с.
36. *Любченко Д.Е.* Народное образование и сокольские общества у чехов. – М., 1910. – 16 с.
37. *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. – М.: изд-во МГОУ, 2004 (Тип. МГОУ). – 189 с.
38. *Медынский Е.Н.* История русской педагогики до Великой октябрьской социалистической революции. – М., 1938. – 511 с.
39. *Минакова В.П., Фомичёв И.В.* Общественное педагогическое движение в России в годы Первой мировой войны. – Воронеж, 2003. – 182 с.
40. *Мусин-Пушкин А.А.* Сборник статей по вопросам школьного образования на Западе и в России. (По личным наблюдениям). В двух томах. – СПб., 1912. – 419 с.; 417 с.
41. *Мусин-Пушкин А.* Среднеобразовательная школа в России и ее значение. – Пг.: типография Главного управления уделов, 1915. – 163 с.
42. *Мусин-Пушкин А.А.* О необходимости национального направления нашей школы. – Пг., 1915. – 13 с.
43. *Неупокоев И.В.* Народное образование Тобольской губернии в период Первой мировой войны // VII Емельяновские чтения. Материалы всероссийской научной конференции. – Курган: Курганский государственный университет, 2014. – С. 36–41.

44. *Никулин Д.О.* Деятельность Новониколаевского военно-спортивного комитета по допризывной подготовке в 1916–1917 годах // Исторический курьер. – 2021. – № 5 (19). – С. 180–190.

45. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Под ред. А.И. Пискунова. – М., 1976. – 599 с.

46. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / Под ред. Э.Д. Днепров. – М., 1991. – 445 с.

47. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: конец XIX – начало XX в. [Текст] / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. – М.: Педагогика, 1991. – 448 с.

48. *Павлов А.П.* Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1916. – 66 с.

49. *Пархоменко В.* «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию»: юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. – 2013. – № 8. – С. 142–145.

50. *Поляков С.П.* О подготовке российской молодёжи к военной службе в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 8. – С. 50–54.

51. *Поршнева О.С.* Организация сервисного обслуживания больных и раненых воинов в госпиталях и лазаретах Всероссийского Земского союза в 1914 – в начале 1917 г. (на материалах Пермской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20. – № 3 (2). – С. 299–304.

52. *Райт Д.* Подготовка граждан: царский режим и военное обучение молодежи // Последняя война императорской России. Сб. ст. под ред. О.Р. Айрапетова. – М., 2002. – С. 43–64.

53. *Ромашова М.В.* Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 108–116.

54. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: сб. документов в 3 т. / ред.-сост., Э.Д. Днепров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 831 с.

55. Сальникова А.А. «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей современников // Россия и современный мир. – 2009. – № 2 (63). – С. 134–150.

56. Самович А.Л. Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. – 2015. – № 1 (15). – С. 29–38.

57. Семёнова Л.Н. Влияние Первой мировой войны на школьную жизнь, сознание детей и народных учителей. // Первая мировая война и проблемы российского общества. Материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г. – СПб.: Изд-во ГПА, 2014. – С. 88–91.

58. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М.: Изд-во «Наука», 1973. – 656 с.

59. Смирнов Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. – СПб., 1994. – 410 с.

60. Смирнов М.А. Роль физического воспитания и организация подготовки молодёжи к военной службе в Вятской губернии в период первой мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. – 2013. – № 3 (1) – С. 63–66.

61. Смирнов М.А. Сокольская гимнастика как феномен развития физической культуры на территории Российской империи в начале XX века // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2013. – № 4. – С. 178–182.

62. Сперанский Н.В. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1910. – 240 с.

63. Степченков Л.Л. «Потешные роты» в Смоленской губернии // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 3. – С. 69–71.

64. Сулимов В.С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского края в 1916 г. // Мир науки, культуры и образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 282–284.

65. *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 327 с.

66. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. – М.: Наука, 2005. – 402 с.

67. *Фомичёв И.В.* Школа и просвещение в России в условиях войны революции. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. – 363 с.

68. *Цытович Э.П.* Русский скаут. – Екатеринбург ; Армавир: Типография «ЭНЕРГИЯ», 1919. – 160 с.

69. Чем должна быть наша среднеобразовательная школа. – СПб., 1902. – 44 с.

70. *Чехов Н.В.* Типы русской школы в их историческом развитии. – М.: Издательство Т-ва «Мир», 1923. – 149 с.

71. *Шилов А.И.* Начальная и средняя школа Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Красноярск, 2008. – 440 с.

72. *Щербинин П.П.* Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. – Тамбов: б/и, 2015. – 256 с.

73. *Щербинин П.П.* Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): Матер. междунар. науч. конф. – СПб.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 19–23.

74. *Щербинин П.П.* Социокультурные аспекты формирования военного опыта детей в России и Германии (результаты и последствия Первой мировой войны 1914–1918 гг.) // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): Матер. междунар. науч. конф. 11–12 нояб. 2008 г. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 34–38.

75. *Щербинин П.П.* Юные тамбовские герои (дети-солдаты в период войн начала XX века). Тамбов в прошлом, настоящим и будущем. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, посвящённой 100-летию событий гражданской войны в России: трагедии и драмы выбора исторического пути развития. – 2018. – С. 174–179.

76. *Flasch Kurt.* Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. – Berlin: Alexander Fest Verlag, 2000. – 448 s.

2. Диссертации и авторефераты

1. *Иванов А.Г.* Проект реформы средней школы министра народного просвещения Игнатъева: Дис. ... канд. пед. наук. – М., 1936.

2. *Дмитриева И.И.* Проекты реформы образования и их роль в развитии отечественной средней школы начала XX в.: Дис. ... канд. пед. наук – СПб., 2005. – 167 с.

3. *Кузьмин Н.Н.* Вопросы реформы средней общеобразовательной школы Министерства народного просвещения в период нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 – февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. пед. наук. – М., 1958.

4. *Маскевич Е.Д.* Скаутское движение в Санкт-Петербурге/Петрограде/Ленинграде в 1910–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2020.

5. *Меньшиков В.М.* Российская школа в контексте европейского образования. Историко-теоретический анализ: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1996.

6. *Минакова В.П.* Общественно-педагогическое движение в России в условиях войны и революции, август 1914 г. – октябрь 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002.

7. *Михайлова М.В.* Передовые школы нового типа, созданные общественной и частной инициативой в России в начале XX века.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1966.

8. *Морозов А.Г.* Разработка реформ образования в России в конце XIX – начале XX в.: Правительственная политика и общественно-педагогическое движение: Дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2011.

9. *Островская И.В.* Реформирование российской средней школы в 1906–1917 гг. (на примере развития школьного исторического образования): Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2000.

10. *Парникель В.М.* История коммерческой и средней школы в дореволюционной России: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1954.

11. *Сейку Е.Ю.* Детские и юношеские организации в России в начале XX века (военно-патриотический и культурно-просветительский аспект): Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

12. *Чувашев Е.П.* История реальных училищ в России: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1938.